

Часть первая. Алекс

1

Было шесть утра. В низинах туман еще не рассеялся, и Алекс вел «лендровер» медленно, почти на ощупь. А на западе, слева от дороги, солнце уже освещало вершины Скалистых гор. В Канаде их называют «рокки». Там, где дорога выходила из лощины, тумана не было, и открывался завораживающий вид на далекие утесы. Раньше Алекс не упускал случая остановить машину, постоять несколько минут на обочине и как бы подзарядиться первозданной энергией, исходящей от этой могучей девственной природы. Но сейчас он не мог думать ни о чем, кроме дела, ради которого вот уже несколько месяцев торчал в маленьком сонном городке с красивым названием Вермилион, затерявшемся среди озер и болот где-то на севере Альберты. Все это время по два-три раза в неделю, в любую погоду он мотался по той же самой дороге в необитаемый район, даже не имевший названия и обозначенный только координатами, на стыке трех провинций — Альберты, Британской Колумбии и Северо-Западных территорий. В центре района находились невысокие холмы Камерон. А к северо-западу от них простиралась места, знакомые с детства по рассказам Джека Лондона. Слова «Маккензи», «Клондайк», «Юкон», «Форт Даусон», как отзвуки золотой лихорадки, стремительных обогащений и столь же бы-

стрых разорений, не переставали и сейчас волновать его воображение. Параллели напрашивались сами собой. В такие минуты Алекс лишь иронически усмехался и гнал от себя эти навязчивые книжные сравнения.

«Лендровер» вынырнул из-за последнего поворота, и невдалеке показались ажурные очертания буровой вышки. В голове непроизвольно возникла мысль: «Ну вот, момент истины приближается». Алекс выругался: «Опять эти чертовы банальности». Он злился, когда вдруг лезли в голову или срывались с языка затертые слова. Но именно они почему-то всегда первыми приходили на ум. Надо же — «момент истины», как в плохом детективе. «Ладно, не будем придирааться к словам, — примирительно подумал он, — скажем иначе: вот сейчас станет, наконец, ясно, кто есть кто, а кто есть никто». И хотя вероятность того, что он и Андрей могут оказаться «ником», была теперь очень мала, мысль об этом нет-нет да закрадывалась в сознание. «Все будет хорошо. Все должно быть хорошо», — Алекс привычно отогнал тревожные сомнения.

Он остановил машину рядом с фургоном геофизиков. Они были здесь с вечера и уже ждали его.

— Привет, Крис. Как дела? — обратился Алекс к старшему оператору Гибсону.

— Все идет нормально, док. Заканчиваем спуск.

Они понимали друг друга с полуслова. Речь шла о спуске в скважину кабеля со специальным зондом для регистрации электрических параметров горных пород. Через несколько минут Крис сообщил, что спуск закончен, зонд достиг забоя и спросил:

— Ну что, начнем записывать?

— Начинайте, — ответил Алекс.

— О'кей, начинаем, — Крис дал знак оператору лебедки, и тот перевел агрегат в режим подъема.

Кабель начал медленно наматываться на барабан, и с этого момента датчики зонда стали посылать непрерывные сигналы на приемное устройство. Кривые трех разных электрических параметров записывались одновременно. В совокупности они давали четкое представление о минеральном составе горной породы и о пластах, которые могут быть заполнены нефтью. Подъем зонда из скважины напоминает, при известном воображении, извлечение из земли моркови, на французском — каротаж (от *carotte* — морковь). Поэтому изобретатели метода, французские евреи братья Шлюмберже (Шломберг), назвали его «каротаж» и ввели этот шуточный термин в профессиональный лексикон нефтеразведки. Впрочем, американцы предпочитают более грубоватое название — лог (бревно), а исследование называют логгингом.

Алекс не отрываясь смотрел на экран компьютера. Нижние триста метров показывали обычное чередование геологических пластов — известняков, глин, песчаников. Зонд продолжал медленно ползти вверх. Внезапно, на глубине две тысячи метров, левая кривая дала резкий отрицательный пик и одновременно две другие — столь же резкий положительный. Они как бы оттолкнулись друг от друга. Это противостояние пиков, направленных в разные стороны, сохранялось на протяжении тридцати метров, а затем кривые снова сблизилась и вернулись к прежней спокойной, маловыразительной форме. Алекс почувствовал, как кровь застучала в висках. За четверть века работы нефтяным геологом он пропустил через свои руки тысячи каротажных диаграмм. Но каждый раз, когда в новой скважине он обнаруживал этот ха-

ракторный для нефтяного пласта «отпечаток пальцев» — комбинацию одной отрицательной и двух положительных аномалий, — его снова охватывало волнение, как и тогда, много лет назад, во время первой самостоятельной разведки на Северном Кавказе. А сейчас повод был особый, не сравнимый ни с каким другим за всю его прошлую карьеру. Это было нечто фантастическое, прорыв, в который трудно было поверить, но который все-таки стал реальностью и теперь может изменить всю технологию нефтяной разведки.

Крис, видимо, заметил его состояние.

— Что, понравилась картинка, док?

— Нормально. Бывают хуже, бывают лучше. Сделай мне принт, — попросил Алекс, стараясь не выдать волнения.

Через минуту из принтера вышла лента с диаграммой. Алекс положил ее на рабочий стол, закрыл глаза и провел пальцами по аномальной полосе, как слепой по тексту Брайля. «Мистика какая-то, — подумал он, — я почти осязаю нефть». На диаграмме нефтяной пласт толщиной тридцать метров занимал полосу шириной не больше десяти сантиметров. Алекс продолжал водить по ней пальцами, будто боялся, как когда-то в детстве, что это всего лишь красивый сон, который исчезнет как только откроешь глаза. Наконец он перестал ощупывать диаграмму и снова взглянул на нее. Ничто не исчезло, пласт-красавец был на месте. Алекс смотрел на него с таким чувством, с каким архитектор смотрит на свое творение и авиаконструктор — на созданный им самолет. Разница была лишь в том, что он не создал этот пласт, он его вычислил. А если точнее, то электронный сигнал, указывающий на присутствие нефти, был впервые получен на экране другого компьютера

за тысячи километров отсюда и задолго до бурения скважины. Но он никогда не увидит пласт в реальности, только на диаграмме. В этот момент он даже забыл о том, о чем они с Андреем не переставали думать и говорить весь последний год — их открытие взорвет нефтяную разведку, разрушит ее инфраструктуру, сделает ненужной отработанную до совершенства технологию и приведет к исчезновению сотен геофизических компаний. А такие дела безнаказанно не проходят. Они успокаивали себя тем, что до этого еще далеко, что у них еще будет время все обдумать и найти какое-то решение. И вот сейчас эта десятисантиметровая полоска вернула Алекса к действительности. «Черт возьми, а может быть, времени остается не так уж много, возможно, „день икс“ где-то за ближайшим поворотом, — с тревогой подумал он и снова поймал себя на мысли, что детективный сюжет неотвязно вертится в голове. — „День икс“ — это же из какого-то шпионского триллера. Но если бы только триллер! То, что их может ожидать, не укладывается в схему самого крутого сценария».

...Кабель медленно наматывался на барабан, приборы продолжали регистрировать параметры.

— Что там выше? Есть что-нибудь? — Алекс прервал затянувшееся молчание.

— Ничего особенного. Рутинка. Правда, над нижним объектом как будто бы есть еще метра три с нефтью, — ответил Крис.

— Понятно. — Алекс старался проявлять такое же «рутинное» спокойствие.

Крис Гибсон не знал, да и не должен был знать, как они вышли на этот участок. Он отвечал лишь за определенную техническую операцию. В таком же неведении находился и инженер Боб Адамс, руководивший бурением. Ему была заказана скважи-

на в определенной точке на определенную глубину. Подробности он знать не должен. Оба они работали в специализированных сервисных фирмах.

Алекс снял с пояса мобильный телефон и набрал номер в Тель-Авиве. Там было три часа ночи, но Андрей ответил сразу.

— Не спишь? — спросил Алекс.

— Даже не ложился. Рассказывай.

— Только что провели каротаж. Детали опускаю. Главное — мы в бизнесе. В большом бизнесе. Поздравляю.

— Спасибо, Леха. Нельзя ли подробнее? — Андрей назвал Алекса его школьным именем.

— Если подробнее, то тридцать метров чистой нефти на глубине две тысячи.

— Ё-мое... Что будешь делать дальше?

— Спущу пластоиспытатель на бурильных трубах. Надо измерить давление в пласте и отобрать пробу нефти. Потом спуск обсадной колонны, перфорация и промышленные испытания. В общем, стандартные операции.

— Сколько времени займет испытатель?

— Если все будет нормально, то день-два.

— Последний вопрос, из-за моего невежества. Неужели можно вот так, только по диаграмме, сказать с полной уверенностью, что это чистая нефть и толщина пласта именно тридцать метров?

— Не всегда. Но в данном случае можно. И все же я решил застегнуться на все пуговицы, поэтому перед обсадкой скважины поработаю испытателем.

— Ну, дай бог. Постучим.

— Постучим. Спокойной ночи, Андрюха. Ариведерчи, — это красивое итальянское слово прилепилось к Алексу когда-то в Риме, и он никак не мог от него избавиться.

— Спокойной ночи. Ах да, у тебя еще день, — спохватился Андрей. — Утром позвоню Соросу. Обрадную старика.

— Привет ему от меня. — Алекс отключил телефон.

2

Прошло три дня. За это время испытатель пласта полностью подтвердил прогноз Алекса. Из скважины была отобрана проба нефти. Она оказалась высокого качества, а пластовое давление обеспечивало ее добычу фонтанным способом. Отпадала необходимость в дорогостоящих скважинных насосах для подъема нефти на поверхность.

Когда из пробоотборника извлекли немного нефти, Алекс обмакнул в нее большой палец, а затем подул на ноготь. Нефть равномерно растеклась по нему тонкой пленкой. Он внимательно посмотрел на нее и удовлетворенно отметил: «Чистая нефть, без малейшей примеси воды». Буровики с любопытством смотрели на него.

— Что это вы колдуете, док? — спросил инженер Боб Адамс.

— Смотрю, есть ли вода.

— Вода? Но ведь она в эмульсии не видна на глаз. Мы можем сделать анализ и определить точно, — предложил Адамс.

— Не видна, конечно. Но если смотришь двадцать пять лет, то начинаешь видеть...

С этим приемом Алекс познакомился еще во время институтской практики на одном из грозненских нефтяных промыслов. Был он тогда в обучении у старого мастера с запоминающимся именем — Филимон Сердечкин, — проработавшего в добыче нефти сорок лет. Мастер неспешно, но

основательно передавал ему секреты профессии, которых нет в учебниках. Был среди них и «анализ по ногтю». Алекс несколько раз, с согласия Филимона, проверял его самого — перемешивал разные объемы нефти и воды до состояния однородной эмульсии, и тот определял содержание воды с точностью до одного процента. Тут же проводили лабораторный анализ, и результат полностью подтверждался. К концу практики Алекс и сам, к удовольствию мастера, освоил этот метод и потом не раз удивлял им сослуживцев. Однажды даже выиграл на спор бутылку коньяка.

Тем временем трейлеры заканчивали подвоз труб для обсадной колонны. Их сначала выгружали на горизонтальный помост, а затем устанавливали вертикально на площадке около вышки. Вертикальная труба захватывалась специальным устройством, приподнималась над площадкой, переносилась к устью скважины и опускалась в нее. Верхний конец зажимался, и к нему подавалась следующая труба, которая свинчивалась с первой огромными гидравлическими ключами. Потом обе они опускались в скважину, и операция повторялась. Таким образом, труба за трубой, была опущена колонна общей длиной более двух километров.

Как только спуск колонны закончился, в дело вступили цементирувочные агрегаты. Их задача состояла в том, чтобы заполнить скважину цементным раствором, а затем выдавить его через низ колонны в затрубное пространство и поднять на нужную высоту между колонной и стенками скважины. После завершения этой операции скважина была оставлена в спокойном состоянии на сутки, чтобы цемент схватился и образовал прочное кольцо вокруг обсадной колонны.

Наконец наступил решающий этап — создание постоянных каналов, по которым нефть будет поступать из пласта в скважину. Для этого в колонну, заполненную тяжелой буровой жидкостью, была спущена на электрическом кабеле гирлянда перфораторов. Ее установили точно напротив пласта. В многочисленных радиально расположенных горизонтальных стволах перфоратора размещены мощные кумулятивные заряды, способные пробить стальную трубу и цементное кольцо. Алекс не мог даже вспомнить, сколько раз он проводил такие операции на скважинах, но только дважды до этого ему захотелось самому встать у пульта и нажать кнопку. Один раз это было при открытии первого в его жизни месторождения, а другой — незадолго до отъезда из России, когда он решил таким образом отметить свое последнее открытие в стране. И вот сейчас он подумал, что не только должен сам произвести залп, но и дать такую возможность своему другу и партнеру. Это будет символично и справедливо.

Неожиданный ночной звонок встревожил Андрея.

— Что-то случилось? — Сон моментально слетел с него.

— Все в порядке, Андрей. Просто мы спустили перфоратор и сейчас будем простреливать колонну. Не хочешь ли принять участие?

— С удовольствием. Но как это сделать?

— Ну, дай команду. А я ее выполню. Я готов.

— Огонь из всех стволов! — вдруг отчеканил Андрей командирским голосом.

— Есть огонь! — ответил Алекс и нажал кнопку.

Так, впервые в истории, скважина в Канаде была прострелена по команде из Тель-Авива. «Хороший газетный заголовок, — усмехнулся Алекс. — На-

ходка для журналистов». Приборы зафиксировали залп. Тонкие струи жидкого металла, выброшенные из перфораторов со скоростью десять километров в секунду, пробили сталь и цемент, отделявшие скважину от нефтяного пласта. И если бы не столб тяжелой буровой жидкости, которой была заполнена колонна, нефть ворвалась бы в нее с бешеной скоростью через пробитые отверстия и устремилась к поверхности. Теперь только эта жидкость удерживала ее в пласте. Следующий день ушел на постепенную замену буровой жидкости более легкой водой до того момента, когда давление водяного столба стало меньше давления в пласте. Нефть начала медленно поступать в скважину, вытесняя воду.

В конце дня Алекс записал в дневнике: «Сегодня группа Double A («Дабл Эй») открыла первое в мире нефтяное месторождение Камерон методом прямого обнаружения». «Дабл Эй» означало двойное А. Андрей расшифровывал это как «Алекс и Андрей», а Алекс — как «Андрей и Алекс». Но в документах расшифровки не было, указывалось только «АА».

Скважина-открывательница была оснащена необходимым для фонтанной добычи нефти наземным оборудованием и законсервирована. Оплата за нее поступила на счет буровой фирмы «Дриллинг Энтерпрайз» из швейцарского банка. Инвестиционная группа «Дабл Эй» заказала этой же фирме бурение четырех дополнительных разведочных скважин для точного определения границ месторождения и запасов нефти. Контракт с фирмой подписал генеральный директор «Дабл Эй» доктор геологии Алекс Франк.

До начала бурения оставалась неделя, и в это время возникли некие непредвиденные обстоятельства. Алекс срочно прилетел в Израиль, чтобы

обсудить их. На следующий день они встретились втроем — Алекс, Андрей и тот, кого они называли между собой «наш Сорос». Его настоящее имя было Шмуэль. Это был человек очень известный в стране и очень богатый. Алекс и Андрей познакомились с ним год назад. Они пришли к нему практически с улицы, без рекомендаций и без помощи посредников. Просто позвонили, и секретарь назначила им встречу. Их единственной рекомендацией были прошлые профессиональные достижения и результаты проверки метода на уже известных нефтяных месторождениях. Имея печальный опыт предыдущих подобных встреч, они ожидали столкнуться с недоверием и плохо скрытым подозрением, что два проходимца с докторскими дипломами пытаются раздобыть деньги на какую-то псевдонаучную аферу. Но на этот раз все было иначе. Шмуэль сразу же расположил их своей простотой, открытостью и стремлением вникнуть в самую суть технических вопросов. Он встретил их широкой улыбкой, которая, впрочем, не скрывала хитрого прищура глаз.

— Молодые люди хотят поговорить о деньгах. Я не ошибаюсь?

— Не ошибаетесь, — в тон ему ответил Алекс.

— Прекрасно. Молодые люди хотят предложить деньги мне или просить у меня? — продолжал Шмуэль в нарочитой манере старого мудрого еврея, который знает все о деньгах и о людях.

— Предложить вам.

— Так я и знал, — удовлетворенно произнес Шмуэль, — молодые люди хотят предложить мне сто тысяч долларов в обмен на мои двести. Или я что-то напутал в арифметике?

— Немножко напутали. Мы хотим предложить вам двести пятьдесят миллионов в обмен на пятьдесят.

— О, это уже становится интересным. Можно спросить, из чего молодые люди собираются сделать двести пятьдесят миллионов?

— Из ваших пятнадцати, — невозмутимо ответил Алекс.

— Очень, очень знакомо. Ну что ж, рассказывайте. — Шмуэль откинулся на спинку кресла и приготовился слушать, не скрывая иронии умудренного жизнью человека.

Их разговор продолжался четыре часа. Уже через полчаса Шмуэль распорядился, чтобы его ни с кем не соединяли и не отрывали никакими вопросами. По мере того как Алекс и Андрей раскрывали суть дела, его прежнее благодушно-шутливое настроение сменялось сосредоточенным вниманием и нескрываемым интересом. Все было для него новым и незнакомым. Поэтому он попросил начать с основных принципов нефтяной разведки. Его особенно поразил тот факт, что из каждые ста разведочных скважин находят нефть не более двадцати, а остальные восемьдесят оказываются «сухими», и затраты на их бурение не окупаются. Иными словами, по степени риска и по размеру вознаграждения за него в случае успеха никакая другая промышленность даже не приближается к поискам нефти. И этот огромный риск постоянно сопутствует нефтяному бизнесу, несмотря на то, что разведка опирается на самую современную науку и технологию. Сегодня, как и сто лет назад, ответить на главный вопрос: есть ли на каком-то конкретном участке нефть или ее здесь нет? — может только скважина. Пока она не пробурена, геологи и геофизики оперируют лишь таким зыбким критерием, как степень вероятности. Решение о бурении разведочной скважины — этого самого дорогостоящего этапа поискового процесса — всегда принимается без уверенности в успехе.

Каждый разведчик знает, что окончательный ответ может дать только «профессор долото». А этот «профессор» — самый дорогой эксперт в мире. Однако без его помощи нефтяная разведка обойтись не может. «Причина в том, — закончил Алекс, — что образование залежей нефти в недрах земли — это все еще один из самых загадочных природных феноменов. Многие знают о нем немного, немногие — много, но никто не знает достаточно».

Шмуэль внимательно слушал.

— И вы утверждаете, молодые люди, что не нуждаетесь в помощи этого дорогого «эксперта», как вы его называете, и что еще до бурения скважины можете сказать — есть ли под землей нефть. Если я правильно понимаю, вы можете пробурить сто скважин, и ни одна из них не будет сухой? — Шмуэль не скрывал своего недоверия.

— Вы поняли совершенно правильно. Именно это мы утверждаем, — твердо ответил Алекс.

— Не могли бы вы объяснить, как это можно сделать?

— Разумеется, мы готовы дать необходимые объяснения. Но, если не возражаете, на данном этапе мы хотели бы воздержаться от некоторых технических деталей, которые составляют ноу-хау. Если мы придем к соглашению, то вы получите техническую информацию в полном объеме.

— Хорошо, — согласился Шмуэль. — Расскажите, что можете, но только так, чтобы я понял.

— Эту часть дела объяснит доктор Шейнман. Он физик-электронщик, и это его область. Хочу только добавить, что наш метод поисков нефти является так называемым методом прямого обнаружения. В этом его отличие от всех других применяемых сегодня поисковых технологий, которые основаны на косвенных признаках присутствия нефти.

Разговор продолжил Андрей:

— Если коротко, то мы отбираем на участке, который нужно оценить, образцы почвы с глубины два метра от поверхности. И анализируем их на специальном приборе, который я сконструировал. Общий принцип этого анализа хорошо известен в физике и широко применяется в разных областях. Но я ввел в него дополнительную операцию, которая позволяет определить некий ранее неизвестный физический параметр. Мы называем его индекс. И этот индекс ведет себя различно на участках, где есть нефть и где ее нет. Количественная разница между ними в среднем десятикратная, то есть если условно принять индекс на участке без нефти за десять, то на нефтяном он составляет примерно сто. Это как отпечатки пальцев. Ошибиться просто невозможно. Иными словами, индекс содержит прямую информацию о наличии или отсутствии нефти.

— Где был проверен ваш метод и каковы результаты? — Вопросы Шмуэля становились все более четкими и конкретными.

— Метод был проверен на четырех месторождениях в России, на трех в Америке и на одном в Израиле около Ашкелона, которое у нас, как вы знаете, единственное. В общей сложности на восьми месторождениях. Во всех случаях получено сто-процентное подтверждение, то есть, как я уже сказал, разница между образцами, отобранными над нефтяными залежами и за их пределами, в среднем десятикратная.

— У вас есть какое-то документальное подтверждение того, о чем вы говорите?

— Есть таблицы анализов, спектральные диаграммы, карты месторождений с точками отбора образцов и величинами индекса.

— Они у вас с собой?

— Да, конечно. Хотите посмотреть?

— Обязательно.

Андрей разложил на столе материалы и дал объяснения.

— Удивительно, но я все понял! — воскликнул Шмуэль. — Это настолько просто, что возникает вопрос: а не нарисовали ли вы это сами?

Андрей и Алекс пожалы плечами и натянуто улыбнулись. После короткого замешательства Алекс сказал:

— Ну, во-первых, насчет простоты. Это так же просто, как Колумбово яйцо. Пока Колумб не принял верхушку и не поставил его вертикально, никому даже в голову не приходило, что так можно сделать. А во-вторых, насчет того, что мы это сами нарисовали. Если нарисовали, то с какой целью? Один умный человек сказал: обманывать других — грех, обманывать себя — преступление.

— Ну, знаете... Вам же нужны деньги. А ради денег можно и не такие картинки нарисовать.

Наступило неловкое молчание.

— До денег мы еще не дошли. Перед тем как принять решение, у вас будет возможность сделать собственную независимую проверку. Пошлите своих людей на месторождение под Ашкелоном. Пусть они отберут образцы в любых точках над нефтяной залежью и за ее пределами. Технически это несложно. А мы сделаем анализы. Результаты вы нанесете на карту, и тогда все станет ясно, — нашел выход Алекс.

Предложение Шмуэлю понравилось.

— Ну что ж, пожалуй, мы так и сделаем. А сейчас еще один вопрос. Я не очень силен в физике, но хотелось бы знать, как возникает эта десятикратная разница вашего параметра, за счет чего?

Ответ поразил Шмуэля.

— Мы этого не знаем. Мы просто наблюдаем ее, но физическая природа явления нам неизвестна.

— Позвольте, позвольте. Как это — неизвестна? Это что же — шаманство?

— Ну, если хотите, можно назвать и так. Мы не возражаем. Главное, что оно позволяет «видеть» нефть под землей.

— И вы хотите получить пятнадцать миллионов долларов под метод, который даже не можете объяснить? — Шмуэль намеренно старался казаться возмущенным, хотя заинтересованность его была очевидной.

В разговор вмешался Алекс:

— Но в этом нет ничего необычного. В истории техники не раз бывало, что открытие начинали применять на практике задолго до того, как могли объяснить его теоретически. Возьмите компас. Письменные упоминания об использовании его мореплавателями относятся к одиннадцатому веку, а первая гипотеза земного магнетизма, объяснявшая поведение магнитной стрелки, была выдвинута Джилбертом лишь спустя три столетия. Природа позаботилась о том, чтобы тайны и их разгадка лежали достаточно далеко друг от друга — и во времени, и в пространстве. Представьте себе судьбу мореплавания до Джилберта, если бы от компаса отказались на том основании, что физическая природа его неизвестна. Разумеется, без теории природные явления объяснить нельзя, но использовать можно.

Этот пример не рассеял сомнения Шмуэля.

— Допустим. Но все же здесь есть о чем подумать. Пятнадцать миллионов — большие деньги. Нужны твердые гарантии, что это надежное дело. Согласны?

— Совершенно согласны, — ответил Андрей. — И поэтому я хотел бы напомнить одну историю, которая поможет вам оценить ситуацию. Однажды к Наполеону пришел некий американец по имени Роберт Фултон и предложил заменить паруса на военных кораблях паровой машиной. Наполеон не считал себя специалистом в морских делах и направил его к своим адмиралам. Их заключение было категорическим — абсурд, паровая машина не может заменить паруса. Разочарованный Фултон переправился через Ла-Манш и обратился с тем же предложением в Британское адмиралтейство. Там подумали и решили, что стоит попробовать. В итоге британский флот заменил парусники паровыми судами, и Англия стала владычицей морей. По существу, каждый, от кого зависит судьба новой идеи, должен принять одно из двух решений — французское или английское. И это определяет его место в истории...

— Я вас понял, — рассмеялся Шмуэль, — вы хорошо подготовились, молодые люди. Компас, паровая машина... И все же пятнадцать миллионов — деньги немалые.

— Хотите узнать продолжение истории с паровой машиной? — предложил Андрей, почувствовав, что интерес Шмуэля нужно немного подогреть.

— А что, еще есть продолжение?

— Есть. И довольно любопытное.

— Давайте. Вы мне устроили интересный день сегодня. Рассказывайте.

— Вы, конечно, знаете, что разработка американской атомной бомбы или Манхэттенский проект начинался с письма Эйнштейна Рузвельту в августе тридцать девятого. В нем великий физик, опасаясь успехов германских ученых в этой области, попытался убедить президента в необходимости созда-

ния собственного ядерного оружия. И просил выделить на его разработку крупную по тем временам сумму. Письмо передал Рузвельту научный консультант Белого дома. Президент прочитал его и сказал, что приближается война и деньги нужны на более реальные вещи, а не на фантастические идеи чудаковатых ученых. «И кроме того, — добавил он, — я просто не представляю, как из невидимого атома можно получить такую уйму энергии». Попытки консультанта объяснить Рузвельту физическую природу явления не поколебали его. Тогда он рассказал историю про Наполеона, Фултона и Британское адмиралтейство. Рузвельт внимательно выслушал и молча написал на письме короткую фразу, адресованную министру финансов Моргентау: «Генри, я полагаю, что предложение профессора Эйнштейна заслуживает положительного решения». Манхэттенскому проекту был дан зеленый свет...

— Черт возьми! — воскликнул Шмуэль. — Атомной бомбой вы меня добились. Давайте говорить о деньгах. Итак, допустим, вы получаете пятнадцать миллионов. Что дальше?

— Дальше мы подаем заявку на участие в одном из тендеров на разведочные концессии или блоки в какой-либо стране. Выбираем район вдали от населенных центров. Перед началом тендера выезжаем в поле и отбираем образцы на всех блоках, выставленных на торги. Удаленность от населенных мест поможет сделать это незаметно. К моменту торгов мы уже будем точно знать, где есть нефть. Выигрываем тендер по бесспорно нефтяному блоку. Если будут конкуренты, то предлагаем наилучшие условия. Получив разведочную концессию, сразу же начинаем бурение без предварительных сейсмических исследований, которые необходимы по существующей конвенциональной «косвенной»

методике разведки, но которые еще не гарантируют, что пробуренная по их результатам скважина встретит нефть. Открыв нефть первой скважиной, бурим четыре-пять дополнительных для определения размеров и запасов месторождения. После этого выставляем его на продажу, как любой другой вид собственности — завод, танкер, земельный участок. На вырученные деньги проводим такую же операцию в какой-либо другой стране, затем в следующей и так далее. Наш принцип: пришел, нашел, продал. На начальном этапе мы будем избегать повторного появления в одной и той же стране, так как это может привлечь нежелательное внимание нефтяных компаний.

— Во что обойдется открытие одного месторождения и какова может быть его рыночная стоимость? — спросил Шмуэль.

— С учетом бурения пяти-шести скважин, всех других затрат и накладных расходов открытие и последующая разведка обойдутся примерно в пятнадцать миллионов долларов. В случае среднего по запасам месторождения оно может быть продано не меньше чем за двести пятьдесят миллионов.

— Это означает, что норма прибыли более тысячи шестисот процентов, — быстро подсчитал Шмуэль. — Неслыханно!

— Да, норма прибыли, неизвестная в других отраслях промышленности. Именно она и делает нефтеразведку рентабельным бизнесом даже при условии, что восемьдесят скважин из ста бурятся впустую. Иначе ни одна нефтяная компания не могла бы позволить себе такой риск. Но в нашем случае, пользуясь этой же нормой прибыли, мы одновременно избегаем риска бурения сухих скважин.

— Знаете что, молодые люди, — слишком много информации за один день, — подвел итог Шму-

эль. — Я должен все обдумать и посоветоваться со своим адвокатом. Но сначала мы отберем образцы на Ашкелонском месторождении. И для этого мне нужна ваша карта с его границами. Продолжим разговор после получения результатов анализа. Ну что ж, на сегодня все. Благодарю вас. Было очень интересно. Очень.

Через неделю сотрудник Шмуэля доставил пятьдесят образцов, обозначенных только номерами и отобранных как над месторождением, так и за его пределами. В течение двух дней анализы были готовы, и состоялась вторая встреча. Шмуэль тут же, в их присутствии, стал наносить результаты на собственную карту, где были обозначены границы месторождения, точки отбора и номера образцов. Алексу и Андрею эта карта не была известна. Они сидели в креслах в дальнем углу кабинета, пили кофе и молча наблюдали. Пока Шмуэль был поглощен этим занятием, его лицо оставалось непроницаемым. Наконец он закончил и посмотрел на них так, будто видел впервые.

— Ну что вам сказать, молодые люди, — медленно начал Шмуэль, но затем не удержался и выпалил: — Можете считать, что пятнадцать миллионов у вас в кармане.

Через минуту в кабинете появился адвокат Рон Берман и вручил Алексу и Андрею по экземпляру какого-то документа. К их удивлению, это был контракт, подготовленный заранее. Среди прочего в нем содержались следующие условия: отказ от патентования прибора и метода; запрет на передачу ноу-хау любой третьей стороне; полная секретность всего, что связано с местонахождением прибора, проведением разведочных работ и их финансированием; название фирмы не должно раскрывать характер ее деятельности («Наш девиз:

Esse non videri — существовать невидимо», — объяснил Шмуэль); фирма должна быть зарегистрирована в офшорной зоне. В параграфе «Распределение прибылей» доля Шмуэля была оговорена в размере семидесяти процентов, а совместная доля Алекса и Андрея составляла остальные тридцать процентов.

После короткого обсуждения они решили принять все условия. Патентование прибора не могло гарантировать его от пиратского воспроизведения, а затем и незаконного использования метода конкурентами. Поэтому наилучшим решением был пример компании «Кока-Кола», которая вот уже почти сто лет тщательно охраняет секрет незапатентованной рецептуры своего напитка. Что касается прибылей, то, хотя соотношение было не очень справедливым, Алекс и Андрей не стали поднимать этот вопрос. В конце концов, тридцать процентов выглядели такой привлекательной суммой, что о львиной доле Шмуэля можно было и не думать. Им было хорошо известно «золотое правило» Мэрфи: «Тот, кто владеет золотом, устанавливает правила». Золотом владели не они, поэтому не им и правила устанавливать. Здесь же, в кабинете Шмуэля, они предложили название: «Инвестиционная группа „Дабл Эй“». Сорос не возражал. Он не был заинтересован в том, чтобы в названии фигурировало его имя.

3

Через два месяца правительство Альберты объявило тендер на шесть смежных блоков в одном из удаленных северных районов провинции. В течение десяти дней Алекс с помощью нанятого им временного работника отобрал на них образцы почвы

и переслал их Андрею почтой «Федерал-экспресс». Спустя неделю он получил по факсу результаты. К его удивлению, нефтяным оказался только один блок Камерон, наиболее удаленный от единственного известного в этом районе нефтяного месторождения Блэк Крик. Логика подсказывала, что по этой причине именно он вызовет наименьший интерес у участников тендера. Так оно и произошло. Желающих приобрести этот блок не нашлось, и «Дабл Эй» оказалась единственным заявителем. Соответственно и сумма обязательного взноса при подписании контракта с правительством оказалась наименьшей.

После опубликования в официальном бюллетене результатов тендера его участники решили, что никому не известная группа «Дабл Эй» — это дилетанты, которым некуда девать деньги и которые думают, что поиски нефти — это «русская рулетка». Такое мнение еще более укрепилось, когда стало известно, что группа зарегистрирована в Гибралтаре. А когда «Дабл Эй», не проведя предварительные сейсмические исследования, вдруг заказала скважину буровой фирме «Дриллинг Энтерпрайз», она вообще стала предметом насмешек в деловом клубе Калгари, нефтяной столицы Альберты. С этого момента профессионалы утратили к ней всякий интерес. Как заметил один местный остряк: «Эти ребята слишком буквально воспринимают закон поиска Мэрфи — начинать надо с самого неподходящего места». Поэтому, когда скаут Джим О'Коннор сообщил компании «Игл Корпорэйшн», канадскому филиалу одноименного чикагского концерна, на которую он работал и которая приобрела блок, ближайший к месторождению Блэк Крик, что эти сумасшедшие парни из «Дабл Эй» получили нефть, ему просто не поверили. Вице-президент

Билл Дэвис даже высказался в том духе, что компания платит деньги не за то, чтобы он сочинял для них рождественские сказки.

О'Коннор только недавно был принят в Ассоциацию скаутов, и такое недоверие могло отразиться на его профессиональной репутации. Нефтяные компании нанимают скаутов для сбора всевозможной информации о конкурентах и хорошо оплачивают их услуги. Зачастую в своей работе скауты используют не вполне легальные методы, но заказчики смотрят на это сквозь пальцы. Поэтому Джим О'Коннор решил доказать свою правоту. Он отправился из Калгари за тысячу километров в район бурения и сделал несколько фотографий специальной камерой с большого расстояния. На снимках была четко видна фонтанная арматура на устье скважины — свидетельство того, что она уже подготовлена к добыче нефти. О'Коннор вошел с победным видом в кабинет вице-президента и разложил фотографии на столе.

— Что это, Джим? — спросил Дэвис.

— Скважина «Дабл Эй», сэр.

Дэвис бегло взглянул на снимки, и его лицо приняло озабоченное выражение.

— Я был неправ, Джим. Прошу извинить. Это очень важная информация. Надеюсь, мы и дальше будем сотрудничать. — Дэвис дружески похлопал скаута по плечу.

— Все в порядке, мистер Дэвис. Я рад, что фотографии вам понравились. Работать с вами большое удовольствие.

— Понравились или нет — это другой вопрос. А сейчас вот что, Джим. Надо поговорить с ребятами из «Дриллинг Энтерпрайз» и попытаться узнать глубину скважины и все, что касается пластоиспытателя, — если они его спускали. А главное — ви-

дели ли они карту, по которой была выбрана точка бурения? Это самое важное. Кроме того, узнай, какая фирма проводила каротаж. С ними тоже нужно встретиться и попытаться выяснить глубину нефтяного пласта и интервал перфорации. Оплата за эту работу — сверх контракта.

— Спасибо, мистер Дэвис. Сделаю все возможное. Как срочно это требуется?

— Очень срочно. Чем быстрее, тем лучше. — С лица Дэвиса не сходила озабоченность.

Через пару дней О'Коннор снова появился в кабинете вице-президента.

— Странные дела происходят, мистер Дэвис, доложу я вам. Люди из «Дриллинг Энтерпрайз» замолкают, как только речь заходит о скважине «Дабл Эй». Я познакомился с парнем из буровой бригады и поставил ему кружку пива. Болтали о том, о сем. Но стоило мне упомянуть эту чертову скважину, как он тут же уткнулся в кружку и тянул пиво минут десять. Удалось только выяснить, что это был какой-то особый контракт с оплатой по высшей категории и что все они подписали обязательство о неразглашении информации. Признаюсь вам, мистер Дэвис, никогда не слышал о таких делах.

— Так, так, Джим. Интересно. А что насчет каротажа и перфорации?

— Каротаж и перфорацию проводила фирма «Вэлл Сервисез». Там дела еще почище, чем в «Дриллинг». Я пригласил оператора лебедки пропустить по стаканчику. Парень компанейский, любитель почесать языком и не дурак угоститься за чужой счет. Выпили мы с ним по одному, потом по другому, потом еще. И тут я задал вопрос насчет «Дабл Эй». Мой приятель сразу протрезвел, как-то нехорошо посмотрел на меня и спросил: «Слушай, парень, тебя кто прислал?» Встал, расплатился и ушел.

Такие дела, мистер Дэвис, доложу я вам, — Джим О'Коннор был в полном недоумении.

— Спасибо, Джим. Ты хорошо поработал. — Дэвис сказал это без иронии, но Джиму в его словах почудилась насмешка.

— Очень сожалею, мистер Дэвис. Поверьте, я старался как мог. Но если человек не хочет говорить, тут уж ничего не поделаешь.

— Не переживай, Джим. Ты все сделал правильно. Спасибо, — успокоил его Дэвис.

В тот же день Алексу позвонил инженер Боб Адамс из «Дриллинг Энтерпрайз» и сообщил, что скважиной усиленно интересуются. Охранник заметил джип «тойота» красного цвета, который целый час кружил вокруг нее на большом расстоянии. Машина несколько раз останавливалась, водитель становился на крышу и фотографировал скважину с разных направлений. Охранник следил за ним в бинокль и даже записал номер машины. А к рабочему из буровой бригады кто-то подсел в пабе и пытался получить информацию. Алекс поблагодарил Адамса и взял у него номер джипа. Вскоре интерес к скважине подтвердил и Крис Гибсон из «Вэлл Сервисез».

«Похоже, карусель начинается раньше, чем мы ожидали», — с тревогой подумал Алекс. Он хорошо представлял себе возможные последствия такого интереса со стороны нефтяных компаний и вероятное развитие дальнейших событий. В бизнесе, в котором крутятся миллиарды долларов, моральные нормы, профессиональная этика и уважение к частной собственности, в том числе к интеллектуальной, существуют только до определенного предела. За этим пределом действуют другие правила, не имеющие ничего общего с так называемыми моральны-

ми принципами и порядочностью. Невидимая граница, разделяющая эти две области человеческого поведения, определяется только деньгами. То, что считается предосудительным, когда речь идет, допустим, об одном миллионе долларов, становится возможным при десяти миллионах. При ставке в сто миллионов границы допустимого раздвигаются в геометрической прогрессии. А миллиард долларов снимает любые мыслимые ограничения, все становится приемлемым — взломы, похищения, убийства, транспортные катастрофы с многочисленными жертвами и даже государственные перевороты. За кулисами этих событий могут стоять не только маньяки, жаждущие несметного богатства, но и респектабельные корпорации с их огромными возможностями слежки, шпионажа и организации всевозможных «акций». Там, где речь идет о миллиардных прибылях, правила игры одинаковы и для белых воротничков из роскошных офисов на верхних этажах небоскребов, и для наркобаронов из колумбийских джунглей. Поэтому, получив тревожную информацию от Адамса и Гибсона, Алекс срочно прилетел в Израиль. То, что он узнал, требовало серьезного обсуждения.

4

Шмуэль тепло приветствовал Алекса, обнял, хлопал по спине.

— Выглядишь неплохо, профессор. Но видно, что солнца недобрал. Ничего, здесь прогреешься. Что стряслось?

Алекс рассказал то небольшое, что узнал от людей из «Дриллинг Энтерпрайз» и «Вэлл Сервисез». Первым высказал свое мнение Андрей. Его реакция была довольно спокойной.

— Но может быть, это обычное любопытство, которое компании проявляют друг к другу? Пробурена скважина, обнаружена нефть. Естественно, что другим не терпится получить техническую информацию. Я бы расценил это именно так.

— Дело вот в чем, Андрей. Три компании, которые работают на блоках, соседних с нашим, только сейчас начинают сейсмические исследования. К бурению они приступят лишь тогда, когда обработают сейсмические данные и определят по ним наиболее перспективные участки. А мы за это время без всякой сеймики уже пробурили скважину и получили нефть. Сначала они смотрели на нас как на дилетантов, которые вообще не знают, что такое разведка и с чем это блюдо едят. Такие разговоры до меня доходили. А сейчас что-то заподозрили и пытаются разобраться, что происходит. Судя по почерку, пока этим занимаются скауты. Но очень скоро их заменят настоящие профессионалы. И они не отступят, пока не докопаются до сути. Докопаться, конечно, не смогут, но вопросов у них появится много. Я знаю эту публику — чем больше вопросов, тем больше людей и денег будет брошено на то, чтобы расколоть орешек. Можно только гадать, где они остановятся. Если вообще остановятся. И мы к этому должны быть готовы. Нельзя сказать, что все это для нас полная неожиданность. Как вы знаете, мы предусматривали такую ситуацию. Но она может возникнуть гораздо раньше, чем ожидалось. И то, что мы вовремя получили сигнал, дает нам некоторое преимущество. Теперь надо решить, что и как следует делать. Спасибо за внимание, — шутиво закончил Алекс.

Шмуэль и Андрей улыбнулись.

— Я хотел бы узнать насчет того парня, который помогал тебе отбирать образцы. Кто он такой

и где сейчас? Могут ли скауты до него добраться? — спросил Шмуэль.

— Это был безработный электромеханик из Квебека по имени Пьер Леже. Он уже собирался возвращаться домой, когда я увидел его на бирже труда в Калгари. Пьер произвел хорошее впечатление, и я предложил ему поработать дней десять за четыре тысячи баксов. Для него это была большая удача, и он сразу согласился. Я снял для него гостиницу в Вермиллионе. Мы работали ручным электробуром, а Пьер хорошо знал этот инструмент. Насколько мне известно, он уехал в Квебек через недели полторы после окончания работы. И все это время жил в Вермиллионе. Близких друзей у него в Альберте не было. Вот все, что могу сказать.

— Ну, будем считать, что с этой стороны все спокойно, — заключил Шмуэль. — Но вот общая ситуация мне не кажется такой безоблачной. Я с Алексом согласен — мы получили сигнал, и надо как следует подготовиться к возможному развитию событий. Мне кажется, что прежде всего нужно подумать об охране. Я имею в виду и личную охрану Алекса и охрану буровой установки. Не думаю, что на этом этапе возможны попытки покушения, похищения, кражи и подобные трюки. Но слежка наверняка будет, и задача охраны ее блокировать. Как молодые люди к этому относятся?

Андрей казался совершенно подавленным происходящим.

— Я слушаю вас обоих, и начинает казаться, что все мы герои какого-то шпионского детектива. Не знаю, что и сказать. Я о таких делах могу судить только по кинофильмам. Поэтому полагаюсь на ваш опыт и здравый смысл. Если вы считаете, что нужна охрана, то я не против.

— Шмуэль прав, — решительно заявил Алекс. — Задача охраны блокировать слежку и не допустить, чтобы кто-то сунул нос в наши дела. Мне одному с этим не справиться. Тем более что неизвестно, с какой стороны может быть наезд. Поэтому пара профессионалов была бы весьма полезна.

— Очень хорошо. Я имел в виду именно профессионалов, а не телохранителей узкого профиля. Итак, решено.

Шмуэль вызвал секретаря и попросил соединить его с Давидом Бен-Эзрой, директором частного охранного агентства.

— Это мой старый товарищ, полковник в отставке, — объяснил он. — У него лучшие ребята в стране. Суг алеф*.

— Мистер Бен-Эзра на линии, — сообщила секретарь.

— Шалом, Давид. Как дела? — приветствовал его Шмуэль. — Твоими ребятами еще кто-то интересуется? Даже людей не хватает? Это хорошо. Каждому из нас чего-то не хватает. Кому здоровья, кому денег, кому людей... Давид, мне нужны трое надежных парней англосаксонского типа, с безупречным английским, неброской внешностью, умеющих думать и анализировать. Работа за океаном. Срок? Минутку, сейчас узнаю.

Шмуэль повернулся к Алексу:

— Сколько времени нам нужно, чтобы закончить дела в Альберте?

— Думаю, месяца четыре. Не меньше.

— Давид, работа примерно на пять месяцев. Спасибо. Жду звонка. Шалом.

* Первый сорт (иврит).

Два дня Алекс провел дома. Рахель привыкла к его частым поездкам за границу и принимала это как неизбежность, с которой нужно просто смириться. Раньше, когда он консультировал иностранные компании, они обычно ездили вместе. Но последние два года работа Алекса изменилась, и он не мог брать ее с собой. В чем именно заключалась его новая работа, она не знала, а он не топорился посвящать ее в детали и ограничивался лишь общими словами. Делал он это намеренно, чтобы уберечь семью от возможных неприятностей в будущем, хотя и не мог бы объяснить, каквы они могут быть и каким образом могут затронуть его близких. Было лишь смутное ощущение, что до поры до времени им лучше не знать о его делах. Им — это жене и сыну. Ури служил в армии, в бригаде морских коммандос. Когда Алекс приезжал, его обычно отпускали домой, и им удавалось короткое время побыть вместе. Так было и на этот раз. Ури получил отпуск на несколько часов и приехал на армейском джипе, загорелый, пропыленный. За два года службы он возмужал, окреп, приобрел уверенность в суждениях и поступках. Любуясь сыном, Алекс подумал, что он мог бы быть его надежным помощником в Канаде. Впрочем, нет, он еще слишком молод. Для этой работы нужны более зрелые парни, умеющие не только владеть оружием и приемами рукопашного боя. Это как раз требуется меньше всего. Интересно, кого подберет Бен-Эзра?

Два дня пролетели незаметно, и на следующее утро Шмуэль назначил встречу в своем офисе. Когда Алекс и Андрей вошли в кабинет, там уже находились трое молодых людей лет тридцати, которые встали при их появлении. Шмуэль представил каждого: Габриэль Каминский, Гидеон Эйтан, Морис

Шахар. Алекс незаметно обвел их внимательным, изучающим взглядом. В их внешности не было ничего примечательного. Строгие темные костюмы, белоснежные рубашки, со вкусом подобранные скромные галстуки, до блеска начищенные туфли. В Канаде они могут сойти за типичных банковских служащих. В то же время в них чувствовалась едва уловимая физическая и интеллектуальная собранность, дававшая ощущение надежности и спокойной уверенности. Это проявлялось в коротких крепких рукопожатиях, сдержанных улыбках, прямых, открытых взглядах, в манере говорить, задавать вопросы и отвечать на них.

Алекс рассказал о предстоящей работе. Отвечая на вопросы «охранников», он еще раз подчеркнул основные требования и условия, в которых им придется действовать. Во-первых, у них не будет оружия; во-вторых, силовые приемы допускаются лишь в исключительных случаях; в-третьих, их главная задача — наблюдение и предотвращение любых попыток получить информацию о группе «Дабл Эй». Сюда входят не только технические данные, но и сам тот факт, что группа израильская. В связи с последним условием сразу же возник вопрос о паспортах. У Алекса, кроме израильского, был еще и канадский паспорт. Гражданство он получил несколько лет назад, когда работал в этой стране. Поэтому ни он, ни Шмуэль не подумали сразу о документах для людей Бен-Эзры, у которых были только израильские паспорта. Это, конечно, была оплошность.

— Ну что ж, попробуем найти выход. — Шмуэль попросил секретаря соединить его с охранным агентством.

Он рассказал Давиду Бен-Эзре о возникшей проблеме и спросил, что можно сделать. Вопрос,

видимо, озадачил его собеседника, который был не в восторге от этого нового требования.

— Я понимаю, что вы не «Мосад», — ответил Шмуэль, — но у тебя наверняка есть связи и разные специфические возможности... Нет, нет, только не банановая республика... Какая-нибудь англоязычная страна... Само собой — любая сумма. Спасибо, Давид. Я не сомневался. Шалом.

Через два дня «охранники» стали гражданами Южно-Африканской Республики.

5

Мощные гусеничные тягачи компании «Дриллинг Энтерпрайз» перетащили буровую вышку и оборудование на новую точку, в четырех километрах южнее нефтяной скважины. Одновременно начался монтаж дополнительной буровой установки на еще одной точке, в одиннадцати километрах к западу от нее. В совокупности эти три точки образовывали треугольник, внутри которого, по данным анализа почвенных образцов, находилось сплошное нефтяное поле. Две следующие намеченные к бурению скважины должны были образовать еще три смежных треугольника. Бурение разведочных скважин по такой треугольной сетке — это стандартный способ определения геометрических размеров месторождения и запасов нефти.

Алекс попросил компанию провести бурение этих четырех скважин не одной буровой установкой, как планировалось ранее, а одновременно двумя. Это позволяло сократить вдвое продолжительность разведки и закончить ее через три месяца. Работа двумя установками была, конечно, значительно дороже, чем одной. Но он, не задумываясь, изменил контракт и принял все финансовые условия «Дрил-

линг Энтерпрайз». В Тель-Авиве было решено завершить разведку в кратчайшие сроки и как можно скорее выставить месторождение на продажу. Это диктовалось не столько желанием скорейшего получения долгожданной прибыли, сколько необходимостью как можно раньше убраться из Канады.

Люди Бен-Эзры, или служба безопасности группы «Дабл Эй», как они теперь официально назывались, составили детальный план работы, одобренный Алексом. Старшим был Габриэль, которого в шутку называли «глава службы» и который сопровождал Алекса, одновременно наблюдая за обстановкой в Вермиллионе. Он поддерживал постоянную связь со своими товарищами и координировал их действия. Гидеон и Морис большую часть времени проводили на буровых и контролировали окружающую территорию в радиусе десяти километров. В их распоряжении были «лендроверы», мобильные телефоны, приборы ночного видения, фотоаппараты с длиннофокусными объективами и детальные карты местности. Кроме того, в специальном тайнике машины Габриэля имелась портативная звукозаписывающая аппаратура с набором «жучков».

Через несколько дней обе установки были готовы к началу бурения. Почти одновременно на них взревели мощные дизельные двигатели, которые привели в действие электрогенераторы и насосы. Ожившие электромоторы начали вращать с огромной скоростью бурильные трубы с долотом на конце. Венчающие его многочисленные конические зубья из особо прочных сплавов способны разрушать самую твердую породу. А в это время насосы гнали через трубы к раскаленным долотам специальную буровую жидкость, которая охлаждала их

и выносила на поверхность через затрубное пространство раскрошенные ими известняк, песчаник и окаменевшую спрессованную глину. Колонны бурильных труб, постоянно наращиваемые сверху, становились все длиннее и вонзались метр за метром в девственные геологические пласты, дремавшие десятки миллионов лет, пробиваясь через них к нефти. Вся эта скрытая от глаз разрушительная работа глубоко под землей и упорное, но безнадёжное сопротивление природы натиску техники фиксировались на поверхности бесстрастными показаниями приборов. Чуткие датчики регистрировали параметры буровой жидкости, давление, температуру, динамические напряжения в трубах. Скважина пульсировала как живой организм, все части которого функционировали слаженно и бесперебойно.

Буровая установка с ее бурильным оборудованием, силовыми агрегатами, подъемными механизмами, контрольно-измерительными блоками и компьютерными системами управления не уступает по технологической оснащённости современному заводу. Однако если ценность завода заключается в нем самом, то разведочная скважина — это всего лишь «тонкая игла», вводимая в тело земли для добытия геологической информации. Как медицинский шприц, с помощью которого отбирают кровь для анализа. Стоимость такой информации огромна, как и стоимость самой «иглы». Поэтому соблазн получить ее за небольшие деньги, составляющие лишь ничтожную долю истинной цены, нередко перевешивает любые моральные и этические соображения. Мир нефтеразведочного бизнеса время от времени сотрясают громкие скандалы и судебные разбирательства, связанные с незаконным приобретением секретных геологических материа-

лов, принадлежащих конкурентам. Определенную роль в этом играет и служба скаутов, хотя их задачи и возможности в области информационного шпионажа ограничены.

Вице-президент «Игл Корпорэйшн» Билл Дэвис снова вызвал Джима О'Коннора.

— Послушай, Джим. Похоже, что у нас действительно есть проблемы с «Дабл Эй». И теперь решение этой загадки становится просто делом принципа. Не можем же мы допустить, черт возьми, чтобы у нас под носом творились какие-то странные дела, а мы даже понятия не имеем, что происходит. «Игл» и «Дабл» почти соседи по блокам. Но они уже получили нефть и теперь бурят еще две скважины, а мы только проводим сейсмику. Не буду скрывать — руководство компании обеспокоено. Решено послать тебя в Вермиллион. Покрутись там, поговори с людьми. Ведь парни из «Дабл Эй» не в вакууме работают. Какие-то концы должны оставаться. Постарайся отыскать их, и попробуем потянуть за эти ниточки. Нас интересует любая информация о том, что происходило в районе трех озер до начала бурения. Запомни — любая! Даже если кто-то просто лопатой землю ковырял. Компания надеется на тебя, Джим.

— Сделаю все возможное, мистер Дэвис. Принимаю, как это важно. Но скажу честно — чертовски трудное задание. Я это понял, когда встречался с людьми из «Дриллинг» и «Вэлл». — Джим говорил заинтересованно, но без энтузиазма.

— Компания понимает это, Джим. Мне поручено передать, что ты сам можешь назвать размер гонорара.

— Я не об этом, сэр. Просто чертовски трудное дело, доложу я вам. Клянусь Гиппократом.

— А при чем здесь Гиппократ? — удивился Дэвис.

— Ну, так врачи говорят.

Алекс и Габриэль остановились в единственной гостинице в городе «Звезда Вермиллиона».

— Интересное название, мистер Франк, — заметил Габриэль, — «миллион» — это понятно, а что значит «вер»?

Алекс рассмеялся.

— Не то, что ты думаешь, Габи. Вермиллион — это название ярко-красной глины, из которой индейцы делают краску для лица. Она залегает где-то здесь недалеко... Итак, сегодня мы отдыхаем. Завтра утром я еду на вторую скважину, а ты займись городом. Поброди по улицам — в общем, почувствуй обстановку. Особых объектов у нас здесь нет. Вот разве только красная «тойота». Кстати, теперь можем называть ее «тойота вермиллион»...

Габриэль улыбнулся.

— О'кей, мистер Франк. Звучит красиво — «тойота вермиллион». Передайте привет Морису. Будем держать связь.

Они попрощались, и Габриэль ушел в свою комнату. На следующее утро он позавтракал в ресторане гостиницы и отправился в город. Собственно говоря, городом его можно было назвать только условно. Единственная улица с банком, парой магазинов и кафе, одним пабом. Короткие переулки по обе стороны от нее выходили на пустыри и на речку Пис Ривер. Людей на улицах было мало, машин еще меньше. Габриэль прошелся вдоль реки с низкими болотистыми берегами и повернул обратно. Потом зашел в паб и выпил кружку пива. Позвонил Гидеон, доложил, что все в порядке. Уже пробурили первую сотню метров. Сказал, что видел вертолет, летев-

ший на высоте триста метров с востока на запад. Через несколько минут получил такой же звонок от Мориса, который сообщил, что босс приехал и совещается с инженером. Габриэль сделал еще один круг по улицам, зашел в кафе, купил местную газету и пачку сигарет. Этой медленной прогулкой удалось убить почти три часа. Пора было возвращаться в гостиницу. Габриэль не спеша зашагал в сторону «Звезды Вермиллиона», размышляя о том, чем же можно будет заняться после обеда.

...Красный джип «тойота» он увидел еще издали. Машина стояла на паркинге гостиницы рядом с его «лендрровером». Габриэль ускорил шаг и вынул на ходу записную книжку. Хотя он знал номер «тойоты» наизусть, все же решил лишний раз проверить себя. Подойдя ближе и разглядев цифры на плате, убедился, что не ошибся: «Вот она, наша „тойота вермиллион“. Звучит, как миллион долларов». Это была та самая машина, о которой им стало известно еще в Тель-Авиве. Ну что ж, похоже, что после обеда ему будет чем заняться.

Габриэль вошел в гостиницу. В вестибюле никого не было. Но через стеклянные двери ресторана он увидел за столиком рыжего парня в клетчатой рубашке. Габриэль подошел к дежурному клерку.

— Фрэд, я бы хотел узнать, в каком номере живет владелец вон того красного джипа? Он поставил машину слишком близко к моей.

— Комната девять, сэр. Но он сейчас в ресторане. Вы ему можете об этом сказать.

— Спасибо, Фрэд. Э, пожалуй, не стоит беспокоить человека такими пустяками. Проще самому переставить машину.

Габриэль вышел на паркинг и отогнал «лендрровер» немного дальше от джипа. Вернулся в лобби и сказал клерку, который наблюдал за его действиями:

— Ну вот, теперь все в порядке. Ради этого не стоило беспокоить человека, который, наверное, устал с дороги. А сейчас пора и мне перекусить.

С этими словами он направился в ресторан. Теперь Фрэд в случае чего расскажет то, что видел. А это вполне обычная ситуация, не вызывающая подозрений. Очень часто успех или провал зависят от ничтожных мелочей. Понимание этого отличает профессионала от дилетанта. Габриэль Каминский был профессионал. Суг алеф, как сказал Шмуэль.

В ресторане был только один посетитель — владелец джипа. Габриэль сел за соседний столик и сделал заказ. Рыжий, видимо, закончил обед и допивал свое пиво. Минут через пять он встал и подошел к бару. Сел на высокий табурет, заказал стаканчик и начал болтать с миловидной девушкой, стоявшей за стойкой. Габриэль наблюдал за ними. Сидел он далеко и слов разобрать не мог. Сначала девушка занималась своими делами, и заметно было, что она поддерживала разговор только из вежливости. Но потом на ее лице появилась улыбка, и беседа пошла более оживленно. Габриэль решил, что не мешает послушать, о чем они говорят. Он подошел к бару, попросил пачку сигарет и быстрым привычным движением прикрепил «жучок» к нижней поверхности стойки, почти над коленями парня. Взяв сигареты и расплатившись, он вернулся к своему столику, вставил наушник и приготовил портативный магнитофон во внутреннем кармане.

— Конечно, в какой-то мере вы правы, Джим, — услышал он голос девушки, говорившей с заметным польским акцентом, — жизнь здесь однообразная, сходить особенно некуда. Но я рада, что есть хотя бы такая работа. В больших городах с этим сейчас совсем плохо.

— Знаете, Кристина, просто больно слышать эти слова от такой красивой девушки. Жаль, что я здесь проездом, а то бы стал ухаживать за вами. В Европе считают, доложу я вам, что самые красивые девушки в Польше, а самые надежные мужчины в Ирландии. Вот вы из Польши, а я, между прочим, ирландец. Но проездом. Ну, а парни стоящие здесь есть? У вас есть бойфренд?

Габриэль усмехнулся — «ирландец, но проездом». Ну и логика. Интересно, куда он клонит?

— Бойфренд есть. И очень хороший. Но он сейчас далеко. Как только найдет работу, я к нему уеду.

— Ну, мне кажется, ваш хороший бойфренд очень рискует. Оставить такую девушку! Он не боится, что его кто-то опередит? Он что — местный парень, а уехал куда-то искать работу?

— Нет, он не местный. Он здесь работал недолго. А потом работа кончилась, и он уехал домой.

— Где же он здесь, в этом богом забытом городке, работал?

— Не в городе. Отсюда на север еще двести километров. Там, где сейчас нефть ищут.

— Так он у вас нефтяник? Я тоже нефтяник. Почему же он уехал, когда сейчас здесь для нефтяников есть работа?

Разговор начал принимать какое-то новое направление, и Габриэль включил магнитофон.

— Нет, он не нефтяник. Он работал для одной фирмы. Есть такой инструмент — ручной электробур. Так вот он этим буром работал. Он по специальности электромеханик.

— Постойте, постойте, Кристина. Я что-то не понимаю. На какую же глубину он этим буром бурил?

— Ну, я не знаю точно. Он говорил, на два метра.

— А зачем?

— Этого я не знаю. Да и он не знал. Просто фирма его наняла и хорошо заплатила. А с самого низа они поднимали песок или глину и собирали в маленькие коробочки. Вот и все, что он говорил.

— Вот вы сказали, Кристина, что ваш друг работал там, где сейчас нефть ищут. Это ведь сейчас ищут. А тогда уже искали? Скважину уже бурили?

— Нет, это было еще до скважины.

Габриэль почувствовал, что голос рыжего внешне изменился. До него, видимо, стал доходить смысл того, что говорила Кристина. Он перестал задавать вопросы, засуетился и начал быстро импровизировать, стараясь казаться убедительным и доброжелательным.

— Знаете, Кристина, я ведь работаю в очень большой фирме, доложу я вам. И мы как раз сейчас купили несколько электробуров, но у нас нет специалиста, который в них разбирается. И скажу вам прямо, Кристина, — зачем же вашему другу где-то далеко искать работу, когда он может работать в нашей фирме. Я просто хочу ему помочь. Клянусь Гиппократом. Как с ним связаться?

— Это было бы замечательно, Джим. Могу дать вам его телефон. Я запишу вот здесь, на листке. Вот номер, а вот имя.

— Имя не очень разборчиво. Как его зовут?

— Пьер. Пьер Леже.

— Он что, из Квебека?

— Да, он оттуда. И сейчас он там.

— Кристина, вам очень повезло. Вот видите, как в жизни бывает — случайная встреча, разговор о том, о сем. А в результате — работа для вашего Пьера. И вы с ним будете вместе. Такие дела, Кристина, доложу я вам.

— Я так вам благодарна, Джим. Так благодарна.

— Не стоит, Кристина, не стоит. Ну, у меня еще много дел. Рад был познакомиться. До свидания, Кристина. — Джим расплатился и торопливо вышел из ресторана.

Габриэль отключил магнитофон и быстро доел остывший обед. Потом подошел к бару, купил коробку спичек и снял «жучок». Он не стал подниматься к себе в комнату, а решил прогуляться. Выйдя из гостиницы, он вынул мобильный телефон и набрал код Алекса.

— Мистер Франк, где вы сейчас? В дороге? Приедете через два часа? Хорошо. У меня есть новости. Какие именно? Ну, если коротко, то наш джип-вермилион припаркован рядом с моим «лендрровером». А теперь у меня к вам вопрос — знакомо ли вам имя Пьер Леже?

— О черт! — вырвалось у Алекса. — Где ты его нашел? Он что, в городе?

— Нет, он в Квебеке. Значит, это тот парень, который с вами работал? Ну, не будем комкать разговор. Поговорим, когда приедете.

Меньше чем через два часа «лендрровер» Алекса подлетел на большой скорости к «Звезде Вермилиона». Красного джипа на паркинге уже не было. Алекс поднялся в комнату Габриэля. После короткого объяснения «глава службы безопасности» включил магнитофон. Алекс слушал молча, обхватив голову руками. Закончив прослушивание, он встал, прошелся по комнате и сказал:

— Хорошая работа, Габи. Спасибо. Да, это тот самый Пьер Леже, с которым я отбирал образцы. С ним нужно срочно связаться, но как раз номер телефона мы не знаем. Я думаю, они уже звонят ему. Не этот рыжий ирландец, а те, на кого он работает. У тебя есть какая-нибудь идея?

— Идея простая, мистер Франк. Надо поговорить с Кристиной. Она еще в баре. Скажите, что вам

нужно срочно связаться с Пьером. Вы ведь знаете его. Она вам поверит. Я могу поговорить с ней по-польски. Знаете, здесь, на краю света, услышать родную речь — это сближает.

— Сколько времени прошло с того момента, как рыжий ушел из ресторана?

— Ровно два часа и десять минут, — ответил Габриэль, взглянув на часы.

— Уверен, что он уже позвонил боссу. А тот, наверное, успел связаться с Пьером. Но делать нечего. Идем в бар. Другого пути не вижу.

Ресторан был пуст. Кристина скучала за стойкой. Алекс и Габриэль подошли к бару. Девушка приветливо улыбнулась.

— Что желают джентльмены?

— Два джина с тоником, пожалуйста, — сказал Габриэль по-польски.

— Пан говорит по-польски? Пан из Польши? — Кристина не могла скрыть радостного удивления.

— Мои родители из Польши. А я родился в другом месте.

— А где сейчас ваши родители? — продолжала расспрашивать Кристина, приготавливая напиток.

— В Южной Африке.

— Так далеко. А мои родители живут в Галифаксе. Знаете, это Новая Шотландия, на Атлантическом побережье. А я вас запомнила — вы сегодня купили у меня сигареты и спички. Но как вы догадались, что я из Польши? — Кристина с подкупающей непосредственностью перескакивала с вопроса на вопрос.

— Во-первых, акцент. А во-вторых, такие красивые девушки есть только в Польше.

Кристина покраснела. Она действительно была очень привлекательна, с приятным лицом и хорошей фигурой.

— Меня зовут Кристина, а вас?

— Меня Габриэль. А сейчас, Кристина, мой коллега Алекс хотел бы поговорить с вами. Но только на английском, — с улыбкой закончил Габриэль свою часть беседы.

— Чем я могу помочь мистеру Алексу? — Кристине очень хотелось быть чем-нибудь полезной таким приятным посетителям.

— Я думаю, вы можете мне помочь. Дело в том, Кристина, что я знаю Пьера...

— Матка Боска! Вы знаете Пьера? — Кристина была взволнована этими сюрпризами, которые следовали один за другим, — разговор по-польски, а теперь вот Алекс, который знает Пьера.

— Пьера Леже я знаю очень хорошо. Могу даже сказать, что благодаря мне вы с ним познакомились. Это ведь я привез его в Вермиллион. И мы вместе работали в поле. Если бы не он, я бы не справился с электробуром.

— А, так вы, мистер Алекс, из той фирмы, на которую он работал? Вы не представляете, как я рада с вами познакомиться. Пьер рассказывал про вас много хорошего. Он говорил, что за неделю в поле узнаешь человека больше, чем за целый год в городе.

— Спасибо, Кристина. Я тоже рад познакомиться с вами. О Пьере я самого лучшего мнения. Он надежный работник и хороший человек.

— Да, он такой хороший. — Глаза Кристины заблестели, казалось, еще немного, и она заплачет от волнения.

— Понимаете, Кристина, получилось так, что перед отъездом я не успел взять у него адрес и телефон. А сейчас мне нужно срочно с ним связаться. Это касается работы. У вас, конечно, есть его телефон?

— Да, конечно, мистер Алекс. И вы знаете, как раз сегодня один человек уже попросил его. Он сказал, что поможет Пьеру с работой.

— Очень может быть. Такие специалисты, как Пьер, нужны многим фирмам. А кто этот человек? Он сейчас здесь?

— Нет, уехал час назад. Он заходил попрощаться и сказал, что его босс уже знает о Пьере и очень им заинтересовался. Это какая-то большая нефтяная фирма.

— Ну что ж, надеюсь, у Пьера будет хорошая работа. Так вы мне дадите телефон?

— Да, конечно, мистер Алекс. Я его знаю наизусть. — Кристина продиктовала номер.

— Спасибо, Кристина.

— До свидания, Кристина. Мы желаем вам с Пьером большого счастья, — Габриэль сказал это по-польски, и Кристина благодарно улыбнулась.

— Спасибо, мистер Алекс, спасибо, мистер Габриэль. Да хранит вас Святая Богородица. — Девушка перекрестила их в воздухе.

Как только они переступили порог комнаты, Алекс набрал номер в Квебеке. Ответил женский голос: «Пьера нет дома. Он будет не скоро. А кто его спрашивает? Мистер Франк? Простите, но я вас не знаю. Я его мама. Куда он уехал? Он улетел в Калгари. Ему позвонили насчет работы и попросили срочно приехать. Что ему передать? Вы потом позвоните? Хорошо. До свидания».

6

Билл Дэвис сам встретил Пьера в аэропорту и отвез в гостиницу компании, занимавшую несколько квартир в многоэтажном доме.

— Располагайтесь, мистер Леже. Отдыхайте. Завтра утром за вами заедут, и мы встретимся в офисе компании. Могу я называть вас Пьер?

— Да, конечно, мистер Дэвис. Но мне все-таки не совсем понятно...

— Потом, потом, — остановил его Дэвис, — обо всем поговорим в офисе. А пока отдыхайте. До встречи.

Пьера не покидало ощущение, что произошла какая-то ошибка, что его принимают за кого-то другого. Когда ему позвонили и сказали, что его рекомендовали как опытного электромеханика и что фирма хотела бы пригласить его на интервью, он больше обрадовался, чем удивился. Но когда последовала просьба вылететь в Калгари ближайшим рейсом, к радости добавилось недоумение. Однако он рассудил, что в любом случае не должен отказываться от этого приглашения. На месте все выяснится, подумал Пьер, к тому же фирма оплачивает поездку, так что он ничего не теряет. А если все сложится удачно, то можно будет повидаться с Кристиной. Мысль о Кристине рассеяла последние сомнения.

Встретивший его Билл Дэвис, отрекомендовавшийся сотрудником компании, вел себя просто и дружелюбно. По пути из аэропорта в город он говорил только о погоде и о недавно закончившемся калгарийском родео. Пьер посчитал невежливым во время такой беседы задавать вопросы о работе.

В большом кабинете на тридцать втором этаже небоскреба кроме Дэвиса были еще два человека. Дэвис представил их Пьеру.

— Мистер Норман Флеминг, мистер Джек Тэйлор. — Должности Дэвис не назвал. — Познакомь-

тесь, джентльмены, это мистер Пьер Леже. Я полагаю, его знания и опыт будут полезны нашей компании.

Пьер не на шутку растерялся. Все трое были явно не рядовые работники. Да и в таких кабинетах ему не приходилось бывать. А последние слова Дэвиса звучали так, будто речь идет не о простом электромеханике, а о крупном инженере.

— Я думаю, джентльмены, мы начнем с того, что мистер Леже расскажет нам о своем прошлом опыте — с каким электрооборудованием и силовыми агрегатами ему приходилось иметь дело. Прошу вас, Пьер, — Дэвис дружески и ободряюще улыбнулся.

— В общем-то я электромеханик, — начал Пьер в сильном смущении, — по специальности работаю шесть лет. Знаком с электроподстанциями, электрооборудованием на транспорте, на буровых установках. Ну, и знаю, конечно, многие малогабаритные агрегаты с электроприводом. Например, электробуры разных систем. Вот, пожалуй, и все.

— Ну что ж, прекрасно, Пьер, — сказал Дэвис. — Как я вам уже говорил, наша компания нефтяная. Поэтому нас прежде всего интересует то, что связано с изучением геологических пластов, в том числе почвы. Вот вы упомянули буровые установки и электробуры. Не могли бы вы уточнить, с какими именно агрегатами вы знакомы?

— Мне приходилось работать только на мало-мощных мобильных установках, смонтированных на траках. Они бурят на небольшую глубину, всего несколько сот метров. На тяжелых стационарных установках я не работал.

— Хорошо. А как насчет ручных электробуров, которые бурят на глубину нескольких метров?

— О, с этим инструментом я знаком хорошо. Знаю пять-шесть разных систем, но принцип действия у них одинаковый. Так что можно сказать, если знаешь одну систему, то знаешь их все. Полгода назад я работал этим инструментом для одной фирмы на севере Альберты.

— Фирма канадская или иностранная?

— Этого я не знаю, мистер Дэвис.

В разговор вступил Джек Тэйлор, самый молодой из троих.

— То, что вы сейчас сказали, Пьер, очень интересно. Дело в том, что при строительстве легких наземных сооружений, таких, например, как складские помещения или мастерские, нужно знать свойства верхнего слоя грунта. На севере грунт своеобразный. Там, как вы знаете, встречается заболоченная почва. Поэтому перед началом строительства грунт проверяется электробуром. Наша компания планирует в скором времени строительство в тех районах. Хотелось бы знать, где именно вы работали и какой там грунт. Ваш опыт очень важен для нас. Не могли бы вы показать этот район на карте?

Все трое вместе с Пьером подошли к большому столу, на котором уже была приготовлена детальная карта северной части провинции. Пьер увидел знакомые названия — река Стин, холмы Камерон, озера Маргарет, Зама и Бисчо. Все эти места он исколесил с мистером Франком полгода назад.

— Вы знаете, мистер Тэйлор, у меня ведь не было карты. Карта находилась у работника фирмы. Мне просто показывали точку, и я на ней работал.

— Понятно, Пьер. Но мы и не просим показать точки. Покажите только районы. Вот, например, вам знакомо озеро Маргарет и его окрестности? Вы там работали?

— Да, там было около пятидесяти точек.

— Прекрасно, Пьер. Вот мы и нашли общий язык. Ну, а озеро Зама и вот этот участок реки Стин?

— Да, и там тоже были точки.

— Сколько?

— Примерно сорок — пятьдесят.

— Замечательно. Теперь переходим вот в этот угол, где находятся озеро Бисчо и холмы Камерон. Что вы могли бы сказать об этом районе?

— На этих холмах мы сначала работали два дня на шестидесяти точках, а потом вернулись и сделали около сорока дополнительных.

— А почему вернулись?

— Не знаю. Мне сказали, что надо что-то уточнить.

— Вернулись сразу или через какое-то время?

— Через восемь дней.

— Теперь такой вопрос, Пьер. Чтобы определить свойства грунта, нужно отобрать образцы и отправить их на анализ в лабораторию. Вы это делали?

— Да, это и была главная цель бурения. С самого низа отбирали грунт — песок или глину — и насыпали его в пластиковые цилиндры от фотопленки.

— Спасибо, Пьер. Очень интересные вещи вы нам рассказали, — закончил Джек Тэйлор.

— Норман, вы хотите что-нибудь спросить? — обратился Дэвис к Флемингу.

— Да, я бы хотел узнать вот о чем. Состояние грунта зависит от времени года. Когда именно вы работали в этом районе, Пьер?

— Могу сказать точно: мы начали восемнадцатого февраля, а закончили двадцать восьмого.

— Спасибо, Пьер.

— Ну, с вопросами как будто все. Мы вам очень благодарны, Пьер. А сейчас подошло время ланча. К сожалению, мы не сможем составить вам компанию. Но что-то придумаем.

С этими словами Билл Дэвис вызвал молодого сотрудника.

— Знакомьтесь. Это Патрик Диксон, а это мистер Пьер Леже. Патрик, у меня к вам большая просьба — не могли бы вы составить компанию нашему гостю в каком-нибудь хорошем ресторане? Я, к сожалению, очень занят и не могу это сделать сам. Пьер, после ланча мы продолжим разговор. Желая приятно провести время.

После ухода Пьера и Патрика Дэвис вызвал секретаря и распорядился приготовить чек на имя Пьера Леже. Он назвал сумму.

Когда Дэвис, Флеминг и Тэйлор остались одни, в кабинете наступило долгое молчание. Наконец, Дэвис прервал его.

— Норман, вы научный консультант компании. Я бы хотел услышать ваше мнение, — обратился он к профессору Флемингу.

— У меня еще нет определенного мнения, Билл. И я не хотел бы сейчас делать поспешные выводы. Но две вещи очевидны, и на них следует обратить внимание. Первое — отбор образцов или, как мы это называем, почвенная съемка была проведена на всех шести блоках, включая наш. И второе — съемка выполнялась почти за два месяца до тендера, когда, строго говоря, никто не имел права работать на этой территории.

— Спасибо, Норман. Мы будем иметь это в виду. Но вряд ли сейчас можно привлечь кого-то к ответственности за нарушение закона о земельной собственности. Что скажет начальник отдела разведки? — обратился Дэвис к Джеку Тэйлору.

— Джентльмены, я полагаю, что, сопоставив все факты, мы уже сейчас можем прийти к вполне определенным выводам. Итак, что мы знаем? Первое — некая неизвестная компания проводит

детальную почвенную съемку всех шести блоков за два месяца до тендера. Второе — она выбирает для себя блок, который, по общему мнению, бесперспективен. Обратите внимание — именно на этом блоке они провели дополнительный отбор образцов через восемь дней после первого отбора. Не завтра, а через восемь дней. Это значит, что первая партия образцов уже была проанализирована и только тогда возникла необходимость что-то уточнить. А после уточнения они приняли окончательное решение в пользу приобретения блока. Как мы все хорошо знаем, так бывает только в процессе разведки. Поэтому я убежден, что с помощью почвенной съемки они уже вели разведку. На пяти других блоках они ничего не уточняли. Им все было ясно после первого отбора. И они не сделали заявку ни на один из них. Третье — сразу после тендера они начинают бурение на этом так называемом бесперспективном блоке и получают нефть. Никто не слышал, что до бурения они проводили сейсморазведку. У них для этого просто не было времени. Четвертое — сейчас они бурят две новые скважины по классической треугольной сетке, как будто им уже заранее известно, что там тоже есть нефть. Мы это хорошо видели с вертолета. Пятое — беспрецедентные меры секретности, когда простой рабочий мгновенно замолкает, как только его спрашивают о скважине. И наконец шестое — никто в нефтеразведочном бизнесе никогда не слышал о компании «Дабл Эй» из Гибралтара. Хотите знать мое мнение, джентльмены? Мы имеем дело с методом прямого обнаружения нефти, — Тэйлор сделал ударение на этих словах, — разработанным в условиях секретности одной из хорошо известных международных корпораций, которая предпочитает укрываться под вымышленным названием, чтобы сбить с толку кон-

курентов. И если я прав, то на пяти других блоках, включая наш, нефти нет.

Снова наступило молчание. И снова Билл Дэвис, на правах старшего по должности, прервал его:

— Логично, черт побери! Хотя и звучит как приговор всем нам. Я имею в виду не только «Игл Корпорэйшн», но и сотни других компаний. И в первую очередь эти многочисленные сейсморазведочные сервисные фирмы. Но, может быть, не все так мрачно, Джек? Я не узнаю вас. Не замечал, чтобы раньше вы были таким пессимистом. Я сейчас как-то незаметно поддался этому вашему умению навязывать свою точку зрения. А нет ли во всем этом элемента случайности? Вспомним почти невероятную историю, когда в начале века на одном из разведочных участков скважина, за неимением лучших ориентиров, была пробурена в той точке, где опустилась на землю кружившая невдалеке ворона. И открыли крупное месторождение. Но после этого ни одна ворона не указала, где нужно бурить.

— Я бы хотел напомнить Джеку, — продолжил профессор Флеминг в манере университетского лектора, — что с тех пор, как в тридцатых годах русский геолог Василий Соколов впервые выдвинул идею прямых поисков нефти по газовым аномалиям в почве, были проверены и другие возможные индикаторы. Но все они, включая метод Соколова, оказались бесполезными, хотя каждая новая идея сопровождалась сенсационной шумихой и большими ожиданиями. Вспомним такие индикаторы в почве и в приповерхностном слое воздуха, как битумные, радиоактивные и магнитные аномалии и даже особый химический состав хвои и листьев деревьев, растущих над месторождениями. Выяснилось, что ни один из этих признаков индикатором нефти не является. Поэтому сегодня сама идея

прямого обнаружения залежей отвергнута столь же безоговорочно, как идея вечного двигателя, заявки на изобретение которого уже давно не принимают патентными бюро всего мира. В области прямого обнаружения дело обстоит точно так же — все, что можно, уже испробовано, и никаких прорывов здесь ждать не приходится.

— Джентльмены, вы подменяете объяснение конкретных и впечатляющих фактов, с которыми мы имеем дело, теоретическими рассуждениями и экскурсами в прошлое, — твердо возразил Тэйлор. — Я бы не стал столь категорически утверждать, что отвергнута сама идея. Идея осталась. Просто ее пока не удалось реализовать. Но наука не стоит на месте. Там, где одни потерпели неудачу, другие могут добиться успеха. Кроме того, нельзя утверждать, что в области прямого обнаружения совсем не было успехов. Они были, но носили частный характер и не приводили к кардинальному решению задачи. Проблема в том, что удачи приходят и уходят, а неудачи накапливаются. Это дискредитирует идею и препятствует ее разработке. Non progredi est regredi*. Кстати, Норман забыл упомянуть еще один «индикатор», который используется в Израиле, — поиски нефти по «закодированным указаниям» Библии. Затея весьма одиозная, разумеется. Ничего, кроме смеха, вызвать не может. Тем не менее нашлись и у нее сторонники. Впрочем, у каждой нации свои галлюцинации. А что касается методов, основанных на природных физических и химических аномалиях, то в прошлом они действительно оказались безрезультатными. Это правда. Но утверждения, заключающие в себе некоторую долю правды, самые опасные. При поисках

* Не идти вперед — значит идти назад (*лат.*).

нефти, как и в любой творческой работе, вопросительный знак важнее восклицательного, которым обычно завершается категорическое утверждение. Вопросы и сомнения ведут к успеху. Чрезмерная уверенность нередко заканчивается конфузом. Прошу извинить меня, Норман, но ваши аргументы напоминают печально известное прошение об отставке, поданное директором патентного бюро США в семидесятых годах девятнадцатого века, в котором этот честный малый мотивировал свое решение тем, что все основные открытия и изобретения уже сделаны и поэтому ему нет смысла оставаться на своем посту. Я абсолютно убежден, что в данном случае мы имеем дело с подлинным прорывом в нефтяной разведке, с настоящим прямым обнаружением. И раньше или позже все мы будем положены на лопатки. Возможно, у нас останется не так уж много времени. Поэтому я считаю, что все это необходимо незамедлительно обсудить на Совете директоров в Чикаго. Ситуация очень серьезная. И проблема не только техническая, но и стратегическая. Наше преимущество в том, что мы узнали об этом раньше других компаний. И мы должны воспользоваться этим. Я еще не знаю как, но должны. Предусмотреть проблему — значит уже наполовину решить ее. А что касается моего пессимизма, как вы, Билл, это назвали, то позволю заметить — оптимисты изобрели самолет, а пессимисты — парашют. И когда у нашего самолета заглохнут двигатели, нам придется вспомнить об этом изобретении пессимистов.

После решительного и эмоционального выступления Тэйлора снова на несколько минут воцарилось молчание.

— Хорошо, — сказал наконец Дэвис, — я проинформирую президента и предложу вынести этот во-

прос на Совет директоров в Чикаго. Не возражаете, Норман?

— Как я могу возражать? Я всего лишь консервативный профессор, не верящий в прогресс науки, — Флеминг не мог скрыть обиды.

— Думаю, сегодня мы можем на этом закончить. Благодарю вас, джентльмены, — завершил дискуссию Дэвис.

После ухода Тэйлора и Флеминга секретарь принесла конверт с чеком и сообщила, что мистер Леже ожидает в приемной.

— Пригласите, — сказал Дэвис.

Он снова встретил Пьера дружеской улыбкой.

— Ну, как был ланч, Пьер? Вам понравилось?

— О да, мистер Дэвис. Все было очень хорошо. Спасибо.

— Очень рад. Теперь к делу. Мы здесь обсудили то, что вы нам рассказали. И пришли к выводу, что ваш опыт будет несомненно полезен компании, когда мы приступим к строительству, о котором говорил мистер Тэйлор. Но было бы неразумно задерживать вас в Калгари сейчас, до начала работ, и обрекать на вынужденное безделье. Мы понимаем, что этим неожиданным приглашением нарушили ваши планы и доставили определенные неудобства. Поэтому располагайте своим временем, а мы свяжемся с вами, как только определятся сроки строительства. И небольшая личная просьба, Пьер, — я бы не хотел, чтобы то, о чем здесь говорилось, вышло за пределы этого кабинета. Дело в том, что планы компании, включая строительство, — вещь сугубо конфиденциальная. Надеюсь, вы понимаете. — Сказав это, Дэвис протянул Пьеру фирменный конверт компании. — Здесь чек, покрывающий расходы на проезд, и гонорар за то, что вы любезно проконсультировали нас в своей профессиональ-

ной области. Полагаю, вы найдете сумму удовлетворительной. Очень рад был познакомиться с вами, Пьер. И примите благодарность от моих коллег.

— Спасибо, мистер Дэвис. Я, право, не очень понимаю...

— Естественно, естественно... Иногда требуется время, чтобы все осмыслить.

С этими словами Дэвис мягко взял Пьера под локоть, и они направились к двери. Около лифта они попрощались, обменявшись крепким рукопожатием. В лифте Пьер открыл конверт, наполовину вытянул из него чек и прочитал: «Уплатить Пьеру Леже пять тысяч долларов». Увидев столь внушительную сумму, он лишь пожал плечами, как бы признавая, что не стоит и пытаться что-либо понять. Пьер вышел на Восьмую авеню, отыскал местное отделение своего банка, вложил чек и снял тысячу долларов наличными. После этого он отправился в гостиницу и забрал вещи.

7

Кристина, стоя спиной к залу, расставляла бутылки на полках бара. Закончив это занятие, она вернулась к стойке.

— Матка Боска! Джизус Крайст! Пьер, ты! — Кристина готова была перепрыгнуть через стойку.

Они обнялись и расцеловались. Потом, перебивая друг друга, стали рассказывать о событиях последних дней. Уехав из Калгари, Пьер решил, что странные и загадочные сюрпризы остались теперь позади. И предвкушал другой сюрприз, который готовил Кристине своим неожиданным появлением. Поэтому то, что он узнал от нее в первые же минуты, снова вернуло его к недавним событиям. Он был и вовсе озадачен, когда Кристина сказала, что мистер Алекс

сейчас в Вермиллионе и что он хотел с ним связаться. Услышав об этом, Пьер вышел в лобби и спросил у Фрэда — у себя ли мистер Франк? Алекса в номере не было. Фрэд сказал, что обычно он возвращается поздно, но его сотрудник мистер Каминский иногда приезжает раньше. Было семь часов вечера. Пьер порядком проголодался, и Кристина заказала ему обед. Пока он ел, она сидела рядом, и они продолжали говорить, перескакивая с одной темы на другую. В это время в ресторан вошел Габриэль и направился к своему постоянному столику.

— Это мистер Габриэль, — тихо сказала Кристина, — он коллега мистера Алекса, и он говорит польски. Хочешь, чтобы я ему сказала о тебе?

— Пожалуй, лучше я сам к нему подойду.

Пьер встал и подошел к столику Габриэля.

— Простите, сэр. Кристина сказала, что вы коллега мистера Франка. Меня зовут Пьер Леже.

Лишь профессиональная выдержка позволила Габриэлю сохранить спокойствие, когда он услышал это имя. Только вчера оно впервые прозвучало в его наушниках. И тогда этот человек находился за три тысячи километров отсюда. Босс безуспешно разыскивал его. И вот он здесь, стоит перед ним и смущенно улыбается. Габриэль встал и протянул Пьеру руку.

— Очень рад, мистер Леже. Меня зовут Габриэль Каминский. Присаживайтесь, пожалуйста. Ваш приезд весьма кстати. Мистер Франк хотел поговорить с вами.

— Да, я знаю. Кристина мне рассказала. А когда мистер Франк будет здесь?

— Это мы сейчас узнаем.

Габриэль вынул из кармана мобильный телефон и набрал код.

— Мистер Франк, где вы сейчас? Выезжаете со второго номера? Очень хорошо. У меня для вас при-

ятный сюрприз. Со мной рядом сидит Пьер Леже. Нет, я не шучу. Хотите поговорить с ним? Передаю телефон.

— Здравствуйте, мистер Франк. Рад слышать вас, — Пьер не скрывал волнения. — Через два с половиной часа? Хорошо. Я жду вас. До встречи.

Он передал телефон Габриэлю.

— Понял, мистер Франк. Хорошо, я спрошу.

Габриэль обратился к Пьеру.

— Скажите, мистер Леже, вы здесь один? Я имею в виду — с вами никто не приехал?

— Нет, я приехал один.

— А кто-нибудь знает, что вы поехали сюда?

— Нет, я никому не говорил. Уехал, и все. Никто не знает куда. Да меня об этом и не спрашивали.

— Очень хорошо. Ну, не буду вас задерживать. Вы, конечно, хотите побыть с Кристиной. Славная девушка, — улыбнулся Габриэль.

Он вышел из гостиницы, проверил паркинг и окрестные улицы. Все было в порядке, ничего подозрительного.

Алекс и Пьер встретились как старые друзья.

— Рад видеть тебя снова, Пьер. Мне кажется, ты приехал не только повидаться с Кристиной. Есть еще какая-то причина? Или я ошибаюсь?

— Я тоже рад видеть вас, мистер Франк. Не знаю, что и сказать. Сюда-то я приехал только ради Кристины. Другой причины нет. Но вот из Квебека я поехал не сюда, а в Калгари. Ну, а от Калгари до Вермиллиона всего-то девятьсот километров. Так что не заехать просто не мог.

— Что же привело тебя в Калгари, если не секрет? Кристина говорила, что тебе хотели предложить работу.

— Не думаю, что это секрет. Хотя меня и просили особенно не рассказывать. А в общем какая-то странная история. Пожалуй, стоит ее вам рассказать. Может быть, вы мне объясните, что все это значит.

И Пьер рассказал о том, что произошло. Алекс внимательно выслушал, задал несколько уточняющих вопросов, и ему все стало ясно. Собственно говоря, это не было для него неожиданностью. Он был готов к такому развитию событий, как только узнал, что Пьер срочно вылетел в Калгари. Но теперь ситуация стала совсем прозрачной.

— Как называется компания? — спросил он.

Вопрос застал Пьера врасплох.

— Не знаю, мистер Франк. Они мне не сказали, а посмотреть вывеску на здании я как-то не сообразил. Действительно, глупо. Провел у них целый день, а названия не знаю.

— Ты говоришь, что они дали тебе чек. На нем должно быть написано.

— Чек я вложил в банк. Пойдите, пойдите, он был в конверте. Может быть, на нем написано, — Пьер порылся в бумажнике, нашел сложенный вдвое конверт и протянул его Алексу. — Вот, посмотрите.

— «Игл Корпорэйшн», — прочитал Алекс. — Ну что ж, очень крупная компания. А означает все это вот что, Пьер. Они наши конкуренты. Каким-то образом они узнали, что ты работал с нашей фирмой, и захотели выудить кое-какую информацию. Ну а чтобы это выглядело благопристойно, придумали трюк с работой. Надеюсь, ты понимаешь, что больше они о тебе не вспомнят. Ты тоже можешь забыть о них.

— Я что-то сделал не так, мистер Франк? Это может навредить вашей фирме? — Пьер был искренне обеспокоен.

— Ну, как тебе сказать? Лучше бы ты с ними не встречался. Я пытался тебя предупредить, но опоздал. Твоя матушка сказала, что ты уже улетел в Калгари. Не переживай. Что произошло, то произошло. Твоей вины в этом нет. Скорее здесь моя оплошность. А теперь у меня еще один вопрос — знаешь ли ты имена тех троих, кто с тобой беседовал?

— Да, мистер Франк. Главным был Билл Дэвис. А двое других — Джек Тэйлор и Норман Флеминг.

— Спасибо, Пьер. — Алекс записал имена. — Ну, еще раз повторяю — не переживай, все будет в порядке. И не оставляй надолго Кристину. Она очень хорошая девушка и любит тебя, — в голосе Алекса прозвучали почти отеческие нотки.

8

Алекс дождался полуночи. Когда в Израиле наступило утро, позвонил Шмуэлю и рассказал о последних событиях. Тот был очень обеспокоен. По своему обыкновению, прежде чем дать собственную оценку ситуации, он спросил мнение собеседника.

— Что будем делать, профессор? У тебя есть идеи?

— Да, я все обдумал. Решение может быть только одно — максимально форсировать разведку Камерона. Работа и так идет в хорошем темпе. Но теперь этого недостаточно. Нужны четыре станка одновременно. Мы должны закончить все дела за полтора месяца и лечь на дно в Гибралтарском проливе. Иначе нам прищемят хвост.

— Что для этого нужно?

— Только деньги. Мы не уложимся в бюджет. Нужны еще около двух миллионов в ближайшие дни.

— Считаю, что ты их имеешь, профессор. Действуй.

Через день Алекс в сопровождении Габриэля отправился в Калгари и подписал новый контракт с «Дриллинг Энтерпрайз». Одновременное разбуривание месторождения четырьмя станками сделало работы намного дороже, но эта сторона дела его теперь не беспокоила. Компания обязалась начать доставку оборудования со своих полевых баз немедленно и уже через неделю приступить к бурению двух дополнительных скважин.

Вечером, ужиная с Габриэлем в ресторане и просматривая «Калгари Геральд», Алекс увидел объявление о международной конференции по вопросам конъюнктуры нефтяного рынка, которая начиналась на следующий день в гостинице «Холидэй Инн». Там же был указан телефон для регистрации участников. Он позвонил и попросил внести его в список.

Конференция открывалась в десять, но люди начали собираться, как обычно, на час раньше, чтобы встретить знакомых и поболтать. Билл Дэвис подошел к столу регистрации, получил пластиковую нагрудную карточку со своим именем и названием компании и взял лист участников, чтобы расписаться. Компании были указаны в алфавитном порядке. Он нашел в списке «Игл Корпорэйшн», а строкой выше значилась «Дабл Эй»*. В графе «Представитель» стояло имя Алекс Франк. «Опять эта „Дабл“, — подумал Дэвис, — мы как будто скованы одной цепью — блоки рядом и в списке рядом». Отойдя от стола, он начал бродить по вестибюлю, всматриваясь в нагрудные карточки. Дэвис

* В английском алфавите первые буквы слов «Дабл» (Double) и «Игл» (Eagle) расположены рядом.

никогда раньше не встречался с кем-либо из этой таинственной компании, которая занимала сейчас все его мысли. Ему было просто любопытно взглянуть на этого Алекса Франка. Наконец он нашел его. Это был худощавый седоволосый человек среднего роста, южно-европейской внешности, лет около пятидесяти. Франк разговаривал по мобильному телефону. Дэвис подошел ближе, но не мог разобрать короткие отрывистые фразы. Язык был явно не английский. Однако в конце разговора он отчетливо услышал «ариведерчи».

«Итальянец, чертов итальянец, — подумал Дэвис. — Так вот кто играет с нами в кошки-мышки».

В этот момент его кто-то окликнул:

— Хэлло, Билл! Как поживаешь?

Он обернулся и увидел своего давнего приятеля Ларри Эванса, вице-президента английской компании «Альбион Энерджи».

— Хай, Ларри! Рад тебя видеть, — приветствовал его Дэвис.

Отойдя с Эвансом в сторону и поддерживая соответствующую обстановку легкую беседу, Дэвис на время забыл о «Дабл Эй». Габриэль, наблюдавший с небольшого расстояния за всем происходившим вокруг Алекса, подошел к нему и сообщил, что некто по имени Билл Дэвис из «Игл Корпорэйшн» только что крутился около него, вслушиваясь в телефонный разговор.

— Где он? — спросил Алекс.

— Вон тот, в светлом костюме, беседует с кем-то.

— О'кей, Габи. Я думаю, стоит узнать, о чем они говорят. Запиши их.

Габриэль, который не был зарегистрирован и не имел нагрудной карточки, незаметно пристроился рядом с собеседниками, делая вид, что внима-

тельно изучает программу конференции. В лацкан его пиджака был вставлен высокочувствительный микрофон в виде круглого значка члена Ассоциации нефтяных инженеров. Какое-то время разговор шел о пустяках, Дэвис и Эванс вспоминали общих знакомых. Но затем Дэвис переменял тему.

— Слушай, Ларри, у меня к тебе серьезный вопрос. — Габриэль опустил руку в карман и нажал кнопку магнитофона. — Слышал ли ты там у вас в Европе что-нибудь о компании «Дабл Эй»?

— «Дабл Эй»? Нет, не приходилось. Это что, филиал Си-Ай-Эй*? — Эванс рассмеялся.

— Я бы предпочел, чтобы это был филиал. Но дело серьезнее. Они в нашем бизнесе, работают в Альберте. А порт приписки у них Гибралтар.

— Какого черта! В Гибралтаре нет нефтяных компаний. Уж я-то знаю. Там много всяких темных финансовых групп, но серьезных компаний, а особенно нефтяных, там точно нет.

— В том-то и дело, Ларри. Гибралтар — это крыша. У меня сильное подозрение, что под этим названием действует какая-то крупная итальянская компания. В общем, запомни — «Дабл Эй». Если что-то узнаешь — буду очень обязан.

— О'кей, Билл, буду иметь в виду. А чем они тебя так зацепили?

— В общем-то ничего особенного. Просто какие-то аутсайдеры, ведут себя вызывающе, работают не по правилам.

— Понятно, — согласился Эванс, — так бывает.

Габриэль перемотал кассету и подошел к Алексу.

— Хотите послушать сейчас, мистер Франк, или потом?

* ЦРУ.

— Что-нибудь интересное?

— Думаю, что да.

Они отошли к дальнему столику и сели в кресла. Габриэль положил на стол магнитофон и прикрыл его программой конференции. Алекс вставил наушник.

— Интересно, — сказал он, прослушав запись, — этот мистер Дэвис чем-то другим, кроме нас, занимается? А кто такой Ларри?

— Ларри Эванс из «Альбион Энерджи», — ответил Габриэль.

Алекс достал записную книжку и внес в нее новое имя.

— Любопытно, откуда эта версия насчет итальянцев? — удивился Габриэль.

— Трудно сказать, — ответил Алекс, — может быть, здесь что-то личное. Но это его проблема.

— Нам это может пригодиться, мистер Франк. Во всяком случае, о такой версии забывать не стоит.

— Ну что ж, у тебя на это карт-бланш, Габи. А сейчас мне что-то расхотелось слушать эти скучные доклады. Не двинуться ли нам в обратный путь к нашему Камерону.

9

Заседание Совета директоров в чикагской штаб-квартире «Игл Корпорэйшн» продолжалось уже целый час. Сначала многие члены совета не очень понимали, о чем идет речь. Лишь некоторые из них обладали достаточными техническими знаниями, чтобы представлять себе весь процесс разведки, начиная от выхода на совершенно не изученную девственную территорию до выделения на ней наиболее перспективных локальных участков, бурения первой поисковой скважины, ее

испытания и всех последующих операций, вплоть до определения границ месторождения и запасов нефти. В советы директоров промышленных корпораций входят не только специалисты, но и банкиры, экономисты, юристы, бывшие высокопоставленные правительственные чиновники и отставные генералы. Технологическими вопросами они не занимаются. Их интересы лежат в области стратегии бизнеса. Поэтому Биллу Дэвису и Джеку Тэйлору, приглашенным на Совет в качестве докладчиков, потребовалось приложить усилия и ответить на многочисленные вопросы, прежде чем все его члены осознали, что речь идет не об узких технических вопросах, а о стратегии. Стратегии выживания корпорации. Как только они это поняли, уровень и направление дискуссии быстро изменились.

Один из директоров, юрист по образованию, спросил Тэйлора — нельзя ли легальным путем получить патентное описание метода и технологии, которые применяет «Дабл Эй»? Тэйлор ответил, что он более чем уверен в отсутствии патента. Авторы должны быть наивными людьми, чтобы полагаться на патентную защиту метода и видеть в ней гарантию своих эксклюзивных прав. Речь идет не о товарном изделии, которое при незаконном изготовлении конкурентом можно легко обнаружить на рынке и начать судебное преследование.

— Мы имеем дело с методом, который, в случае его раскрытия, может использоваться любой нефтяной компанией как угодно долго без того, чтобы об этом стало известно. А патентное описание технологии, несмотря на то что в нем намеренно опускаются наиболее важные детали ноу-хау, все же дает возможность специалистам понять главный принцип. Поэтому я убежден, — заключил Тэйлор, — что люди из «Дабл Эй» избрали другой способ защиты. Они

просто засекретили все, что связано с методом. Даже название компании вымышленное. Скорее всего, за ним скрывается какая-то известная корпорация, обладающая достаточными финансовыми и техническими средствами для осуществления прорыва там, где все остальные потерпели неудачу.

— Вы говорите, что даже название компании вымышленное. Ну а хотя бы ее национальная принадлежность известна? — спросил юрист.

— Мы лишь знаем, что «Дабл Эй» зарегистрирована в Гибралтаре, — ответил Дэвис, — но это, конечно, не говорит о ее национальной принадлежности. Скорее, это часть общего плана конспирации. По некоторым признакам можно заключить, что компания итальянская. Но полной уверенности в этом нет. Мы не знаем, где находятся ее главный офис и лабораторная база, каковы источники финансирования.

В это время зазвонил мобильный телефон Дэвиса. Он извинился, отошел в дальний угол зала, о чем-то быстро переговорил и вернулся.

— Джентльмены, только что мне сообщили, что «Дабл Эй» начала бурение еще двух скважин на блоке Камерон. Таким образом, у них одновременно работают четыре буровые установки. Для разведочного этапа это беспрецедентно, если учесть, что они не проводили предварительные сейсмические исследования, которые необходимы для выбора точек бурения.

— Не могли бы вы более подробно прокомментировать эту новость? — спросил другой член совета, президент одного из крупных банков.

— Из этого сообщения можно сделать два вывода. Во-первых, они полностью уверены в том, что все четыре скважины дадут нефть. Иными словами, они игнорируют так называемый принцип зависи-

мых скважин, когда каждая последующая бурится в зависимости от результатов предыдущей. Тем не менее речь, видимо, идет не о неоправданном риске, а о каких-то других критериях оценки нефтеносности, которые нам неизвестны. И, во-вторых, по каким-то причинам они намерены закончить разведку как можно скорее. Учитывая размеры блока Камерон, для его разведки требуются минимум пять скважин, образующих в совокупности четыре смежных треугольника. Это именно то, что они делают. Работа ведется очень профессионально и грамотно, — закончил Дэвис.

Дискуссия приобретала все более конкретный характер. Почти все присутствующие так или иначе выразили свое отношение к проблеме. И только один человек еще не проронил ни слова. Это был вице-председатель Совета директоров Джон Андерсон. Впрочем, такое молчание было в его стиле. Во время заседаний совета он обычно следовал принципу Джона Рокфеллера, родоначальника династии миллиардеров, стоявшего у истоков американского нефтяного бизнеса. Старик Рокфеллер не начинал говорить, пока не выслушивал всех остальных. Он считал, что руководитель должен вести себя подобно сове из его любимого стихотворения:

Жила на дубе мудрая сова,
Изрядно повидав, скупая на слова,
Лишь молча слушала и много узнавала –
Ей подражать и нам бы не мешало*.

После декламации этого четверостишия Джон Рокфеллер обычно добавлял: «Человек учится говорить очень рано, молчать — очень поздно».

* Перевод автора.

Джон Андерсон был введен в Совет директоров около года назад, после завершения военной карьеры. Последние десять лет он занимал одну из ключевых должностей в управлении стратегической разведки и завязал тесные связи в сфере большого бизнеса. Несколько крупных промышленных компаний предложили ему руководящие посты, но он выбрал «Игл Корпорэйшн», так как за время работы в разведке оценил уникальный характер нефтяного бизнеса, в котором тесно переплетаются национальные и глобальные стратегические интересы. Он был буквально одержим нефтью, о которой знал почти все. Андерсон любил приводить слова Гарольда Айкса, госсекретаря по внутренним делам в правительстве Рузвельта, сказанные им в конце Второй мировой войны: «Скажите мне, как будут распределены нефтяные ресурсы, и я скажу вам, как долго продлится мир». Джона Андерсона отличало от других членов совета умение быстро схватывать суть любой проблемы, будь то техническая, финансовая или юридическая. И вот теперь, слушая вопросы и комментарии коллег, он ясно видел, что никто из них не может выйти за рамки своей основной профессии, подняться над ней и оценить ситуацию в целом. Андерсон решил, что настало время вступить в разговор.

— Джентльмены, — обратился он к Совету директоров, — я полагаю, что всю эту историю с «Дабл Эй» следует рассматривать не с точки зрения конкурентной борьбы, нормы прибыли, юридических коллизий или совершенствования технических средств. Эти стандартные подходы неприменимы к возникшей ситуации, ибо сама ситуация нестандартная. Речь идет о выживании нашей корпорации в условиях, когда мы оказались отброшенными на технологические задворки. Наши суперсовремен-

ные сейсмические станции, компьютерные системы обработки информации, наши оснащенные по последнему слову науки исследовательские лаборатории оказываются в этих условиях бесполезными, так как появился метод, позволяющий обнаруживать нефть без них. Нас можно уподобить стрелку из лука в век снайперских винтовок с лазерным прицелом. В этой ситуации есть только два способа выжить — или метод «Дабл Эй» будет работать на нас, или мы должны сделать так, чтобы ни метод, ни «Дабл Эй» не существовали. Позвольте мне высказать свою мысль предельно четко — ни то, ни другое не произойдет само по себе. Речь идет о проведении операции, сходной с военной, в которой должны участвовать группы разведки, подавления и захвата. Разумеется, я не имею в виду воинские подразделения. Работа должна быть выполнена нашими людьми с привлечением специалистов из соответствующих частных агентств. Полагаю, что смогу использовать также собственные связи. Говоря о сходстве с военной операцией, я подразумеваю лишь методы планирования, исполнения и контроля. Все это будет стоить больших денег. Очень больших. Но если мы будем бездействовать, то потеряем намного больше. А в итоге потеряем все. Мы не можем позволить себе бесконечно обсуждать эту проблему на своих заседаниях. Группа координации оперативной работы должна быть создана уже сегодня. Хочу высказать еще одно соображение. Проблема «Дабл Эй» затрагивает интересы всех без исключения нефтяных компаний. Однако привлечение к операции хотя бы одной из них означает заведомый провал. Поэтому мы будем действовать одни. И соответственно в случае успеха мы будем единственными, кто выиграет. Неудача станет общей. И последнее. Я хотел бы задать во-

прос мистеру Дэвису. Надеюсь, Билл, «Дабл Эй» не подозревает, что является объектом вашего пристального внимания? Я имею в виду встречу с этим парнем из Квебека и другие шаги, которые я оцениваю как вполне профессиональные.

— Безусловно, сэр. Они ничего не знают, — уверенно ответил Дэвис.

— Это очень важно, Билл. Важно, чтобы они и впредь ничего не знали. В этом залог успеха. — Генерал в отставке Джон Андерсон, бывший начальник отдела специальных операций, снова чувствовал себя в привычной стихии.

10

День выдался долгий. Алекс и Габриэль на двух машинах объехали все скважины, обсудили технические и организационные вопросы, убедились, что бурение идет нормально. Они всегда ездили одновременно на обоих «лендроверах». В Вермиллион вернулись поздно вечером. На паркинге гостиницы, где обычно стояли три-четыре примелькавшиеся машины, они увидели незнакомый «форд транзит» с надписью на бортах: «Биологические исследования. Университет Альберты».

— У вас гости, Фрэд? — спросил Габриэль дежурного клерка.

— Биологи, сэр. Приехали днем, часа в два.

Алекс и Габриэль поднялись в свои комнаты. Они порядком устали, мечтали поскорее принять душ и лечь спать. Но уже через двадцать минут Габриэль тихо постучался к Алексу. Войдя, он приложил палец к губам и показал записку: «У меня были визитеры. Нашел три „жучка“. Нужно проверить вашу комнату». Обследовав ее портативным детектором, он обнаружил микрофоны в настольной лампе, те-

лефонном аппарате и под столом. Габриэль указал на них Алексу, но снимать не стал. Затем взял лист бумаги и написал: «Это „биологи“. Мы с вами сейчас должны немного поговорить и упомянуть какую-нибудь итальянскую компанию. Затем прощаемся. „Спокойной ночи“ по-итальянски „буона ноттэ“. Начинайте». Алекс кивнул.

— О'кей, Габриэль. Сейчас в Милане семь утра. В офисе еще никого нет. Свяжемся с ними завтра. Вы подготовили отчет по бурению для руководства «Петролеум Италияно»?

— Да, все готово. Завтра можно отправлять.

— Хорошо, Габриэль. Буона ноттэ.

— Буона ноттэ, синьор Франкони.

Габриэль ушел, хлопнув дверью. Рано утром они спустились в ресторан и заняли свой постоянный столик. Вскоре появились трое незнакомых посетителей — двое мужчин и интересная молодая женщина. Они сели за соседний столик и стали обсуждать меню. Женщина довольно откровенно посматривала на Габриэля. Поймав его взгляд, она улыбнулась, обнажив красивые ровные зубы. Габриэль ответил вежливой сдержанной улыбкой. Алекс молча наблюдал. Затем написал на бумажной салфетке: «Биологи?» Габриэль кивнул, вытер салфеткой губы и сунул ее в карман.

Позавтракав, они вышли к машинам и обсудили ситуацию. Было решено оторваться от «биологов» и переехать в городок Стин Ривер, в ста пятидесяти километрах к северу от Вермиллиона. Он расположен почти рядом с блоком Камерон, но через него проходит оживленный хайвей Маккензи. Именно поэтому Алекс в свое время отказался от соблазна устроить там свою базу. Преимущество Вермиллиона в том, что он лежит в стороне от этой магистрали. Но сейчас, когда в нем появились та-

кие любопытные соседи, переезд в Стин Ривер стал единственным выходом из положения. Произошло то, о чем Алекс говорил во время последней встречи у Шмуэля — скаутов сменили профессионалы, у которых совсем другая хватка. Расплатившись за гостиницу, они погрузили в машины свой небольшой багаж и отправились на север.

Билл Дэвис уже не первый раз читал короткое сообщение группы разведки, как ее называл Джон Андерсон и которая была нанята в частном агентстве «Независимые детективы»: «Прослушиванием установлено, что „Дабл Эй“ является подразделением компании „Петролеум Италияно“, главный офис в Милане. Сегодня утром Алекс Франкони (настоящая фамилия) и его помощник покинули Вермиллион и отбыли в неизвестном направлении. Жду указаний. Фрэйзер». Дэвис снял трубку и набрал телефон Джека Тэйлора: «Зайдите, Джек».

— Вот, Джек, полюбуйтесь, — сказал он, передавая ему текст, — этот мистер Франк лишь мелкая рыбешка. Рядовой исполнитель. К тому же он не Франк, а Франкони. Конспиратор хренов. Мозговой центр у них в Милане. Там же, вероятно, и лабораторная база.

— Все правильно, Билл. Абсолютно правильно. Я с самого начала считал, что это дело рук какой-то крупной корпорации, у которой есть технические и финансовые возможности для такого прорыва. «Петролеум Италияно» эта задача вполне по силам.

— Должен сказать, Джек, что получаешь интеллектуальное удовлетворение, когда оказываешься прав в такой неопределенной ситуации. Ведь мы с вами буквально по крупицам собирали информацию и пришли к двум правильным выводам. Во-

первых, что это крупная компания, а во-вторых, что это итальянцы. Пока у нас с ними идет состязание умов. И мы его выигрываем. Надеюсь, выиграем и все остальное. А сейчас надо сообщить об этом нашему генералу.

Дэвис попросил секретаря соединить его с Джоном Андерсоном в Чикаго.

— Хэлло, мистер Андерсон. Только что получено сообщение группы разведки. — Дэвис прочитал текст. — Хотелось бы знать ваше мнение. Я имею в виду указания Фрэйзеру и вообще дальнейшие действия.

Несколько минут Дэвис слушал молча.

— Хорошо, мистер Андерсон, — сказал он наконец, — я вас понял. Мы отзовем его.

Дэвис повернулся к Тэйлору:

— Генерал считает, что операцию в Вермиллионе можно сворачивать. Там мы больше ничего не узнаем. Надо будет лишь проследить за результатами бурения, но это сделают скауты. Он планирует перенести все действия в Милан, поближе к «Петролеум Италияно». И намерен заняться этим лично, используя свои итальянские связи. О'кей, отзываем Фрэйзера. Я даже рад, что отныне это забота больших шишек в Чикаго, а не наша. Мы свое дело сделали.

11

Доктор геофизики Роберто Массини, элегантный мужчина лет сорока пяти на вид, с живым выразительным лицом, похожий на Марчелло Матространия, был поглощен грустными размышлениями. Рабочий стол в его кабинете на виа Сан-Дonato, где находится главный офис компании «Петролеум Италияно», был завален проектами, которые требо-

вали срочного рассмотрения. Но он не мог заставить себя думать о делах, когда вся его жизнь вдруг начала разваливаться. Долгие годы он упорно и целеустремленно строил свою профессиональную карьеру. Работал в самых поганых местах с гиблым климатом, вдали от цивилизации. И наконец к пятидесяти годам компания оценила его опыт, знания и преданность. Роберто был переведен в Милан и назначен начальником отдела новых разведочных технологий. Его зарплата и бенефиты намного возросли. А главное, прекрасная Италия — это не Нигерия, Габон или Индонезия, где он провел свои лучшие годы.

Роберто с головой ушел в работу. Задача его небольшого отдела состояла в том, чтобы следить за новинками в области разведки, оценивать их и давать экспертные заключения о целесообразности использования компанией. Помимо этого, у него была и собственная сфера ответственности — рассмотрение идей и предложений, авторами которых являлись сотрудники компании и которые поступали в отдел по внутренним каналам. По установившемуся правилу все они, независимо от ценности, считались конфиденциальными. Хотя большинство предложений не представляли практического интереса, иногда попадались действительно хорошие идеи, заслуживающие поддержки и внедрения. Роберто называл себя «мусорщиком», который разгребает груды хлама в поисках редких ценных находок.

«Петролеум Италияно» — это большая международная корпорация, имеющая филиалы во многих нефтедобывающих странах мира. В ней заняты тысячи сотрудников. Поэтому у Роберто всегда хватало работы. Он научился определять ценность предложений с первого взгляда на диаграммы

и чертежи. И даже разработал собственную классификацию, в которой среди прочих были и такие категории: велосипед, вечный двигатель, плагиат, заявка на Нобелевскую, опоздание на десять лет, опережение на сто лет. Время от времени на его рабочем столе появлялись проекты, воплощавшие заветную мечту каждого разведчика — прямое обнаружение нефти. Почти все они повторяли старые отвергнутые идеи, о чем авторы или не знали, или забыли. Вот и сейчас он занимался пухлой папкой материалов, полученных от двух геофизиков из шотландского филиала компании, которые утверждали, что разработали метод прямого обнаружения с помощью сейсморазведки. В папке были аккуратно собраны все относящиеся к делу карты, таблицы и диаграммы с детальным описанием предлагаемой технологии. Основой ее, по заявлению авторов, являлось различие в акустическом сопротивлении между нефтяным пластом и всеми другими породами. Месяца два назад Роберто напомнил им, что явление это известно и что метод, основанный на нем, называется методом «яркого пятна», которое такое различие создает на сейсмограмме. Но, к сожалению, результаты его применения не всегда однозначны. Из Шотландии пришел обстоятельный факс, из которого следовало, что авторы хорошо представляют себе недостатки метода. Поэтому они разработали усовершенствованную компьютерную программу, которая позволяет существенно повысить его эффективность. После некоторых сомнений и колебаний Роберто решил вынести обсуждение этого предложения на технический совет компании. Он пригласил авторов в Милан и теперь ждал их приезда. «Кто знает, — думал Роберто, — возможно, эффективность и удастся немного повысить. Надо попробовать».

Но кроме работы у доктора Массини была и личная жизнь, в которой все вдруг пошло кувырком. Многие годы вдали от Италии он был лишен широкого круга общения, заботился только о семье, карьере и банковском счете. Оказавшись после всего этого в Милане, имея достаточно свободных денег и будучи еще не старым человеком, он вдруг обнаружил, что, помимо семьи и работы, существует что-то еще. И случилось неизбежное. Мария ворвалась в его жизнь стремительно и заполнила ее всю, без остатка. Она была красива, на двадцать лет моложе Роберто и благосклонно приняла его ухаживания. Он совершенно терял голову, когда слышал ее нежный, ласковый шепот: «О мой Марчелло». Последовал сокрушительный бракоразводный процесс, в результате которого жена и трое детей получили все нажитое за долгие годы имущество, а в качестве алиментов — львиную часть его зарплаты. Роберто остался без дома, с сильно урезанным банковским счетом и скромным ежемесячным доходом. Надо было начинать жизнь сначала, но красавица Мария хотела все сразу и по самой высокой категории — квартиру, мебель, машину, туалеты, поездки на дорогие курорты.

...Доктор Массини сидел за своим рабочим столом и размышлял о том, как жить дальше. Вскоре должно было состояться обсуждение шотландского предложения на техническом совете, но его голова была занята совсем другими проблемами. И в таком состоянии он находился не день и не два, а почти всю неделю. Телефонный звонок прервал его невеселые мысли.

— Доктор Роберто Массини? Здравствуйте. Меня зовут Витторио Роккарди. Я работаю в области общественных связей в солидной консалтинговой фирме. Мне бы хотелось встретиться с вами. И, если не возражаете, в неформальной обстановке.

— Витторио Роккарди? Простите, синьор Роккарди, но ваше имя и род занятий мне ни о чем не говорят. Нельзя ли уточнить, с какой целью вы хотите встретиться?

— Видите ли, доктор Массини, это крайне сложно сделать по телефону. Могу только заверить, что наша встреча будет для вас весьма интересна.

— Я, право, не понимаю... Но если вы полагаете... Ну что ж, давайте увидимся... А о чем все-таки речь?

— Спасибо, доктор Массини. Уверяю, вам будет интересно. Как насчет сквера около замка Сфорца? Не возражаете? Тогда назовите, пожалуйста, время.

— Сегодня вечером я как раз свободен. Восемь часов вас устроит? — Роберто стал ощущать какое-то вязкое любопытство. — А как я вас узнаю, синьор Роккарди?

— Не беспокойтесь, доктор Массини. Я подойду к вам. Итак, замок Сфорца, восемь часов. До вечера, доктор Массини.

Ровно в восемь Роберто подошел к скверу. Точность была его отличительной чертой. В ту же минуту к нему направился высокий седой мужчина аристократической внешности, с военной выправкой.

— Здравствуйте, доктор Массини. Благодарю за любезное согласие встретиться со мной. — Мужчина приподнял шляпу и представился: — Витторио Роккарди, адвокат.

— Здравствуйте, синьор Роккарди. Где мы будем разговаривать? Здесь, в сквере?

— Нет, конечно. Давайте зайдем в кафе «Гротта Адзурра»* напротив. Очень уютное местечко.

* «Голубой грот» (итал.).

Они заняли столик и заказали по чашечке кофе с бисквитом.

— Слушаю вас, синьор Роккарди.

Роккарди улыбнулся.

— Да, да, доктор Массини. Я понимаю, вы заинтригованы этим неожиданным звонком. Сейчас я все объясню. Дело в том, что я представляю очень большую промышленную корпорацию, которая интересуется, ну, скажем, некоторыми техническими разработками, сделанными в «Петролеум Италияно».

При этих словах Роберто начал подниматься со стула, не оставляя сомнений, что намерен закончить разговор и уйти.

— Подождите, подождите, доктор Массини, — Роккарди почти силой усадил его на место. — Прошу вас, дослушайте. Вы можете уйти в любой момент. Но сначала дослушайте. Это вас ни к чему не обязывает.

Роккарди на мгновение утратил спокойную уверенность и сделал тяжелый выдох.

— Сейчас, сейчас я все объясню. Знаете что, доктор Массини, позвольте мне быть с вами предельно откровенным. Но только прошу вас — не делайте больше попыток закончить разговор. Поверьте, он важен для вас не меньше, чем для меня. Итак, предельно откровенно. Те, кого я представляю, знают все о ваших финансовых затруднениях. Абсолютно все. Прошу прощения за бесцеремонность... И предложение, которое я уполномочен сделать, решит не только ваши нынешние проблемы, но вы будете избавлены от них до конца жизни. А я желаю вам прожить до ста лет. Я предлагаю десять миллионов долларов. Десять миллионов! — с ударением повторил Роккарди.

Воцарилось молчание. Лицо Роберто осталось спокойным и непроницаемым, но было слыш-

но, как шуршит накрахмаленная салфетка в его руках.

— Даже если завтра вы уйдете из «Петролеум Италияно», вы не будете бедным человеком, — добавил Роккарди, не отводя глаз от пальцев собеседника, лихорадочно теребивших салфетку.

Роберто почувствовал, что погружается в какое-то липкое сладостно-мерзкое состояние. В голове, как удары молоточков, застучали бессвязные слова: десять миллионов — Мария — десять миллионов — Мария — о, Святая Дева Мария, укрепи дух и разум... Желание встать и уйти почему-то пропало. «Странно, — подумал он, — почему не ухажу? Ведь сейчас он потребует что-то ужасное... украсть... убить».

— Что я должен сделать? — слова сорвались с его языка помимо воли.

— Вот это уже серьезный вопрос. — Голос Роккарди вернул Роберто к реальности. — С него мы и начнем. Нам известно, что в вашей компании разработан метод прямого обнаружения нефти. Я не специалист, вы лучше меня знаете, что это такое. Сейчас я хочу только услышать от вас подтверждение, что это действительно так, что такой метод разработан.

— Ну, допустим... — неопределенно произнес Роберто.

— Нет, это меня не устраивает. Никто не будет платить десять миллионов за «допустим». Да или нет?

— Да. — Голос Роберто был таким твердым, что это удивило его самого.

— Прекрасно. Это именно то, что я хотел услышать. Впрочем, мы знаем об этом и без вас. Ваше «да» нужно лишь как доказательство, что вы серьезный партнер. Ну, а теперь соединим обе части

вместе. Мы от вас получаем детальное описание метода со всей технической документацией, а вы от нас — десять миллионов.

— Да, но... — начал было Роберто.

— Никаких «но». Для вас это сделка всей жизни. Другого такого шанса не будет, доктор Массини. Так что не стоит заниматься пустыми разговорами. Давайте переходить к деталям. — Роккарди говорил жестким повелительным тоном.

— Я должен... э, я должен... э... подумать. — Язык плохо повиновался Роберто, мысли разбегались.

— Сколько времени вы намерены думать?

— Завтра... Ответ завтра.

— Хорошо. Подождем до завтра. А пока у меня к вам два вопроса. Первый — когда может быть готова вся техническая документация? И второй — вы должны сообщить мне название банка и номер счета. В какой банк нам следует перевести деньги?

— В какой банк? Я думаю, в швейцарский. Но я должен поехать в Лугано и открыть счет. Это займет один день. Копия документации? Для этого потребуется еще день. Итого два дня.

— Договорились. Надеюсь, вы не собираетесь с кем-то советоваться?

— Нет, не собираюсь.

— Предупреждаю, Массини, не делайте глупостей. Я представляю очень серьезных людей. Они не любят шутить.

На следующий день полковник военной разведки Витторио Роккарди сообщил своему старому другу генералу Джону Андерсону, что кропотливая работа, на которую у него ушло почти два месяца, успешно завершена. Он назвал стоимость сделки, которая не превысила максимальную сумму, санкционированную Андерсоном, и от которой зависели

его собственные комиссионные. Роккарди добавил, что упорно торговался, начав с одного миллиона. Но Массини меньше чем о десяти и слышать не хотел, заявив, что товар стоит намного больше и что сам он рискует головой.

Еще через два дня полковник получил пухлую папку с технической документацией, а десять миллионов долларов были переведены в банк «Кредит Свисс» на имя Роберто Массини. Роккарди раскрыл папку и прочитал на титульном листе: «Яркое пятно». «Кодовое название», — решил опытный разведчик. Вслед за этим доктор Массини внезапно уволился из компании из-за резкого ухудшения здоровья, вызванного семейными неурядицами, и уехал из Италии в неизвестном направлении. Его сопровождала молодая красивая спутница. Перед отъездом он как хороший католик посетил церковь Санта-Мария делле Грацие на Корсо Верчелли и вознес благодарственную молитву Деве Марии за чудесное избавление с помощью посланного ею синьора Роккарди от всех своих житейских проблем. А падре Антонио был несказанно удивлен и обрадован щедрым пожертвованием, которое сделал этот незнакомый, но ревностный прихожанин.

— Могу ли я узнать, сын мой, кого мы должны благодарить за выражение столь искренней любви к Святой церкви? — спросил падре.

— Упомяните в своей молитве, святой отец, новообращенного сына церкви Карло Тибальди, — ответил незнакомец.

Роберто понимал, что произошла какая-то загадочная ошибка и что очень скоро синьор Роккарди или те, кого он представляет, захотят снова встретиться с ним. Он не был заинтересован в такой встрече. Слова о серьезных людях, которые не любят шутить, не выходили у него из головы.

Поэтому отныне доктор геофизики Роберто Массини перестал существовать. Вместо него появился преуспевающий бизнесмен Карло Тибальди. По настоянию Марии он слегка изменил свою внешность и стал еще больше похож на Марчелло Мастрояни...

12

Все четыре дополнительные разведочные скважины на блоке Камерон обнаружили тот же нефтяной пласт, что и первая. Он выделялся на каротажных диаграммах настолько отчетливо, что Алекс решил не тратить время на проверку его пластоиспытателем, а сразу спускать обсадные колонны, цементировать их и прострелять перфораторами. После этих операций на устье каждой скважины была установлена фонтанная арматура, называемая на языке нефтяников «рождественской елкой» из-за сходства с этим обвешанным игрушками деревом. Сходство создавали многочисленные горизонтальные трубки, манометры, вентили, расположенные на главной вертикальной трубе, как на «стволе». Все скважины были подготовлены к добыче нефти. На этом этап разведки закончился.

Месторождение, о существовании которого не было известно еще полгода назад, красовалось среди пологих холмов Камерон своими покрытыми голубой краской «рождественскими елками», как новенький, с иголки океанский танкер, готовый к спуску со стапелей. Оно фактически и было гигантским подземным танкером, огромным природным резервуаром, заполненным нефтью, дремавшей миллионы лет под двухкилометровой толщей горных пород. И вот теперь пять скважин, как тонкие иглы, проткнули этот резервуар и дали вы-

ход нефти на поверхность. Скоро по воле своего нового хозяина она вырвется из пласта, как джинн из бутылки. Будет ли этот джинн служить добру или злу? И кто станет его хозяином? Сегодня Камерон еще всецело принадлежит группе «Дабл Эй». Но это только сегодня. Пройдет немного времени, и здесь появятся другие владельцы. Они пробурят десятки новых скважин, называемых эксплуатационными, построят нефтесборные сооружения и насосные станции, проложат нефтепроводы. Холмы Камерон изменятся неузнаваемо. Нетронутый природный ландшафт уступит место безобразному индустриальному пейзажу. Такова цена, которую наша маленькая планета платит за так называемый технический прогресс, которым одержимы населяющие ее неразумно разумные существа. В конце концов они погубят ее. Но таков закон самоуничтожения, заложенный в живой природе. Подчиняясь ему, микробы и вирусы, живущие в организме человека, уничтожают этот организм, хотя он и является их единственной средой обитания. Так же ведут себя люди по отношению к планете Земля. «Она вертится», — утверждал Галилей вслед за Коперником. «Но не настолько, чтобы отвертеться от людей», — подумал Алекс.

Все эти странные мысли пришли в голову неожиданно и настроили его на философский лад. Раньше ни о чем подобном он не задумывался. Если встать на такую точку зрения, то получается, что всю свою жизнь он только и занимался уничтожением природы? «Чушь какая-то, — подумал Алекс. — Вот что значит расслабиться после нескольких месяцев плотной работы. Всякая ерунда лезет в голову. И потом, опять эта литературщина — джинн из бутылки, добро и зло... Еще не время размягчать серое вещество. Есть неотложные дела».

А дела, действительно, были. В первую очередь следовало подсчитать запасы нефти. Алекс начал с того, что уточнил границы месторождения. По форме оно напоминало изящный удлинённый овал. Нарисовав его на карте и написав внутри большими буквами КАМЕРОН, он получил настоящее эстетическое удовольствие. Вспомнились слова погибшего на войне поэта: «Я с детства не любил овал...» Знал бы он, сколько красоты, завершенности и миллионов тонн нефти может заключать в себе эта геометрическая фигура. Ее можно не только полюбить, но и сделать своим алтарем. И приносить на нем жертвы богам. Каким богам? Богу профессионализма. Богу удачи. Богу прямого обнаружения. Ну и, конечно, золотому тельцу. Да, тельцу. Ибо один из законов великого Мэрфи гласит: «Неважно, о чем говорят, — речь всегда идет о деньгах». И закон этот еще никто не опротестовал и не подверг сомнению...

Через несколько дней, после сложных вычислений, учета всевозможных коэффициентов и физико-химических параметров нефтяного пласта, подсчет запасов был закончен. Нефти на месторождении оказалось больше, чем Алекс вначале предполагал. Соответственно и норма прибыли после его продажи должна превысить ту, которая когда-то произвела такое впечатление на Шмуэля. Из Израиля прилетел адвокат Рон Берман. Совместно они оформили необходимые финансовые отчеты, расплатились с «Дриллинг Энтерпрайз» и «Вэлл Сервисез», переведя деньги со швейцарского счета группы «Дабл Эй». Затем привели в порядок юридические документы на владение месторождением в соответствии с законами провинции Альберта. Теперь настало время приступить к завершающему этапу — поиску покупателей. Этот вопрос следова-

ло решать вместе со Шмуэлем и Андреем. Поэтому Алекс, Рон и Габриэль заканчивали последние дела и готовились вылететь в Израиль. Два других сотрудника службы безопасности, Гидеон Эйтан и Морис Шахар, улетели на неделю раньше.

А в это время в «Игл Корпорэйшн» бушевал небывалый скандал. Как только руководству корпорации стало известно, что именно купил Джон Андерсон за десять миллионов долларов, началось внутреннее расследование. Руководство хотело выяснить, кто еще причастен к этой сделке и нет ли здесь преступного сговора с целью присвоения денег компании. Очень быстро было установлено, однако, что Андерсон — единственный инициатор и виновник всего дела. Никаких корыстных побуждений в его действиях обнаружено не было. Следственная комиссия пришла к выводу, что причиной столь нелепой акции были лишь абсолютная некомпетентность и использование методов, чуждых профессиональным нормам и традициям корпорации. Это проявилось не только в том, что сделка была заключена без предварительной научно-технической экспертизы, но и в том недопустимом давлении, которое Андерсон оказал на финансовый отдел, потребовав ее немедленной оплаты. Бравый генерал был выведен из Совета директоров, и ему было заявлено, что впредь он не может работать ни в одном из подразделений компании. В его личном деле появилась запись: «Не подлежит трудоустройству в „Игл Корпорэйшн“». На этом карьера Джона Андерсона в нефтяном бизнесе закончилась.

Во избежание ущерба репутации компании расследование велось строго конфиденциально и были приняты меры для предотвращения утечки информации. Но, как это обычно бывает, слухи

о скандале сначала распространились внутри компании, а затем выплеснулись за ее пределы. Поскольку мало кто знал, что именно произошло и за что уволен вице-председатель Совета директоров, появлялись всевозможные догадки, одна невероятнее другой. Они обрастали сенсационными подробностями и вскоре превратились в своего рода местный фольклор. Единственным неизменным стержнем всех этих историй было утверждение, что «Игл Корпорэйшн» приобрела где-то в Европе у какого-то проходимца за огромные деньги что-то такое, что оказалось совершенно ненужным и бесполезным. С этим были согласны все. Но что именно было приобретено, не знал никто. Поэтому каждый рассказчик придумывал собственную версию. Наконец произошло то, чего руководство компании опасалось больше всего, — история докатилась до газет. Доброе имя «Игл Корпорэйшн» начали склонять в лучших традициях желтой прессы. Поскольку официальные представители компании отказывались от каких-либо комментариев, журналисты добывали информацию из сомнительных источников, добавляя к ней изрядную долю собственных домыслов.

Алекс, Рон и Габриэль летели прямым рейсом из Торонто в Израиль. Сразу же после взлета стюардессы раздали газеты. Габриэль не спеша перелистывал таблоид «Сан», когда на глаза ему попался крупный заголовок: «Орел схватил не ту добычу»*, под которым был подзаголовок в виде вопроса: «Кто подставил генерала?» В статье рассказывалась почти детективная история. Некто Джон Андерсон, бывший генерал разведки, а ныне

* Игл (Eagle) — по-английски «орел».

вице-председатель Совета директоров «Игл Корпорэйшн», якобы узнал по своим секретным каналам, что в одной из европейских стран проживает некий гениальный изобретатель. Он придумал совершенно необычный прибор, который спускается в бурящуюся скважину, позволяя оператору на поверхности визуально наблюдать все, что в ней происходит, и распознавать нефтяные пласты. Андерсону сообщили, что многие нефтяные компании охотятся за этим прибором, поэтому изобретатель ушел в подполье, опасаясь за свою жизнь. Генерал решил во что бы то ни стало раздобыть изделие. Он использовал свои старые европейские связи, и наконец подпольщик был обнаружен на квартире любовницы. В статье подробно описывались ее женские прелести. После долгих и трудных переговоров, в которых любовница принимала активное участие, изобретатель согласился продать чертежи за сумму, названную его подругой. Автор статьи не имел точной информации на этот счет и поэтому ограничился лишь приблизительной цифрой — около пятнадцати миллионов долларов. Сделка состоялась. Изобретатель получил свой гонорар, а генерал Андерсон — чертежи и всю техническую документацию. И вот тут произошло самое пикантное. Когда был изготовлен образец прибора, оказалось, что это увеличенный до размеров скважины обыкновенный медицинский проктоскоп, которым пользуются для обследования прямой кишки. Разразился грандиозный скандал. Опозоренный Андерсон вынужден был уйти в отставку. В статье говорилось также, что он поклялся разыскать афериста и рассчитаться с ним. Но автор справедливо полагал, что гениальный изобретатель и его не менее гениальная подруга вряд ли продолжают с нетерпением ждать генерала в сво-

ей прежней скромной квартирке. Поэтому он советовал своему герою забыть об изобретателе, а вместо этого найти тех, кто его действительно подставил.

Давясь от смеха, Габриэль передал газету Алексу.

— Мистер Франк, прочтите. Здесь речь идет о наших старых знакомых.

Алекс прочитал статью и долго не мог вымолвить ни слова — его душил смех. Наконец он пришел в себя.

— Габи, если в этом есть хотя бы доля правды, то бюст Андерсона нужно установить в «Игл Корпорэйшн». Он прославил компанию. А все же интересно — кто его подставил? — Ни ему, ни Габриэлю и в голову не приходило, что именно они погубили карьеру бедного генерала. И лишь много времени спустя Алексу стала понятна связь между их методом, аферой Андерсона и «Петролеум Италияно». — Впрочем, — продолжал он, — подобные аферы случались и раньше. Одна из наиболее громких связана с крупнейшей французской нефтяной компанией «Элф-Аквитан» и произошла в начале восьмидесятых. Она получила широкую известность в нефтяном мире как «афера нюхающего самолета». Несколько ловких «изобретателей» продали компании электронную аналитическую систему, которая устанавливалась на самолете и позволяла якобы по химическому составу забортного воздуха обнаруживать нефтяные месторождения при облетах исследуемой территории. Анализатор воздуха назывался «сниффер», что означает «нюхатель». Его испытания проводились в условиях полной секретности в течение трех лет. Ввиду огромного экономического потенциала «изобретения» в финансировании проекта негласно уча-

ствовало французское правительство. Президент Жискар Д'Эстен лично санкционировал выделение средств из специального фонда, предназначенного для непредвиденных ситуаций. Видимо, Франция решила взять реванш за отказ от парохода Фултона при Наполеоне и стать владычицей «нефтяных морей». В наш век это более важно, чем «править морями», как поется в британском гимне. Однако этим амбициям не суждено было сбыться. Хотя испытания «сниффера» с участием самих «изобретателей» прошли успешно, в конечном счете все обернулось грандиозным надувательством и потерей ста миллионов долларов. Скандал расследовался специальной правительственной комиссией, которая пришла к выводу, что «Элф-Аквитан» стала жертвой беспрецедентного мошенничества. Под угрозой оказались не только репутация компании, но и престиж президента. Поэтому отчет комиссии был засекречен и предан гласности только при Франсуа Миттеране, который сменил Д'Эстена в Елисейском дворце. Помню, «Фигаро» писала тогда с сарказмом, что нефтяные компании все еще не могут расстаться с мечтой о методе прямого обнаружения, который на самом деле не более реален, чем «философский камень», способный превращать металлы в золото. Журналисты больше разбираются в алхимии, чем в нефтяной геологии, — закончил Алекс с улыбкой.

13

Совещание проходило на вилле Шмуэля в Кесарии. В одном из малых залов был сервирован стол на четверых. Присутствовали Алекс, Андрей и Рон. Настроение у всех было приподнятое. Перед началом делового разговора Шмуэль предложил «сде-

лать лехаим» и пообещал, что это будет «что-то особенное». Он нажал кнопку, и в комнату бесшумно вошел слуга в белоснежном кителе, неся на подносе бутылку вина. Шмуэль осторожно взял ее в руки и благоговейно прочитал название: «„Мутон Ротшильд“ урожая 1874 года». Он сделал многозначительную паузу и задал риторический вопрос: «Если кто-то из молодых людей уже пробовал это вино, пусть скажет, что это такое?» Желающих сказать не нашлось. Тогда Шмуэль торжественно провозгласил: «Открывайте, Яков». Яков вынул из шкафчика специальный штопор и, манипулируя им, как нейрохирург, осторожно извлек пробку. Шмуэль взял ее из рук Якова, понюхал и предложил сделать то же остальным. Закончив ритуал, он произнес в нарочитой манере местечкового еврея: «Яков, молодые люди не возражают сделать лехаим. Или вы не нальете им по рюмочке?»

Несмотря на окружавшую его непривычную роскошь, Алекс вдруг почувствовал себя очень уютно, по-домашнему. Шмуэль живо напоминал ему деда, местечкового балагулу*. Те же словечки, те же интонации, тот же хитрый прищур глаз. Правда, дед никогда не пил «Мутон Ротшильд» и не угощал им знакомых. Он пил сливянку собственного приготовления, а по семейным праздникам предпочитал стакан водки. После чего делал шумный выдох и закусывал соленым огурцом. И еще дед загонял гвоздь в доску ударом кулака, обернутого седельной кожей. Последний раз он пустил его в ход перед расстрелом, когда одним ударом перебил немцу шейные позвонки...

Яков наполнил невысокие плоскодонные бокалы тончайшего стекла и бесшумно удалился.

* Извозчика (*идиш*).

— Маленькими глотками. Умоляю вас, маленькими глотками. — Шмуэль не переставал священнодействовать вокруг «Мутон Ротшильд». — Ну, ле-хаим.

Каждый немного отпил. Шмуэль обвел гостей ожидающим взглядом, как бы приглашая высказаться. Первым решился Андрей: «Хорошее вино, даже очень хорошее». Шмуэль возмущился: «И это все, что ты можешь сказать. Боже, с кем я имею дело. Это же музыка, Кол Нидре.* Ты просто ничего не понимаешь». Рон Берман поспешил исправить положение: «Ты прав, Шмуэль, это что-то особенное».

— Ну, а что скажет профессор? — Шмуэль решил провести полный референдум.

— Ничего подобного раньше не пробовал, — честно признался Алекс, хотя по одному глотку и не мог сказать, что в этом напитке такого особенного. — Давайте допьем, тогда можно будет сказать более определенно.

Вино действительно было необычайно тонким, ароматным, но не опьяняющим. Такие старинные вина годились не для застолья, скорее это был инвестмент, атрибут богатого дома. Не спеша выпили всю бутылку.

— Ну хорошо. — Шмуэль был разочарован и решил закончить ритуальную часть. — С одной жидкостью мы с грехом пополам разобрались. Здесь вы, конечно, не специалисты. Перейдем к другой, которую продают не литрами, а баррелями. Кстати, чтобы вы все-таки знали, что пили. Эта бутылка обошлась мне в восемь тысяч долларов на аукционе Сотби... Мы слушаем тебя, Алекс.

Алекс подробно рассказал все, что произошло в Канаде, включая игру в кошки-мышки с «Игл Кор-

* Песня-молитва, произносимая в Судный день.

порэйшн». Особо отметил высокий профессионализм Габриэля и сказал, что хотел бы работать с ним и дальше. Потом разложил карту и показал на ней месторождение Камерон.

— Вот этот овал и есть конечный результат нашей работы. Длинная ось двадцать четыре километра, короткая — девять. Толщина нефтяного пласта от тридцати до сорока метров.

— Ну и сколько же этот огурец, или, по-твоему, овал, может стоять на рынке? — Шмуэль перешел к главному вопросу.

— При сегодняшней цене за баррель он стоит не меньше трехсот миллионов долларов, а скорее всего больше. Зависит от конъюнктуры и покупателя. Прошу иметь в виду, что это рыночная цена всего месторождения сразу. Стоимость самой нефти примерно в десять раз больше, но чтобы добыть ее, требуется не менее двадцати лет.

— Что значит — цена зависит от покупателя? — не понял Рон Берман.

— Есть компании, которые хотели бы проникнуть на канадский рынок. Они готовы заплатить больше, чем те, которые уже имеют там месторождения.

— Как будем продавать эту «недвижимость»? Я в своей жизни продавал и покупал почти все, но нефтяные месторождения не приходилось. — Шмуэль не скрывал, что это совершенно новый для него бизнес.

— Так же, как и любую другую собственность. Надо дать объявления в нефтяных журналах и деловых газетах. Указать, где находится месторождение и каковы запасы нефти. Но сначала нужно открыть офис в Гибралтаре и сообщить в объявлениях его адрес, телефон, факс и электронную почту. Вот примерно так нужно действовать, — Алекс изложил общий план.

— Кто тебе для этого нужен?

— От нас только Рон, Габриэль и еще кто-нибудь из людей Бен-Эзры по выбору Габриэля. Технический персонал подберем на месте.

— Хорошо, — подвел итог Шмуэль, — у меня возражений нет. Кто хочет что-то добавить?

— У меня такой вопрос. Покупателю ведь недостаточно посмотреть технические и юридические документы в Гибралтаре. Он должен увидеть и само месторождение, — заметил Андрей.

— Разумеется. После экспертизы документов в Гибралтаре мы с ним, вернее, с ними (как правило, это группа экспертов) полетим в Канаду, все посмотрим на месте, оформим сделку официально по законам провинции Альберта. Это обязательная часть процедуры купли-продажи.

— Ну что ж, в добрый час. Когда планируешь выезд? — спросил Шмуэль.

— Думаю, через неделю.

— Рон, у тебя все готово? — обратился Шмуэль к адвокату.

— Почти. Через неделю будет все, что требуется.

— О'кей, тогда я позвоню Бен-Эзре насчет Габриэля. Ну, давайте еще раз сделаем лехаим за успех.

Все выпили по бокалу сухого «Ярдена».

14

Для офиса «Дабл Эй» был снят старинный двухэтажный особняк в Буэна-Виста, тихом южном районе Гибралтара. Наверху были кабинеты Алекса, Рона и общая приемная с двумя секретарями. Внизу — зал заседаний и комнаты Габриэля и Гидеона. Кроме того, имелись свободные помеще-

ния, которые можно было разделить временными перегородками и превратить в рабочие комнаты. Здание оборудовали системой наблюдения и сигнализации. Все было готово к началу рекламной кампании. Объявления о продаже Камерона были разосланы в несколько ведущих нефтяных журналов, а также в газеты «Уолл-стрит Джорнэл» и «Файнэншиэл Таймс».

Тем временем «Игл Корпорэйшн» и еще две компании, которые вели разведку на остальных блоках в районе трех озер, закончили сейсмические исследования и пробурили пять скважин — по одной на каждом блоке. Все они оказались сухими, без нефти. Такая тотальная неудача на фоне загадочного успеха «Дабл Эй» требовала детального геологического анализа и объяснения.

Билл Дэвис и Джек Тэйлор вынуждены были снова вернуться к этому вопросу. После скандала в Чикаго они приложили немало усилий, чтобы дистанцироваться от итальянской аферы, как она стала официально называться в компании. Во время расследования они старались держать «низкий профиль», и их репутация не пострадала. По молчаливому согласию они долгое время избегали касаться всего, что связано с «Дабл Эй», ибо именно от нее потянулись нити в Милан. И вот теперь они снова попытались разобраться в этой загадочной истории. И сделали это вдвоем, не привлекая никого больше.

— Итак, Джек, с чего начнем? — Дэвис перебрал мяч Тэйлору.

— Я бы хотел начать с того, чем закончил в тот раз, когда мы обсуждали этот вопрос с Флемингом. Как помните, Билл, я сказал тогда, что если я прав, то на пяти других блоках, включая наш, нефти нет. К сожалению, я оказался прав. И сейчас я более

чем когда-либо убежден, что «Дабл Эй» работает прямым методом. Для меня до сих пор остается загадкой, что наш генерал натворил в Италии. На кого он там вышел? Или на кого его вывели? Это вообще темная история. И я бы хотел вернуться к ее истокам. Как вообще возник этот итальянский след? Насколько я помню, впервые намек насчет итальянцев прозвучал в вашем выступлении в Чикаго. Не так ли, Билл?

— Да, действительно, у меня возникло такое подозрение. Но потом, как вы помните, его подтвердил Фрэйзер из «Независимых детективов». Так что Андерсона занесло в Италию не из-за меня, а скорее из-за Фрэйзера.

— Слушайте, Билл, поймите меня правильно. Мы с вами сейчас не на комиссии. И если мы действительно хотим распутать этот клубок, то начинать надо сначала. Могу ли я все-таки спросить — как у вас возникло подозрение насчет итальянцев?

— Ну, во-первых, в Чикаго я сказал, что полной уверенности в том, что «Дабл Эй» — итальянская компания, у меня нет. А что касается причин для подозрений, то, честно говоря, сейчас они не кажутся мне такими серьезными. Мне бы не хотелось уточнять. Знаете что, Джек, а не вернуться ли нам снова к записи, которую Фрэйзер сделал в Вермиллионе? Пусть ее прослушает кто-нибудь из наших итальянцев.

— Вы в чем-то сомневаетесь? Я не очень понимаю.

— Сейчас поймете.

Дэвис вызвал секретаря:

— Пригласите, пожалуйста, Сильвию Маленотти из финансового отдела.

Через несколько минут в кабинет вошла женщина лет сорока ярко выраженной средиземноморской внешности.

— Здравствуйте, Сильвия. Нам требуется ваша помощь. Экспертиза, я бы сказал. Вы сейчас прослушаете короткую магнитофонную запись. Там есть несколько слов по-итальянски. А потом я задам вам пару вопросов.

Дэвис вставил кассету и включил магнитофон. Сильвия внимательно слушала.

— Вы хотите спросить, мистер Дэвис, что такое «буона ноттэ»? Это «спокойной ночи».

— Спасибо, Сильвия. Еще один вопрос. Не могли бы вы сказать, судя по произношению, — это итальянцы или нет?

— Нет, мистер Дэвис, это не итальянцы. Тут нет сомнений. Интонация совершенно не итальянская.

— Спасибо, Сильвия. Вы нам очень помогли.

Когда Маленотти ушла, Дэвис обратился к Тэйлору.

— Ну, теперь вам понятно, Джек?

— Да, теперь понятно. Они обвели нас вокруг пальца. Здесь напрашиваются два вывода. Во-первых, они обнаружили «жучки» Фрэйзера. Такую возможность еще можно допустить. А во-вторых, впечатление такое, будто им было известно, что говорилось об итальянской версии на Совете директоров в Чикаго. И они решили отправить нас по этому следу. Иначе — зачем устраивать этот спектакль с «буона ноттэ»? Теперь у меня нет даже уверенности, что они вообще связаны с «Петролеум Итальяно». Бедный Андерсон. Мне начинает казаться, что мы все жертвы какой-то ловкой мистификации.

— Не знаю, Джек, не знаю. Мы что-то еще больше запутываемся. Уж не связан ли с ними кто-то из Совета директоров? Теперь я бы ничему не удивился...

На следующий день Тэйлор зашел в кабинет Дэвиса. Он был заметно возбужден. В руках у него

был свежий номер «Файнэншиэл Таймс». Тэйлор раскрыл газету на странице объявлений и положил ее на стол перед Дэвисом. Текст в большой черной рамке был обведен красным карандашом.

— Что это значит, Джек? Они что — продают Камерон? — Дэвис не скрывал удивления.

— Ничего другого из этого не следует. Это не настоящая нефтяная компания. Они действуют по принципу «хватай и беги», в смысле — «откройвай и продавай». Случайные люди в нашем бизнесе.

— Да, но как же тогда им удалось так ловко все повернуть на Камероне?

— Это другой вопрос. Я по-прежнему убежден, что у них есть «наводчик», который владеет методом прямого обнаружения. Я имею в виду, что здесь комбинация метода и больших денег. У них нет своей инфраструктуры — это ясно. Только метод и деньги. Поэтому они и сидят в Гибралтаре. С таким же успехом могли выбрать Каймановы острова или любой другой офшорный угол.

— А как же ваша идея насчет того, что за ними стоит какая-то крупная корпорация?

— Теперь я в этом не уверен. В таком случае они не стали бы продавать Камерон.

— Знаете, о чем я сейчас подумал, Джек? Хотя Андерсон и попал в дерьмовую историю, его слова о том, что существуют только два способа выжить, остаются в силе. Я имею в виду — или метод «Дабл Эй» будет работать на нас, или мы должны сделать так, чтобы ни метод, ни «Дабл Эй» не существовали. Проблема не исчезла. И если вы правы в том, что здесь действует не корпорация, а какой-то гениальный изобретатель-одиночка, то наша задача упрощается. Борьба с корпорацией трудно, купить ее невозможно. Ну а человека или нескольких

всегда можно купить. Вопрос только в цене. Что вы на это скажете, Джек?

— Во-первых, Билл, я бы не стал пользоваться словами «гениальный изобретатель». Просто из суеверия — вспомните статью в «Сан». Возникает неприятная ассоциация.

При этих словах Дэвис рассмеялся. Не удержался и Тэйлор. Чувствовалось, что история с протоскопом веселит их не в первый раз.

— Ну а во-вторых, — продолжал Тэйлор, — у нас действительно нет иного выхода. Надо во что бы то ни стало добраться до их лабораторной базы. Кто знает, где они будут работать в следующий раз или уже работают? Поэтому единственная возможность не упустить их из виду — это отправиться в Гибралтар, сделать заявку на торги и принять в них участие.

— Да, пожалуй, вы правы, Джек. Я сообщу президенту. А уж он будет решать — делать это своими силами или опять действовать через Чикаго.

15

Отклик на объявление о продаже Камерона был значительный. Алекс и Рон отобрали семь наиболее серьезных заявителей и послали им приглашения. Многие другие компании проявили определенный интерес, но хотели получить дополнительную информацию до начала торгов. Эти компании решено было включить в список на второй тур — на случай, если месторождение не будет продано.

Среди приглашенных был и канадский филиал «Игл Корпорэйшн». Совет директоров в Чикаго еще не оправился от шока, связанного с итальянской аферой, и поэтому отказался иметь дело с «Дабл Эй». Но против участия канадцев не возражал. Воз-

главлял группу Билл Дэвис. В нее входили эксперты по вопросам геологии, геофизики, экономики нефтяного рынка, юристы. Всего шесть человек. Аналогичные экспертные группы прибыли и от других компаний.

В назначенный день участники торгов собрались в небольшом конференц-зале офиса «Дабл Эй». Сессия началась с информации Рона Бермана о юридическом статусе месторождения. После этого Алекс дал его геологическую и техническую характеристику, сообщил сведения о запасах нефти, ее физических и химических параметрах. Затем Рон назвал стартовую цену месторождения — триста миллионов долларов. Каждая группа получила полный комплект юридических, геологических и технических документов. В их распоряжение были предоставлены удобно оборудованные рабочие комнаты, в которых они могли в течение недели изучать материалы.

Габриэль и Гидеон делали свою часть работы. Комната «Игл Корпорэйшн» была поставлена на прослушивание, и был записан разговор между Дэвисом и Тэйлором.

Дэ в и с: Похоже, что я ошибся. Этот мистер Франк не мелкая рыбешка, а чуть ли не глава всей конторы. К тому же хорошо разбирается в технике разведки.

Тэ й л о р: У меня такое же впечатление. Пока не совсем ясно, к какой части связки он принадлежит. Я имею в виду связку «метод — деньги». Логически рассуждая, если бы он был причастен к методу, то ему здесь не место. Аукцион — это дело специалистов по маркетингу и юристов. Но и на финансиста он не похож.

Дэ в и с: Да, пока мы ни на шаг не приблизились к разгадке. Интересно хотя бы узнать, из какой они страны. Со времени итальянской аферы Андерсона

мы все еще топчемся на месте. Джек, а не поговорить ли вам с секретаршей? У вас это хорошо получается.

Через некоторое время Тэйлор зашел в приемную и попросил у Мерседес, молодой симпатичной служащей, машинку для заточки карандашей. Между ними завязался легкий разговор о разных пустяках, в том числе о погоде. Тэйлор как бы невзначай заметил: «Интересно, на родине вашего босса сейчас так же жарко?» Мерседес ответила с милой улыбкой: «В Южной Африке? Не знаю, никогда там не была». Тэйлор вернулся и сообщил об этом Дэвису.

— Черт знает что, — прокомментировал Дэвис, — так мы можем гоняться за их лабораторией по всему миру. Потом еще окажется, что она вообще в России или Израиле, как в шпионских фильмах.

В последующие дни Дэвис и Тэйлор больше не возвращались к загадке «Дабл Эй». Другие эксперты обменивались лишь короткими замечаниями о качестве материалов, признавая его весьма высоким. Только однажды возник общий оживленный разговор, который касался отсутствия сейсмограмм. Но Дэвис быстро снизил его накал, сказав, что не стоит это обсуждать. «Они вообще не делали сейсмику, мы это давно знаем».

Через неделю состоялась вторая сессия, во время которой Алекс и Рон отвечали на вопросы. Наиболее острый вопрос поступил от «Игл Корпорэйшн» — почему в комплекте документов нет сейсмограмм? Ответ был подготовлен заранее. Алекс сказал, что, к сожалению, по техническим причинам сейсмограммы оказались такого низкого качества, что не было ни малейшей возможности использовать их для выбора точек бурения. В то же время сроки бурения были определены заранее

жестким контрактом с буровой фирмой. Нарушение сроков грозило выплатой большой неустойки. Поэтому решили пойти на риск и бурить скважины без учета сейсмических данных. К счастью, удача сопутствовала компании, о чем свидетельствует открытое месторождение. Ответ, разумеется, не удовлетворил экспертов «Игл Корпорэйшн», но они промолчали. Остальные были удивлены, но объяснение приняли. В конце концов сейсмические исследования — это лишь промежуточный вспомогательный этап разведки, а ее главный конечный результат — само месторождение. Все понимали, что речь идет о покупке нефти, а не сейсмограмм. После окончания ответов на вопросы участникам были розданы конверты, в которых они должны были представить на следующий день свои предложения о цене, которую готовы заплатить.

В десять утра семь конвертов были вручены адвокату «Дабл Эй» Рону Берману. Он вскрыл их, ознакомился с предложениями и объявил: «Нефтяное месторождение Камерон приобретено компанией „Тикоку Петролеум“, Япония, предложившей за него триста пятьдесят миллионов долларов». После этого Рон поблагодарил всех участников за внимание и за время, которое они уделили аукциону. Он попросил мистера Хироши Нагата и его коллег остаться для оформления сделки и согласования плана поездки в Канаду.

16

Весь следующий год группа «Дабл Эй» занималась в основном своими финансовыми и организационными делами. Алекс и Андрей переехали в Кесарию, в большие комфортабельные дома, покупку которых помог оформить Рон Берман. В подваль-

ном этаже дома Андрея было оборудовано специальное помещение, в котором установили прибор и все необходимое вспомогательное оборудование. В него вела массивная бронированная дверь, замаскированная под капитальную стену. Для непосвященных она была незаметна. Это обширное помещение, как и весь дом, было оборудовано системой наблюдения и сигнализацией. Андрей собрал еще один прибор — точную копию первого. Он был установлен в таком же специальном помещении в доме Алекса. По существу, обе лаборатории дублировали одна другую. Но вторая считалась резервной. Рахель, физик по специальности, освоила методику анализа и работу на приборе.

В течение года они встречались со Шмуэлем всего несколько раз, время от времени перезванивались. О делах почти не говорили. При одной из встреч, когда он зашел ознакомиться с лабораториями, Шмуэль посмотрел на них со своим обычным хитроватым прищуром и сказал: «Хотите знать, молодые люди, кого мы все трое сейчас напоминаем? Шайку грабителей, которые взяли крупный банк и легли на дно в надежде, что про них забудут. Это обычная философия налетчиков. Но в ней есть два изъяна. Во-первых, про них не забудут. Такие дела не имеют срока давности. А во-вторых, рано или поздно они сами дадут о себе знать, присмотрев где-нибудь другой банк. Это как наркотик». Все рассмеялись, признав, что в этой шутке что-то есть. Но больше они к ней не возвращались.

Однажды Шмуэль пригласил их приехать. На небольшом угловом столике в его кабинете стояла бутылка вина, три бокала и ваза с фруктами.

— Я пригласил вас, молодые люди, чтобы отметить скромный юбилей.

Алекс и Андрей удивленно переглянулись.

— Так я и знал. Вы заняты большими делами и не помните маленькие даты. Но старики помнят все. Сегодня ровно год, как компания «Тикоку Петролеум» купила свое первое нефтяное месторождение в Канаде. Предлагаю выпить по рюмочке за это знаменательное для нас и для японцев событие.

Шмуэль наполнил бокалы и все выпили.

— Но если вы полагаете, что дело закончится только этим, то ошибаетесь, — продолжал он. — Завтра вы вместе с женами приглашаетесь на борт «Звезды Кашмира». Мы выйдем в море и отметим эту дату так, как она того заслуживает.

Им уже приходилось участвовать в морских прогулках с неперменной рыбной ловлей на этой роскошной двухпалубной яхте. И каждый раз впечатление было незабываемым. Однажды они спросили Шмуэля, что означает это романтическое название. «Здесь нет романтики, — ответил он, — яхта названа в знак дружбы». И Шмуэль рассказал удивительную историю.

Он вырос в Галилее в многодетной крестьянской семье. Отец, родом из белорусского местечка, был фермером, тяжело работал на каменистой земле. Еды было в обрез. Два раза в неделю мать выпекала домашний хлеб. Это было самое большое лакомство — теплый душистый хлеб, прямо из печи. В первые два дня он был особенно вкусным, но потом постепенно черствел, и есть его уже не очень хотелось. Однако в семье было твердое правило — никто не получал свежий хлеб, пока не съел предыдущую порцию. Поэтому дети прибегали к невинной хитрости — незаметно выбрасывали черствый хлеб, чтобы поскорее получить свежий. Часто отец находил его и после короткого дознания обнаруживал виновника. И тогда начинался долгий воспитательный разговор, который предварял-

ся неизменной фразой: «Вот ты сейчас выбросил кусок хлеба. А в это время в Индии дети мечтают о нем и умирают от голода...» Шмуэль не знал, где находится Индия и почему у детей там нет хлеба. Но он возненавидел их.

В возрасте четырнадцати лет Шмуэль, вместе с группой школьников, был послан на две недели в Лондон для участия во встрече подростков из стран Британской империи. Детей поселили в двухместных комнатах, намеренно перемешав представителей разных народов. Когда Шмуэль вошел в выделенную ему комнату, там уже находился смуглый мальчик. Он приветливо улыбнулся, обнажив ослепительно белые зубы, протянул руку и сказал: «Меня зовут Радж, я из Индии». Шмуэль никогда раньше не видел индийцев. И прежде чем успел что-то сообщить, детские воспоминания вдруг нахлынули на него, и он выпалил: «Я ненавижу индийцев!» Радж замер от неожиданности, а затем чуть не в слезах выбежал из комнаты. Потом они стали большими друзьями и остаются ими всю жизнь. У них даже есть совместный бизнес в Австралии. Радж очень богатый человек, и его яхта называется «Звезда Галилеи». А родился он в Кашмире. Поэтому яхта Шмуэля называется «Звезда Кашмира». «Между прочим, — закончил Шмуэль эту любопытную историю, — Радж тоже участвует в наших делах, хотя и не знает об этом. Часть денег на разведку Кameron я перехватил у него. Под нормальный банковский процент, разумеется».

Погода стояла прекрасная. Это было лучшее время года в Израиле. Не жарко, легкий освежающий ветерок, на небе редкие перистые облака. «Звезда Кашмира» вышла в море на траверзе Герцлии. Когда отошли от берега миль на десять, Шму-

эль пригласил мужчин спуститься на нижнюю палубу. Там в специальном вырезе на корме уже были приготовлены три спиннинга. Они сели в удобные глубокие кресла, и азарт рыболовов мгновенно овладел ими. «Идет охота на тунцов, идет охота...» — пропел Алекс фальцетом. Андрей быстро вырвался вперед — он вытаскивал этих крупных рыбин одну за другой. Алексу везло намного меньше. А Шмуэль, казалось, и не думал о рыбалке. Ему важен был сам процесс, сидение на корме и наблюдение за азартом своих гостей. «Интересно, — подумал Алекс, — у нас с Андреем и опыт одинаково небольшой, и умение примерно то же. Но у него клюет, а у меня почти нет. Вот яркий пример слепого везения, что бы там ни говорили». Его размышления прервал голос Шмуэля: «А не поговорить ли нам, молодые люди, о рыбалке другого рода. Как насчет банка?»

Алекс и Андрей поняли его с полуслова. Они улыбнулись и согласно кивнули.

— Вроде бы пора, — сказал Андрей.

— Возражений нет, — добавил Алекс, — надо только осмотреться и выбрать район получше. Что-бы улочка была безлюдная, фонари неяркие, и полиции поблизости не густо.

— Ну, насчет района — это по твоей части. Но вот мне вчера звонил Радж. Он говорит, что в Австралии сейчас нефтяная разведка на подъеме. Упомянул штат Квинсленд. Что ты об этом знаешь, Алекс? — спросил Шмуэль.

— Да, в Квинсленде сейчас нефтяной бум. Там и в соседнем штате Южная Австралия открыты несколько больших месторождений. Район интересный. Но улочка эта уже далеко не безлюдная и освещена довольно ярко. Туда в последнее время ринулись многие крупные компании. И им даже

приходится работать локтями. Это как тот ресторан, в который никто больше не ходит, так как там всегда полно народа. Однако посмотрим. Может быть, и нам на бедность что-то осталось.

— Ну что ж, возможно, старина Радж подал неплохую идею. Вот и ты ее поддерживаешь. Одна голова хорошо, а две лучше, как говорят мутанты. — Шмуэль произнес эти слова со своим неподражаемым прищуром.

17

— Звонит мистер Эванс из «Альбион Энерджи», — услышал Дэвис голос секретаря. — Вас соединить?

— Да, да, соединяйте.

— Хэлло, Билл, как поживаешь? — послышался густой бас Эванса.

— Все в порядке, Ларри. Рад тебя слышать. Как ты?

— Не могу жаловаться. Много работы. Есть интересные открытия. Мы сейчас влезли в Квинсленд. Очень любопытный район. Слушай, Билл, я тебе как раз звоню по этому поводу. Помнишь, при встрече ты мне говорил про «Дабл Эй»? Так вот, они теперь наши соседи в Австралии. Как только узнал об этом, сразу вспомнил тот разговор. Ты сказал, что они странные ребята, работают не по правилам. Признаюсь, я тогда не очень понял, что ты имел в виду. А сейчас все стало ясно. Они просто дилетанты. Взяли самый дохлый блок и уже тащат туда буровой станок. Даже сейсмику не сделали. Ты просил известить тебя, если что узнаю. Вот и сообщаю.

— Спасибо, Ларри. Огромное спасибо. Ты не представляешь, какую важную новость рассказал. — Дэвис с трудом перевел дыхание. — И зна-

ешь что, Ларри, не торопись с выводами. Это не дилетанты. Это очень опасные люди. Очень.

— Билл, теперь я опять ничего не понимаю. Не мог бы ты объяснить, в чем все-таки дело?

— Это очень долгий разговор, Ларри. И очень серьезный. Нам надо встретиться. Ты не собираешься в ближайшее время в наши края или в Штаты?

— О'кей, Билл. О'кей. Ты меня просто заинтриговал. Через неделю я должен быть в Денвере. Подскочишь?

— Обязательно. Ну, до встречи, Ларри.

Через неделю они встретились в Денвере, в гостинице «Кембридж», и Билл Дэвис рассказал Ларри Эвансу все, что ему было известно о «Дабл Эй», — до мельчайших подробностей, включая итальянскую аферу и продажу месторождения Камерон японцам. Рассказ произвел на Эванса большое впечатление.

— Итак, — подвел итог Дэвис, — год о них ничего не было слышно. И вот они вынырнули в Австралии. Я не сомневаюсь, что результат будет такой же, как и в Альберте. По воле судьбы твоя и моя компания оказались в одинаковом положении. Я имею в виду соседство с «Дабл Эй». Поэтому мы можем считать себя в известном смысле партнерами. И как партнер предупреждаю тебя, Ларри, — не повторяйте наших ошибок. Мы приложили большие усилия, чтобы что-то узнать о них. Результат почти нулевой. Смешно, но мы даже не знаем, из какой они страны, где их лабораторная база. О том, что именно они определяют в почве, и говорить не приходится. Учти, они мастера путать следы. То устраивают этот спектакль с Италией, потом вдруг их секретарь в Гибралтаре сообщает, что ее босс живет в Южной Африке. Очередное вранье. Короче гово-

ря, Ларри, мы отказались от дальнейших усилий. К тому же они убрались из Канады и теперь для нас недосыгаемы. Поэтому передаю проблему тебе. У «Альбион» больше возможностей, чем у «Игл». У вас, насколько я знаю, есть специальный отдел, который занимается нестандартными ситуациями. Вам и карты в руки. Расколите этот орешек. А в случае успеха не забудь старину Дэвиса.

— Спасибо, Билл. Все, что ты рассказал, чертовски интересно. Просто не верится, что после стольких неудач и афер это кому-то удалось. Достаточно вспомнить скандал с нюхающим самолетом «Элф-Аквитан» в начале восьмидесятых... Я немедленно сообщу президенту. Надеюсь, мы что-то придумаем.

Для базы «Дабл Эй» был выбран городок Лонгрич, в центре штата Квинсленд. Скважина на блоке Уинтон бурилась в восьмидесяти километрах от этого места. Единственная достопримечательность городка состоит в том, что он находится точно на широте тропика Козерога. Поэтому его иногда называют городом тропика Козерога, подобно тому как Денвер называют городом одной мили, так как он расположен точно на этой высоте над уровнем моря. Соответственно и самая приличная гостиница в Лонгриче называется «Козерог». В ней и были сняты комнаты для Алекса, Габриэля и Гидеона.

Лонгрич — типичный провинциальный городок в австралийской глубинке. Почти все мужское население его занято в нефтяной промышленности, возникшей за последние годы. Вечера мужчины обычно проводят в пабах и бильярдных. А женщинам вообще нечем заняться, кроме домашней работы. Поэтому, когда в местной газете появилось объявление о предстоящем открытии школы аэро-

бики, это вызвало большой интерес и желающих оказалось больше, чем она могла вместить. Интерес еще более усилился, когда газета опубликовала интервью с Юдит Добос, инструктором по аэробике и организатором школы. Юдит рассказала, что окончила физкультурный институт в Венгрии, аэробикой занимается шесть лет. Два года назад эмигрировала в Австралию и сейчас решила открыть собственную школу. С газетной фотографии на читателя смотрела красивая молодая женщина с большими черными глазами и короткой мальчишеской стрижкой. Вскоре Юдит Добос стала популярна в городе. На рекламных щитах были расклеены афиши с ее портретом, пропагандирующие аэробику. Одна из таких афиш красовалась и перед входом в «Козерог».

...Как-то вечером Алекс возвращался со скважины по пустынной дороге. Километрах в десяти от города он увидел на обочине старенькую «мазду» с поднятым капотом и стоявшую рядом женщину, растерянно взиравшую на двигатель. Он остановил машину и спросил, не нужна ли помощь. Женщина неуверенно развела руками.

— Не знаю, сможете ли вы помочь. Кажется, вытекло все масло.

Под машиной действительно было большое масляное пятно. Здесь требовался серьезный ремонт. Поэтому единственное, что Алекс мог предложить, — это подвезти ее в город.

— А я вас узнал, — сказал он, когда она села рядом. — Вы, кажется, занимаетесь аэробикой. А зовут вас...

— Юдит. Юдит Добос, — улыбнулась она.

— Да, вспомнил, Юдит Добос. Я видел вашу фотографию перед входом в «Козерог». Меня зовут Алекс Франк, — представился он.

— Приятно познакомиться, мистер Франк, — ответила Юдит. — Так вы живете в «Козероге»?

— Да. А вы?

— А я снимаю квартиру недалеко от гостиницы.

Наступило молчание. Разговор не клеился. Юдит больше ни о чем не спрашивала, а Алекс считал неудобным проявлять чрезмерное любопытство. Въехали в город, и Алекс подвез Юдит к небольшому двухэтажному дому. Она поблагодарила его и вышла из машины. Он вдруг почувствовал, что не хотел бы вот так оборвать это неожиданное знакомство, и тоже вышел.

— Так ваша квартира в этом доме?

— Да, на втором этаже.

— И что же, вы живете здесь одна?

— Одна, — спокойно ответила Юдит.

— И вам не скучно? Я понимаю, вы заняты школой. Но ведь это не отнимает все время. А что вы делаете вечерами?

— Скучновато, конечно. Вечерами читаю, слушаю музыку, пишу письма.

— По вечерам я тоже не знаю, куда себя деть. Книги, музыка — это, конечно, отвлекает, но не заменяет человеческого общения. Почему бы нам не посидеть где-нибудь за чашкой кофе, не поболтать. Не сочтите за навязчивость, но мне кажется, у нас найдутся общие темы для разговора.

— Не знаю, право, мистер Франк. Идти в кафе мне не хочется, я немного устала сегодня. А дома у меня такой беспорядок, что было бы безрассудством приглашать вас. — Юдит смущенно улыбнулась.

— Ну, если дело только в беспорядке, то пусть вас это не беспокоит. Такие вещи я просто не замечаю.

— Что ж, тогда идемте. Но пеняйте на себя.

Они поднялись в маленькую двухкомнатную квартиру. Беспорядок был только в том, что на стульях были разбросаны халат, бюстгальтер и паратрусиков. Все это Юдит торопливо схватила в охапку и отнесла в ванную. На стенах висели фотографии с видами Венгрии и портреты пожилых мужчины и женщины.

— Родители, — сказала Юдит, увидев, что Алекс рассматривает их.

— Вы похожи на мать, — заметил Алекс.

— И на отца тоже, — добавила она.

Юдит приготовила вкусный кофе по-венгерски, поставила на стол вазу с печеньем и бутылку ликера. Разговор никак не завязывался, шел натянуто, с неловкими паузами. Юдит почти не задавала вопросов, и Алексу казалось, что он ей просто неинтересен. Это еще больше сковывало его. В общем-то Алекс не был скучным собеседником. «Дело, наверное, в возрасте, — решил он. — Ей не больше тридцати, ну а мне от моих пятидесяти никуда не деться. Да, эти двадцать лет разницы никаким умным разговором не заполнишь». Он встал, прошелся по комнате, подошел к Юдит сзади и положил ей руки на плечи. Она недовольно отстранилась.

— Нет-нет. Прошу вас, мистер Франк, не надо.

— Ну что ж, не надо, так не надо. — Он виновато улыбнулся.

Они посидели еще немного, и Алекс понял, что пора уходить.

— Время позднее, Юдит. Спасибо за кофе, за вечер в вашей уютной квартире. Если когда-нибудь захотите снова поболтать за чашечкой кофе, то вот вам мой телефон. — Он записал на бумажке номер мобильного телефона.

— Вам тоже спасибо, мистер Франк. И прошу вас — не обижайтесь. Мне нужно время, чтобы...

ну, вы понимаете... я не очень быстро сближаюсь с людьми. Такой уж у меня характер.

Первые дни Алекс ждал звонка от Юдит. Потом смирился с тем, что она не позвонит, и стал постепенно забывать о ней. Поэтому когда он вдруг услышал в трубке ее голос, то был больше удивлен, чем обрадован.

— Здравствуйте, мистер Франк. Это Юдит. Вы меня еще помните? Знаете, мне что-то вдруг захотелось снова поболтать с вами, как в тот раз. К тому же сегодня у меня есть повод. Как у вас со временем, и вообще — есть ли настроение?

— Рад вас слышать, Юдит. Настроение у меня всегда есть. А что за повод?

— Скажу, когда увидимся. Так вы зайдете? Где вы сейчас?

— Я по дороге в город. Заскочу в гостиницу, а потом к вам. Хотя бы для того, чтобы узнать, какой повод.

— Бог с ней, с гостиницей. Приезжайте прямо ко мне. Я жду.

Минут через тридцать Алекс был у Юдит. Он не узнал ни ее, ни квартиру. Она была элегантно одета, очень красива. Квартира сверкала. Стол был сервирован на двоих, горели свечи.

— Что все это значит, Юдит?

— Это значит, что у меня сегодня день рождения. Ровно тридцать. — Юдит улыбнулась, раскинула руки и сделала оборот вальса.

— Но почему же не предупредили? Я даже без подарка.

— Поэтому и не предупредила. Подарок — это хлопоты. А вы человек занятой.

— Все так неожиданно. Я прямо с дороги.

— Ну, примите душ.

— Я это и хотел сделать в гостинице.

— Какая разница. Можете сделать здесь.

Юдит все больше удивляла Алекса. Что с ней произошло? Такая разительная перемена.

— Юдит, а где же друзья, знакомые? Ведь тридцать лет — это такая дата...

— В этом-то все и дело, Алекс. Можно называть вас просто Алекс? У меня здесь нет ни друзей, ни близких знакомых. Поэтому сначала я вообще решила посидеть одна и погрустить. А потом вдруг так захотелось, чтобы хоть одна близкая душа была рядом. Ну и получился этот экспромт.

— Спасибо, Юдит. Мне приятно это слышать. Я имею в виду про близкую душу. А сейчас я, пожалуй, действительно приму душ, если разрешите.

На этот раз их застольный разговор шел легко, непринужденно. Было много шуток, смеха. Алекс чувствовал себя в привычной обстановке. Его экспромты и юмор находили живой отклик. Они выпили на брудершафт и перешли на «ты». Вдруг Юдит сказала:

— Ты, может быть, решил, что я придумала этот день рождения? Вот смотри. — Она вынула из шкафчика паспорт и показала его.

Алекс взглянул на дату рождения. Действительно, сегодня ей исполнилось тридцать лет.

— Ну что ты! Я и не сомневался, — возразил он с недоумением.

— Сомневался, сомневался. По глазам видела, что сомневался, — лукаво укоряла его Юдит. — А у тебя когда день рождения?

— Не скоро, через пять месяцев.

— И сколько же тебе будет через пять месяцев?

— Может, не стоит заниматься этой арифметикой? — горько усмехнулся Алекс. — Вряд ли тебя вдохновит эта цифра. А впрочем, все относительно. Рассказывают, когда девяностолетнему Чарли Чаплину представили красивую молодую актрису, он воскликнул: «Эх, где мои семьдесят лет!» Так что по его шкале я еще очень молод.

Юдит засмеялась.

— Алекс, дорогой, я же не замуж за тебя собираюсь. К чему такие комплексы и выкрутасы. Если не хочешь сам говорить, давай паспорт. Ты видел мой и теперь должен показать свой. Паспорт, хочешь паспорт, — пропела Юдит.

Алекс притворно вздохнул, взял стоявший около двери кейс и достал из него свой канадский паспорт. Он раскрыл его на первой странице и, не выпуская из рук, показал Юдит. Она посмотрела на дату рождения.

— Итак, через пять месяцев нашему Алексу будет пятьдесят. Ничего страшного. Для мужчины это то же, что для женщины тридцать. А ты, оказывается, канадец. Я и не знала.

Потом они еще разговаривали, пили вино, танцевали. И уже за полночь очень естественно, без лишних слов и церемоний перебрались в кровать. От Юдит исходил необыкновенный волнующий запах. Это не был запах каких-то изысканных духов, но тот особый редкий природный аромат, которым может обладать только идеально ухоженное, не имеющее физиологических изъянов женское тело. Его благоухание обволакивало Алекса и вытесняло все другие ощущения. Он будто купался в невидимых волнах этого тонкого нежного аромата... Все было замечательно. Где-то между третьим и четвертым актом «мюзикла», как Юдит это называла, Алекс сказал:

— А я и не знал, сладкая моя, что аэробика так похожа на акробатику.

— Это не акробатика, сладкий мой. Это Камасутра, индийская наука любви. — Сказав это, Юдит приняла совершенно немислимую позу. Алекс не мог понять, где ее колени, а где локти. — Эта позиция называется «закрученный узел», — объяснила она.

В конце концов Камасутра доконала его, и он крепко заснул. Юдит встала, вышла в салон и достала из кейса его паспорт. Она открыла четвертую страницу, где был раздел «Извещение близких: в случае несчастья или смерти сообщить такому-то (указать имя, степень родства, адрес, телефон)». Ручкой владельца паспорта было вписано: «Рахель Франк, жена, улица, номер дома, Кесария, Израиль, телефон». Юдит сфотографировала эту страницу и положила паспорт на место.

Утром за завтраком она была неожиданно задумчива и грустна. Алекса удивила эта внезапная перемена.

— Я не хотела говорить вчера, чтобы не портить вечер, — объяснила Юдит, — но, видимо, мне придется уехать из Лонгрича. Дела со школой не ладятся, много проблем — и организационных, и финансовых. Впрочем, это сейчас неважно. Я тебе очень благодарна за чудесный день рождения. Запомню его навсегда. Надеюсь, и ты не забудешь. Как только устроюсь на новом месте, обязательно дам знать.

Алекс был обескуражен. Он не находил слов. Юдит, как могла, утешала его. Когда он ушел, она достала свой паспорт и сняла с него тонкую, искусно сделанную наклейку с датой рождения. Затем упаковала вещи и уехала из Лонгрича.

Стив Холдер, менеджер австралийского филиала компании «Альбион Энерджи», заканчивал обсуждение контракта с сервисной фирмой «Лог Текникал», которая специализировалась на каротажных исследованиях скважин в штате Квинсленд. «Альбион Энерджи» была очень крупным клиентом. Поэтому Том Паркинсон, главный геофизик «Лог Текникал», получил указание сделать все, чтобы заказ не достался конкурентам. Все параграфы контракта уже были согласованы, и дело шло к его подписанию, когда Холдер неожиданно выдвинул еще одно условие, которое, впрочем, не должно было фигурировать в письменных документах.

— Послушайте, Том, — сказал Холдер, — вы ведь выполняете работы для «Дабл Эй» на блоке Уинтон. Мы хотели бы получить от вас каротажные диаграммы и материалы перфорации по их скважине. Разумеется, это будет учтено при подписании контракта.

— Простите, Стив, но это невозможно. Мы связаны с ними соглашением о конфиденциальности. Как, впрочем, и с другими нашими клиентами. В вашем контракте, как вы знаете, тоже есть такой пункт.

— Разумеется, Том, мне это известно. И я понимаю ваше положение. Но таково распоряжение из Лондона, и все, что я могу сделать, — это довести его до вашего сведения. Мне также поручено передать, что подписание контракта будет зависеть от принятия этого условия. Очень сожалею.

— Видите ли, Стив, я не имею полномочий обсуждать такие вопросы. Я передам ваше условие руководству фирмы, но, честно скажу, мне не приходилось сталкиваться с подобными делами...

— О'кей, Том. Лондон хотел бы получить ответ сегодня во второй половине дня.

Экстренное совещание у президента «Лог Текни-кал» Артура Митчелла было бурным и продолжалось два часа. Участники говорили о выкручивании рук, о репутации фирмы, о профессиональной этике. Но все решило напоминание вице-президента по маркетингу Эда Брэдли о жесточайшей конкуренции на рынке сервисных услуг. Борьба за клиентов — это борьба за существование. «„Альбион“ действует в серой зоне. Там другие правила, вернее, там нет правил», — заключил он. В итоге было решено принять условие Холдера, но потребовать гарантий того, что репутация фирмы не пострадает.

Гарантии были даны, контракт подписан, и «Альбион Энерджи» получила необходимые ей материалы «Дабл Эй». Они были немедленно переданы в Лондон и легли на стол Ларри Эванса. Из них следовало, что скважина «Дабл Эй» обнаружила два нефтяных пласта — верхний толщиной двадцать пять метров и нижний толщиной сорок восемь метров. Оба пласта перфорированы и дали притоки фонтанной нефти. Кроме того, поступила информация, что на блоке Уинтон начинается бурение двух дополнительных скважин по треугольной сетке.

После того как Эванс сообщил президенту компании Энтони Крэйгу о своем разговоре с Биллом Дэвисом, он получил карт-бланш на руководство всеми операциями, связанными с «Дабл Эй». И сейчас он созвал совещание, на котором присутствовали вице-президент по финансам Эндрю Холл, вице-президент по зарубежным операциям Гарри Бриссон и подчиненный ему начальник отдела специальных проектов Рональд Кларк. «Специальные проекты» — это был эвфемизм, которым обозна-

чались все виды деятельности по защите разнообразных интересов компании — технологических, финансовых, маркетинговых и так далее. От других подразделений отдел отличался широкой независимостью и многими привилегиями, главной из которых было так называемое гибкое финансирование. Иными словами, его бюджет мог быть существенно увеличен, если возникали неожиданные обстоятельства, требующие крупных расходов. О подлинных задачах отдела было известно только руководству компании.

Эванс проинформировал приглашенных об обстановке на блоке Уинтон и попросил их высказать свое мнение. Все согласилось с тем, что события разворачиваются по сценарию, который «Дабл Эй» ранее реализовала в Альберте. Затем выступил Кларк. Он коротко остановился на ошибках, которые допустила «Игл Корпорэйшн» в аналогичной ситуации и которые он объяснил отсутствием профессионализма. Кларк предложил без промедления перейти к первому варианту плана, представленного им ранее. Предложение было одобрено, и Эндрю Холлу поручили его финансовое обеспечение. Кларку предоставили все необходимые полномочия, касающиеся этого варианта, и он должен был в ближайшие дни вылететь в Австралию с тремя другими сотрудниками отдела.

19

Совместный бизнес Шмуэля и Раджа в Австралии был связан с экспортом шерсти и пшеницы и импортом удобрений и текстиля. Их компания занимала не последнее место в австралийской Ассоциации международной торговли. Радж, у которого были также деловые интересы в соседней

Индонезии, бывал в Австралии довольно часто. Шмуэль только два раза приезжал в эту далекую страну, но ему всегда хотелось познакомиться с ней поближе. Поэтому, когда Радж сообщил, что пришел на «Звезде Галилеи» в Джакарту и собирается оттуда идти в Перт, главный город штата Западная Австралия, Шмуэль задумал устроить там долгожданную встречу со своим старым другом и пригласить на нее Алекса и Андрея. Раджу понравилась эта идея.

Андрей давно хотел посмотреть, как ведется разведка, бурится скважина, увидеть, что происходит после того, как он заканчивает свою часть работы — анализ образцов почвы. И такая возможность представилась. Шмуэль сообщил ему о предстоящей встрече и спросил, не хочет ли он принять в ней участие. Андрей с радостью согласился. Было решено, что сначала он проведет какое-то время с Алексом в Лонгриче, а потом они вместе прилетят в Перт.

В салоне бизнес-класса «боинга», летевшего из Гонконга в Сидней, Андрей оказался соседом приятной супружеской пары. Завязался легкий дружеский разговор, который вскоре коснулся экономического бума в Австралии. Собеседник Андрея, напоминая какого-то известного киноактера, хорошо разбирался в этом вопросе и с увлечением рассказывал о больших возможностях, которые открываются там для предприимчивых людей. Узнав, что Андрей связан с разведкой нефти, он с каким-то особым чувством заметил: «О, нефть! Когда-то и я ею занимался. А теперь вот сменил профессию. И не жалею, знаете ли. Сейчас у меня в Сиднее совсем другой бизнес. Если когда-нибудь надумаете поселиться в наших краях, буду рад оказать содей-

ствие». С этими словами он протянул свою визитную карточку. Андрей прочитал: «Глобус Корпорэйшн». Торговля недвижимостью. Австралия — Европа — Северная Америка. Карло Тибальди, президент». Мистер Тибальди был бы чрезвычайно удивлен, узнав, какую роль сыграл в его жизни человек, сидящий в соседнем кресле. Впрочем, сам сосед удивился бы не меньше...

Узнай Андрей об обстоятельствах превращения Роберто Массини в Карло Тибальди, он бы поразился тому, сколько людей, не имевших к группе «Дабл Эй» никакого отношения, а зачастую даже не слышавших о ней, оказались втянутыми в водоворот событий, созданный ее внезапным появлением в нефтеразведочном бизнесе. Среди них были руководители корпораций, скауты, работники сервисных компаний, журналисты, частные детективы, скромный электромеханик и его подруга, пылкий геофизик со своей возлюбленной, инструктор по аэробике, отставной генерал, полковник военной разведки и даже католический священник. Всех их так или иначе коснулось то, что делали Андрей и Алекс. И число этих людей постоянно росло, образуя длинную цепочку, в которой одна человеческая жизнь цеплялась причудливым образом за другую, вовлекая все новых участников. Кто может заглянуть в будущее и сказать, когда и на ком цепочка оборвется?.. Некому таинственному режиссеру этих событий, имя которому Случай, было угодно свести Андрея и Роберто вместе на короткое время, словно раздумывая, стоит ли продолжить их знакомство и следует ли открыть им тайну друг друга? Но в конце концов судьба, которая выше случая, распорядилась оставить все как есть, не вмешиваясь в естественный ход событий и не превращая их в тривиальный киносценарий. Поэтому, сойдя

с трапа самолета, случайные попутчики попрощались и расстались навсегда.

...Андрей и Кларк появились в Лонгриче почти одновременно. Кларк узнал его по фотографии еще в самолете, когда они летели одним рейсом в Сидней. «Доктор Андрей Шейнман, физик, официально нигде не работает, женат, двое детей» — эту короткую справку Кларк знал наизусть. В аэропорту Андрея встретил Гидеон, и они сразу же отправились на машине в Лонгрич. Группа Кларка задержалась в Сиднее на сутки, где к ней присоединились еще четыре человека. Затем все они вылетели в Лонгрич на небольшом самолете компании «Альбион Энерджи».

А в это время океанская яхта «Звезда Галилеи» входила в устье реки Сван, направляясь к месту якорной стоянки в заливе Фрэш Уотер, расположенном внутри Перта. Яхта шла под двумя флагами: трехцветным индийским с синим кругом посередине и личным штандартом Раджа — два снежных гималайских пика на зеленом фоне, символ его родного Кашмира. Шмуэль должен был прилететь в Перт из Израиля через две недели.

Вскоре после приезда Андрея в Лонгрич Алекс отправился с ним на блок Уинтон — показать скважины и объяснить, как ведется разведка. За мощным джипом «форд эксплорер», который вел Алекс, следовал на такой же машине Габриэль. В течение дня они объехали три скважины, поговорили с инженерами, встретились с Гидеоном и уже в сумерках возвращались обратно. В пятнадцати километрах от Лонгрича дорога делала крутой поворот. Машина Алекса уже вошла в него, и Габриэль на мгновение потерял ее из вида. В этот

момент встречный грузовик срезал угол поворота и столкнулся с его джипом. У машины был смят капот, потекло масло и разбито лобовое стекло. Лицо Габриэля было порезано осколками. Грузовик отделился лишь помятым бампером. Водитель выскочил из него и начал извиняться, не отрицая своей вины и пытаясь помочь. Габриэль не стал выяснять с ним отношения, а тут же набрал код мобильного телефона Алекса. Алекс не отвечал. Поняв, что авария подстроена, он внезапно нанес водителю два сильных встречных удара по шее ребрами обеих ладоней, за которыми последовал специальный болевой прием, бросивший противника на землю в полубессознательном состоянии. Его инструктор по рукопашному бою называл эту комбинацию «цхок бацад»*. Габриэль обыскал водителя и нашел пистолет. Забрав оружие, он вскочил в грузовик, развернулся и помчался в сторону города. Джип Алекса он увидел на обочине в трехстах метрах от поворота. Людей в нем не было. Провода системы зажигания были вырваны. Не медля ни секунды, Габриэль вернулся к повороту. Водитель грузовика все еще корчился на земле от боли. Он связал его, засунул кляп в рот, закрыл повязкой глаза и уложил на пол кабины. Затем позвонил Гидеону на скважину.

— Гиди, хатифа**. Немедленно отправляйся в Лонгрич. На пятнадцатом километре, перед поворотом и в трехстах метрах за ним, увидишь наши машины. Не останавливайся. В «Козерог» не езжай. Встретимся на Дизенгоф. — Для подобных ситуаций у них было два запасных места встречи, обозначенных названиями тель-авивских улиц;

* «Шутки в сторону» (иврит).

** Похищение (иврит).

Дизенгоф — это домик, который они снимали на окраине города.

После этого Габриэль позвонил Шмуэлю в Израиль, разбудил его и сообщил о случившемся. Было уже совсем темно, когда он подъехал к домику Дизенгоф. Гидеона еще не было. Габриэль решил подождать его, не выходя из машины. Гидеон прибыл через сорок минут, и они вдвоем внесли в дом водителя грузовика. Привязав его к водяному столбу в подвальном помещении, Габриэль и Гидеон отправились на обеих машинах к крутому обрыву над рекой Томпсон и сбросили с него грузовик. Они подождали, пока машина исчезла под водой, и вернулись обратно на джипе Гидеона.

20

Сразу за поворотом джип Алекса стали преследовать две машины. Одна из них ударила его в левый борт и прижала к обочине, а другая заблокировала дорогу. Из них выскочили несколько человек, вытащили Алекса и Андрея, набросили мешки на голову, перенесли в разные машины и умчались. Вся операция заняла меньше пяти минут. В дороге похитители молчали.

...Алекса ввели в помещение, усадили в кресло и сняли мешок. Он осмотрелся. Помещение выглядело как обыкновенная жилая комната. В кресле напротив сидел человек лет сорока, с пышной шевелюрой и внешностью профессора. Это был Рональд Кларк.

— Здравствуйте, доктор Франк. Меня зовут Майк Гопкинс. Прежде всего я должен извиниться за то, что нам пришлось действовать столь неучтиво, чтобы иметь возможность побеседовать с вами в спокойной обстановке.

— Где мой товарищ? — перебил его Алекс.

— Доктор Шейнман недалеко отсюда, в столь же безопасных и комфортабельных условиях, как и вы. Итак, позвольте мне продолжить.

— Не торопитесь. За нами ехала другая машина. Что с ее водителем?

— Я, право, не знаю, что с ним. Не думаю, что что-то серьезное. Возможно, легкая авария, не больше. Как только узнаю, сообщу. Но я все-таки хотел бы продолжить, с вашего разрешения. Дело в том, что я представляю одну из крупнейших международных нефтяных корпораций. А вы, как нам обоим известно, владеете методом прямого обнаружения нефти. Это колоссальное техническое достижение. Вы преуспели там, где потерпели неудачу все остальные компании и исследовательские центры. Позвольте от имени корпорации выразить вам свое восхищение. Но, оказавшись по воле судьбы, а точнее, благодаря вашему и доктора Шейнмана таланту, обладателями прямого метода, вы не можете игнорировать интересы мирового нефтяного сообщества. Надеюсь, вы понимаете — то, что вам удалось в Альберте и сейчас здесь, в Квинсленде, не будет продолжаться долго. Вы бросили вызов одному из самых могущественных бизнесов в мире. Надо быть безумцем или наивным человеком, чтобы рассчитывать на успех в этом противоборстве. Насколько нам известно, вы ни тот ни другой. Вот здесь мы и подходим к сути дела. Какова ваша цель? Деньги, большие деньги. Это понятно, логично и справедливо. Но вам следует понять одну простую вещь: с каждым новым разведочным блоком вы будете привлекать к себе все больше внимания. То, что прошло почти незамеченным во время вашего дебюта в Альберте, уже вызвало повышенный интерес в Квинслен-

де. И этот интерес будет неуклонно расти. Недалек день, когда за вами начнут охотиться в буквальном смысле слова. В этой охоте будут участвовать все те, кто увидит в вас угрозу своим интересам. А это десятки компаний, многие десятки. И даже если в конце концов вы уступите нажиму или шантажу одной из них, это не спасет вас. Охотников, как я сказал, будет слишком много. Они не смогут поделить вас или прийти к соглашению между собой. И они не допустят, чтобы кто-то один из них вырвался вперед и стал эксклюзивным обладателем вашего метода. Но сейчас мы говорим не о них, а о вас. Не хочу пугать вас, доктор Франк, но шансов уцелеть в этой схватке у «Дабл Эй» просто не будет. Я имею в виду не только компанию, но вас и доктора Шейнмана лично. В такой ситуации обладание большими деньгами будет лишено всякого смысла. Когда человека нет, не имеет значения, был он богат или беден. А теперь вернемся к тому, что я сказал вначале. Сегодня наша корпорация единственная, кто всерьез заинтересовался вашим методом. Мы собрали наиболее полную информацию о вас и докторе Шейнмане. И пока вокруг вас еще не бушуют страсти, мы предлагаем вам сотрудничество в любой удобной для вас форме — приобретение вашей технологии и ноу-хау, их совместное использование, доленое участие или другой вид партнерства. Вы, конечно, понимаете, что в любом случае ваше вознаграждение составит огромную сумму. И вам не придется больше думать о личной безопасности. Наша корпорация обеспечит ее как неотъемлемую часть своих собственных интересов. Вот, пожалуй, то, с чего мне хотелось бы начать наш разговор. А теперь я хотел бы услышать ваше мнение обо всем этом, доктор Франк.

— Правильно ли я понимаю, мистер Гопкинс, что вы официально уполномочены некой корпорацией сделать компании «Дабл Эй» определенные деловые предложения?

— Абсолютно правильно.

— И эта корпорация, название которой вы избегаете произносить, действительно является, как вы говорите, одной из крупнейших в международном нефтяном бизнесе?

— Да, это действительно так.

— Почему же в таком случае она действует как мафиозная группировка, а вы, ее официальный представитель, ведете себя как обыкновенный гангстер? И если вы скрываете название корпорации, то, скорее всего, ваше настоящее имя тоже не Гопкинс.

Кларк улыбнулся.

— Я понимаю, что вы хотите сказать, доктор Франк. Действительно, было бы намного проще договориться о встрече в вашем или нашем офисе и обсудить вопросы, представляющие взаимный интерес. Можете мне поверить, обычно мы так и делаем. Но в данном случае мы не могли действовать подобным образом. Мы хотим вести переговоры только с вами и доктором Шейнманом. Нас не интересуют те, кто финансирует вас и с кем вы, несомненно, связаны определенными обязательствами. Если бы мы вели переговоры традиционным способом, то эти люди были бы неизбежно вовлечены в них. И я не уверен, что мы смогли бы с ними договориться.

— Я не очень понимаю, каким образом вы можете помешать нам привлечь к так называемым переговорам тех, кто столь нежелателен для вас и кто, как вы говорите, финансирует нас?

— Этот вопрос показывает, что вы, доктор Франк, не вполне адекватно оцениваете ситуа-

цию. Вы же просто лишены возможности связаться с кем-либо без моего согласия.

— И как долго это будет продолжаться?

— Полагаю, до тех пор, пока мы не придем к соглашению.

— Ну, а если мы не придем к нему? Что тогда?

— Мне бы не хотелось сейчас рассматривать такой вариант. Это преждевременно. Но поскольку вы сами затронули этот вопрос, могу лишь сказать, что такая ситуация тоже предусмотрена.

— Вы нас убьете?

— Доктор Франк, я ничего не могу добавить к тому, что сказал.

— Хорошо. Вы сказали, что хотите вести переговоры только со мной и доктором Шейнманом. Но ведь он оказался здесь случайно. Обычно он не приезжает в район разведки. Как бы в таком случае вы вели с ним переговоры?

— Хороший вопрос. Нам бы пришлось доставить его сюда. Не силой, разумеется. У нас есть другие способы. Приезд доктора Шейнмана — это лишь удачное совпадение. Оно избавило нас от дополнительной операции.

— Откуда вы собирались его доставить?

— Из Израиля, разумеется. — Кларк улыбнулся. — Ваши вопросы, доктор Франк, показывают, что вы не отнеслись серьезно к моим словам об информации, собранной нами о вас и докторе Шейнмане. Поэтому я хотел бы показать несколько фотографий, которые помогут вам оценить наши усилия.

С этими словами Кларк раскрыл лежавшую на столе папку, вынул из нее пачку больших фотографий и разложил их перед Алексом. На них были виллы Алекса и Андрея в Кесарии. На одной из фотографий из виллы выходила Рахель, на другой рядом

с домом стоял Ури в военной форме. На следующем снимке Андрей и Рахель разговаривали около дома Андрея. Была также фотография с женой и детьми Андрея.

— У вас есть вопросы, доктор Франк? — спросил Кларк, не скрывая удовольствия от произведенного эффекта.

— Зачем вы это сделали?

— Вас удовлетворит, если я скажу, что это рутинная процедура сбора информации о потенциальном партнере перед переговорами? А в данном случае мы были несколько дезориентированы слухами о том, что вы и доктор Шейнман живете не то в Италии, не то в Южной Африке. Поэтому нам пришлось приложить некоторые усилия и установить ваш настоящий адрес. Израиль — прекрасная маленькая страна, но очень беспокойная. Мне рассказывали, что палестинские террористы похищают израильских солдат прямо на дорогах. У вас ведь сын солдат, доктор Франк. Представляю, как вы должны беспокоиться за Ури...

Слова Кларка звучали все более зловеще. Надо было что-то придумать, как-то переломить ситуацию. Главное — сбить с толку, оглушить, вернуть мозги этому мерзавцу. Алекс умел это делать. Друзья не раз признавались, что никогда не знают, говорит он серьезно или шутит. И то и другое у него получалось одинаково убедительно. Но раньше это были дружеские розыгрыши, а сейчас речь шла о жизни и смерти. В памяти всплыл знаменитый ответ Хосе Капабланки на вопрос, сколько ходов вперед он может просчитать. «Я вижу только на один ход вперед, но это всегда правильный ход», — ответил чемпион мира. Каков он, этот единственный правильный ход? «В болтовне Гопкинса есть какие-то зацепки. Он упомянул Италию

и Южную Африку. Значит, здесь замешана „Игл Корпорэйшн“. Что еще? — Мозг Алекса работал как аналитическая машина. — Билл Дэвис сказал в Калгари Ларри Эвансу из „Альбион Энерджи“, что „Дабл Эй“ — это итальянская компания. „Альбион“ — наш сосед по блоку. И это действительно одна из крупнейших международных корпораций. Ну что ж, начну с этого. А там по обстоятельствам. Но сначала — запугать, перехватить инициативу». Алекс приступил к самому дерзкому розыгрышу в своей жизни.

— Я вас понял, мистер Гопкинс. Вы действительно хорошо поработали. Но в вашей концепции переговоров, как вы их называете, есть крупный просчет. Вы сказали, что вас не интересуют те, кто нас финансирует. В этом ваша ошибка и одновременно некая случайная удача, если так можно выразиться. Впрочем, удача лишь временная. Если бы вы направили усилия в этом направлении и попытались выяснить, кто именно обеспечивает нам финансовую и организационную поддержку, а также нашу личную безопасность, то это моментально отбило бы у вас всякое желание предлагать нам сотрудничество и вообще соваться с так называемыми деловыми предложениями. Я сейчас скажу то, что не должен говорить. И делаю это с единственной целью — предостеречь вас и вашу корпорацию от дальнейших глупостей. А теперь ответьте на один вопрос — вы знаете, что такое «Мосад»? — Алекс сделал паузу и закончил нарочито грубо: — Я не слышу ответа, Гопкинс. Вы что, оглохли?

— А при чем здесь вы? Вы, кажется, решили запугать меня. Вы в своем уме, доктор Франк?

— Я так и не услышал ответ. Слово «Мосад» вам о чем-то говорит?

— Ну, допустим. Это израильская разведка. Уж не хотите ли вы сказать, что вы сотрудник «Мосада»? — Кларк рассмеялся.

— Прекрасно. Значит, вы знаете, что такое «Мосад». Нет, я не сотрудник. Ни я, ни доктор Шейнман. Просто «Мосад» финансировал разработку прямого метода и является его эксклюзивным владельцем. А вся прибыль от продажи месторождений идет непосредственно в бюджет организации. Вам это трудно понять. Вы не знаете израильской специфики. Вы сказали, что Израиль — прекрасная маленькая страна. Но она еще и необычная страна. В ней возможно то, что немыслимо где-либо еще. Я рассказываю это только потому, что вы, Гопкинс, или как там ваше настоящее имя, в сущности конченный человек...

Кларк взорвался:

— Прекратите этот шантаж и демагогию! Я буду вынужден прибегнуть к другим мерам, и вы быстро забудете ваши сказки. Я предлагаю вам говорить о деле...

— Поздно, Гопкинс. Вы заварили эту кашу и лучше подумайте, как будете ее расхлебывать. А теперь слушайте дальше. Каждая компания, которая начинает проявлять повышенный интерес к «Дабл Эй», автоматически попадает в поле зрения «Мосада». И на все ее руководство, вплоть до начальников отделов, составляется подробное досье. Так было с «Игл Корпорэйшн», по которой у нас есть детальная информация, начиная от бедняги Джона Андерсона и кончая Биллом Дэвисом и Джеком Тэйлором. С «Игл» мы обошлись мягко. Они просто прогулялись в Италию, и на этом их пыл остыл, к счастью для них. Но с «Альбион Энерджи», видимо, нужно будет разбираться по-другому. Кстати, в досье на вашу верхушку, которое включает Ларри

Эванса и всех, кто выше и ниже его, вплоть до начальников отделов, нет имени Гопкинс. Ну ничего, мы выясним ваше настоящее имя.

Кларк судорожно глотал воздух. Он стучал кулаком по столу и вяло выкрикивал: «Замолчите! Все это ложь! Вы пожалеете!» Но Алекс был в ударе, он и не думал останавливаться. Он понимал, что должен запугать окончательно этого самоуверенного наглеца, рассеять у него малейшие сомнения в истинности этой фантастической истории. Только так можно переломить ситуацию.

— И учтите еще одну вещь, Гопкинс, — условно буду называть вас этим именем, — «Мосад» составляет досье не для того, чтобы потом показывать фотографии жен и детей. Мы такими дешевыми трюками не занимаемся. Когда что-то случается с нашими людьми, то виновные в преступлении просто взрываются в своих машинах и офисах. И если у вас есть хоть капля воображения, то представьте себе, что будет с теми, кто задумал посягнуть на святая святых — бюджет организации. А я и доктор Шейнман — это немалая часть бюджета. И наконец, расскажу вам, что происходит сейчас, в эту самую минуту.

Алекс взглянул на часы.

— Три часа назад ваши бандиты схватили меня и доктора Шейнмана. Офицер «Мосада», сопровождавший нас на второй машине, убит или ранен в результате подстроенной аварии. По существующей инструкции, другой офицер, который постоянно находится в Лонгриче, должен сообщить резиденту в Канберре о нашем исчезновении в течение получаса, если мы не прибудем в назначенное время и связь с нами будет прервана. Итак, резидент получил сигнал тревоги два с половиной часа назад. Можете не сомневаться, что оперативная группа «Мосада» уже приближается к Лонгричу. Это про-

фессионалы, не чета вашим бандитам. Резиденту известно, что главный подозреваемый — это «Альбион Энерджи». Вы уже давно занимаете первое место в нашем списке, еще с тех пор, как Ларри Эванс узнал о «Дабл Эй» от Билла Дэвиса в Калгарии, на конференции в «Холлидэй Инн». Кстати, передайте Эвансу, что его шутка насчет того, что «Дабл Эй» — это филиал Си-Ай-Эй, была не так уж далека от истины. Он поймет, что я имею в виду. Расположение ваших офисов, списочный состав ведущих сотрудников и их домашние адреса хорошо известны. Пеняйте на себя, Гопкинс, если с ними что-то случится. Но это еще не все. Сообщение о нашем исчезновении передано в Тель-Авив, а оттуда — резиденту в Лондоне. Поэтому если Ларри Эванс вдруг исчезнет по пути из дома в офис, вам не следует удивляться. Не хотел бы я сейчас быть на вашем месте.

На Кларка жалко было смотреть. Он напоминал молодого неопытного тигра, который захотел полакомиться маленьким безобидным с виду зверьком, но вдруг вместо мяса напоролся на острые иглы дикобраза.

— А теперь, Гопкинс, или как вас там, немедленно пригласите сюда доктора Шейнмана. Без него продолжения разговора не будет.

Через минуту Андрея привели из соседней комнаты. Вид у него был растерянный. Видимо, ему тоже показали фотографии. Алекс обнял его и прошептал на ухо: «Не дрейфь, Андрюха, я его запугал „Мосадом“. У него полные штаны». Андрей сделал круглые глаза, потом как-то сразу подобрался и выпрямился. Он не раз бывал свидетелем знаменитых розыгрышей Алекса...

В этот момент к Кларку подошел сотрудник и сообщил, что Боб Дуглас бесследно исчез вместе

с грузовиком. Узнав об этом, Кларк пристально посмотрел на Алекса и прошептал: «Они уже здесь». Сотрудник удивленно спросил: «Вы о ком, босс?» Вопрос остался без ответа. Алекс не слышал их разговор, он был занят Андреем.

21

А в это время в домике Дизенгоф Габриэль и Гидеон занимались Бобом Дугласом. Это был тридцатилетний парень с квадратным подбородком и стрижкой бобриком, коротконогий и широкоплечий. «Роцеах амети»*, — подумал Габриэль. Он медленно приходил в себя после того, как на нем была отработана комбинация «цхок бацад». У него обнаружили визитную карточку работника «Альбион Энерджи». Сначала он твердил, что авария произошла случайно, он просто срезал угол на повороте, не ожидая встречной машины. Но через несколько минут его собеседникам надоела эта история. Они применили то, что известно широкой публике как «особое обращение при допросе». И Дуглас заговорил. Казалось, он только и ждет следующего вопроса, чтобы выложить все, что знает. Правда, пару раз между вопросом и ответом возникала слишком долгая пауза, и было видно, что он мучительно придумывает какую-то версию, чтобы уйти от ответа. Тогда Гидеон начинал медленно снимать пиджак, и Дуглас вспоминал подробности, имена и адреса.

Он рассказал, что работает в отделе специальных проектов. Руководит операцией начальник отдела Рональд Кларк, который прилетел с группой из трех человек из Лондона. В Сиднее к ним при-

* Настоящий убийца (*иврит*).

соединились еще четверо работников компании. В Лонгриче группа пополнилась двумя сотрудниками австралийского филиала, которые до этого собирали всю оперативную информацию о «Дабл Эй». Целью операции было похищение доктора Франка и доктора Шейнмана, которого они опознали еще в самолете и прибытие которого в Австралию было для них неожиданностью.

На вопрос, где находятся похищенные, Дуглас не мог дать вразумительный ответ. Он начал описывать некий дом за глухим забором, но не знал его номер и название улицы. Габриэль и Гидеон переглянулись, и Гидеон снял пиджак. Дуглас тут же вспомнил точный адрес и показал место на карте города. Он сообщил, что дом оснащен системой сигнализации и охрана вооружена. Внешнее охранение постоянно несут пять человек. Остальные находятся внутри дома. На просьбу нарисовать его план Дуглас ответил, что не помнит точное расположение комнат. Гидеону пришлось снова помочь ему с помощью пиджака, после чего на листе бумаги появился довольно грамотный чертеж с обозначением дверей, окон и внутренних помещений.

— Учти, Боб, — сказал Габриэль, — если хотя бы одна деталь в твоём рассказе окажется неверной, ты последуешь за своим грузовиком. — В начале беседы Дуглас спросил, где его машина. Гидеон ответил: забудь о ней, ее больше нет, она умерла и похоронена.

— Клянусь, джентльмены, я говорил только правду, — искренне заверил Дуглас.

Гидеон остался с Дугласом, а Габриэль отправился по названному им адресу и провел внешний осмотр дома. Вернувшись, он рассказал об увиденном Гидеону, и они пришли к выводу, что вдвоем бессильны что-либо сделать. Габриэль позвонил

Шмуэлю в Израиль, дал подробный отчет о событиях и анализ обстановки.

— Может быть, нам следует обратиться в полицию? — спросил он. — Ведь речь идет об уголовном преступлении.

— Нет, это не годится, — ответил Шмуэль, — ставки слишком высоки. Они убьют их, как только полиция начнет заниматься этим делом. А потом заметут следы.

— Тогда нужны люди, человек восемь. Вдвоем мы не справимся.

Шмуэль сказал, что начинает работать над этим и будет информировать их по мере появления новостей. С этого момента добродушный старик с мягкими манерами, каким его знали окружающие, как бы сбросил с себя груз возраста и снова превратился в того молодого бесстрашного подпольщика, который был известен когда-то под именем Шмулик Пистолет — за умение мастерски владеть оружием и поражать цель из любого положения. Участие в многочисленных секретных операциях, акциях возмездия, доставке в страну оружия и транспортов с нелегальной аией — все это сделало командира группы «Шимшон»* легендой сороковых годов. И вот теперь тот прежний Шмулик сидел в кресле одного из богатейших людей Израиля и снова обдумывал боевую операцию. Он дал ей кодовое название «Альбион». Взгляд его стал холодным и жестким. Из уголков глаз исчез привычный хитроватый прищур...

Его первая мысль была о Радже. Он уже находится в Перте, правда, на расстоянии трех тысяч километров от Лонгрича, но это все-таки Австра-

* В русской транскрипции: Самсон — герой библейской легенды о Самсоне.

лия. Шмуэль знал, что, выходя на яхте в район Индонезийского и Филиппинского архипелагов, Радж всегда имеет на борту хорошо вооруженную охрану. Внутренние моря между островами этих архипелагов кишат пиратскими судами. Это последний сохранившийся в мире район, где еще существует морское пиратство. Имея быстроходные катера и современное вооружение, пираты нападают на торговые и пассажирские суда, грабят их и убивают пассажиров. Поэтому «Звезда Галилеи» была, по существу, военным кораблем. На ее верхней палубе стояли замаскированные спаренные зенитные пулеметы, на корме и вдоль бортов имелась целая батарея скорострельных пушек. Яхте уже приходилось топить пиратские катера. Ее экипаж и отряд личной охраны Раджа состояли из отборных индийских командос. Все они были сикхи, как и сам Радж. Этот гордый воинственный народ почти полтора столетия лет ведет борьбу за свою независимость, с тех пор как в середине девятнадцатого столетия Англия захватила Кашмир, жестоко подавила сопротивление сикхов и уничтожила их государство. После покорения Кашмира сикхи стали лучшими солдатами в британской колониальной армии. Эта слава сохраняется за ними и в современной индийской армии.

Шмуэля и Раджа связывали не только многолетняя дружба и общие деловые интересы. Каждый из них всегда был готов прийти на помощь другому в любых обстоятельствах, как бы сложны и рискованны они ни были. Однажды, восемь лет назад, Радж решил прозондировать возможность участия в нефтяном бизнесе в Ираке. Он отправил своего младшего брата с тремя специалистами в нефтяной район на севере страны для изучения экономической ситуации. Однако время для этого оказалось

неудачным — шла затяжная кровопролитная война между Ираком и Ираном. Как и все войны в регионе во второй половине двадцатого века, она велась из-за нефти. Поездка делегации была согласована с высокопоставленным иракским чиновником, но в Багдаде произошла очередная чистка и чиновника расстреляли. Начались гонения на всех, кто был с ним связан. Людей Раджа арестовали и обвинили в шпионаже в пользу Ирана. Военный трибунал в Мосуле, главном городе Иракского Курдистана, приговорил их к смертной казни. Четверо индийцев содержались в городской тюрьме в ожидании исполнения приговора. Радж начал немедленно действовать по всем каналам, пытаясь повлиять на власти в Багдаде, но его усилия были безрезультатны. Тогда он обратился к Шмуэлю.

На следующий день майор спецназа Давид Бен-Эзра «уволился» из армии по личным обстоятельствам и в тот же вечер покинул Израиль. А еще через два дня шейх Мустафа Эль-Бадр принимал у себя дома в городке Захо, в Иракском Курдистане недалеко от турецкой границы, своего старого друга Дауда. Со времени их последней встречи прошло три года. Они сидели в просторной увешанной коврами комнате, ели гургу из мяса молодого барашка и курили кальян. Гость хвалил кулинарное искусство хозяина и поглощал еду с нескрываемым аппетитом, доставляя тому большое удовольствие. Когда подали фрукты и сласти, шейх начал неспешный ритуальный разговор.

— Как здоровье твоего почтенного отца, уважаемый Дауд?

— Спасибо, уважаемый Мустафа. Мой отец чувствует себя хорошо, несмотря на преклонный возраст.

— Как здоровье твоего старшего сына?

— Мой старший сын здоров и занят своими делами.

— А как здоровье твоего младшего сына?

— Мой младший сын здоров и успешно учится.

— Как здоровье твоей жены?

— Моя жена здорова и ведет семейное хозяйство.

После этого настала очередь гостя задавать вопросы. Он последовательно осведомился о здоровье сыновей, братьев и трех жен шейха. К их обоюдному удовлетворению все члены его большой семьи были здоровы и благополучны. О женщинах, исключая жен, спрашивать было излишне. Затем Дауд задал вопрос, ответ на который был известен ему заранее.

— Я рад, что твоя семья благополучна и дом полон достатка. Но, может быть, есть что-то, в чем уважаемый Мустафа нуждается?

— Я нуждаюсь в оружии. — Шейх оживился, он ждал этого вопроса. — Мне нужно много оружия. Столько же, сколько я получил от тебя три года назад. Мы потеряли большую часть того, что у нас было, в тяжелых боях. Можешь ли ты восполнить эти потери?

— К сожалению, сейчас положение изменилось, уважаемый Мустафа, и я не могу снабдить тебя оружием. Но я могу помочь тебе получить много денег, на которые ты купишь все, в чем нуждаешься, — ответил Дауд.

— Говори, — сказал шейх.

...Той же ночью отряд курдов на пяти джипах пересек реку Хабар и устремился на юг к реке Тигр, через район, контролируемый шейхом. Командовал отрядом его брат Масуд, военным советником которого был Дауд, личный друг Мустафы Эль-Бадра. Дауд говорил по-арабски на незнакомом

диалекте, но курды понимали его. К утру, обогнув охраняемый иракской армией нефтяной промысел Айн-Зала, отряд вышел к деревне Бутма, где его уже ждали двадцать пять оседланных лошадей, специально обученных для передвижения в горах. Курды называют их «сус джабали» — горная лошадь. После короткого отдыха продолжили путь верхом по территории, патрулируемой иракскими войсками. Проводники вели отряд по тропам, которых нет на карте, обходя армейские заставы. С наступлением темноты подошли к развалинам Ниневии на левом берегу Тигра и устроили недолгий привал. Напротив, на правом берегу реки тускло мерцали уличные фонари Мосула.

Майор Бен-Эзра лежал на спине среди древних руин, подложив под голову бронезилет, и смотрел в черное ночное небо Горного Курдистана. Воздух был кристально прозрачен, и звезды сверкали алмазным блеском. Ниневия... Что говорило ему это слово? Он пытался вспомнить все, что знал о ней. Некогда процветающая столица Ассирийской империи с крупнейшей в Древнем мире библиотекой клинописных табличек, культовый центр Астарты, богини сексуальной любви. После нападения Ассирии на Иудею пророки Цфания и Нахум предрекли Ниневии гибель. Пророчество сбылось — в седьмом веке до новой эры город был разрушен мидийцами и вавилонянами. Что еще? Через Ниневию пролегал маршрут, по которому четыре тысячи лет назад небольшой караван из города Ур в Южной Месопотамии двигался в торговый город Харан, что в нынешней южной Турции. Во главе каравана шел халдей Терах, которого сопровождали сын Аврам со своей женой Сарай и внук Лот. В Харане Терах умер, а Аврам и остальные домочадцы, повинувшись воле Всевышнего, повернули на юг, в страну Хана-

ан, обещанную их потомкам. Там Аврам стал праотцем Авраамом, а его жена Сара — праматерью Саррой. Так начиналась история народа. И сейчас те же звезды сверкали на небе, в которое вглядывался Бен-Эзра, и так же кристально прозрачен был ночной воздух горной страны, как и четыре тысячелетия назад. И по-прежнему здесь шли бесконечные войны...

В полночь отряд бесшумно переправился через Тигр и вошел в спящий город. Курды окружили тюрьму, сняли часовых и ворвались в здание. В короткой рукопашной схватке они перебили внутреннюю охрану и освободили заключенных. Затем с четырьмя индийцами покинули территорию тюрьмы и снова переправились на левый берег. Вся операция заняла менее двух часов. К утру конный отряд вышел к деревне Бутма и пересел на джипы. На следующий день радио Багдада сообщило о нападении иранских агентов на тюрьму в Мосуле и о побеге индийцев, что лишний раз доказывало их принадлежность к иранской шпионской организации и справедливость вынесенного приговора. Через месяц шейх Мустафа Эль-Бадр получил первую партию закупленного им оружия.

Было это восемь лет назад. А сейчас Шмуэль сам нуждался в помощи своего индийского друга. Телефонный звонок застал Раджа в кают-компании за завтраком. Шмуэль рассказал, что произошло, и спросил, может ли он помочь.

— Как, ты сказал, называется это место? Лонгрич? Одну минуту, Шмуэль, сейчас мне принесут карту. Расстояние три тысячи километров по прямой? Вот и карта. Да, есть такой городок. Нашел. Слушай, Шмуэль, я должен обсудить все это со своими людьми. Надеюсь, мы что-нибудь придумаем. Я сразу же сообщу тебе. А пока дай мне телефон

твоих ребят в Лонгриче. И сообщи им мой телефон.

Шмуэль продиктовал Раджу номера телефонов Габриэля и Гидеона. После этого он позвонил Габриэлю и сообщил о разговоре с Раджем.

Радж перезвонил через три часа.

— Шмуэль, мои люди вылетают завтра утром. Мы зафрахтовали самолет внутренних авиалиний. Его уже готовят к рейсу. Командир группы сейчас свяжется с твоими ребятами и договорится о встрече. Надеюсь, все будет сделано как надо. Это надежные парни, моя личная охрана.

Через несколько минут зазвонил мобильный телефон Габриэля.

— Здравствуйте, мистер Каминский. Говорит Рой Сингх, командир группы. Нас десять человек. Мы вылетаем из Перта завтра в семь утра по вашему времени и в одиннадцать садимся на полосу в восьми километрах севернее Лонгрича. Самолет «джет коммандер» компании «Внутренние австралийские авиалинии». Бортовой номер семнадцать двадцать один. У вас есть какие-нибудь просьбы или пожелания? Два «узи»? Нет проблем. До встречи. Конец связи.

— Роджер*, — ответил Габриэль, поняв, что разговаривает с профессионалом.

Операция «Альбион» началась...

22

Рональд Кларк ожидал дальнейших указаний из Лондона. После ошеломляющего разговора с Алексом он немедленно связался с Ларри Эвансом,

* «Роджер» — кодовое слово, означающее, что сообщение получено и понято; международный термин.

рассказал о возникшей ситуации, об исчезновении Боба Дугласа, а затем включил кассету с полной записью разговора. Эванс слушал кассету и одновременно записывал ее на свой магнитофон. Закончив прослушивание, он задал несколько уточняющих вопросов и сказал, что должен обсудить ситуацию с президентом. До поступления новых распоряжений Кларку предписывалось людей «Дабл Эй» не отпускать, но дальнейшие переговоры с ними прекратить.

В кабинете президента «Альбион Энерджи» Энтони Крэйга, кроме Эванса, присутствовал вице-президент по зарубежным операциям Гарри Бриссон. Эванс коротко рассказал о сложившейся обстановке, а затем включил магнитофонную запись. Все слушали с напряженным вниманием. Первым отреагировал Бриссон.

— Я этому не верю. Это блеф. Франк все придумал. Я просто не узнаю Кларка. Он профессиональный психолог. Как он мог поверить в такую чепуху?

— Не торопитесь, Гарри. А если это не блеф? — усомнился Крэйг. — Если в этом есть хотя бы доля правды? Вы представляете, в какую историю мы можем влипнуть? А возможно, уже влипли. Итальянская афера «Игл Корпорэйшн» покажется тогда просто детской забавой. «Альбион», конечно, одна из крупнейших международных компаний, но вступить в схватку с «Мосадом» мы не можем. Помните, что они сделали с теми, кто стоял за убийством их спортсменов в Мюнхене. Мы ничего не знаем об Израиле. У них там все тесно переплетено — политика, религия, разведка, бизнес. Европейцу трудно в этом разобраться. Вы исходите из того, Гарри, что Британская секретная служба ни при каких обстоятельствах не стала бы пополнять свой бюджет за счет бизнеса. Это потому, что мы — страна с тра-

дициями. В Израиле нет традиций. Вы слышали, что заявил этот доктор Франк? Если с ними что-то случится, то начнут взрываться автомашины и офисы наших людей. Это международный терроризм. От страны без традиций всего можно ожидать. Поэтому я считаю, что мы должны спокойно, без эмоций обсудить то, что сейчас услышали. Кстати, Ларри, что это за шутка насчет Си-Ай-Эй?

— Хороший вопрос вы задали, Энтони. Я только сейчас с трудом вспомнил, о чем идет речь. Это было около двух лет назад в Калгари, на какой-то конференции. Билл Дэвис, вице-президент «Игл Корпорэйшн», рассказывал мне о «Дабл Эй». Кажется, мы стояли с ним в вестибюле, вокруг было много народа. Тогда я впервые услышал от него название «Дабл Эй». И сказал Биллу что-то вроде того — а не филиал ли это Си-Ай-Эй? Просто пошутил, имея в виду сходное звучание. Да, как будто так оно и было. Но теперь вся эта история приобретает совсем другой смысл. И не потому, что здесь проводится параллель между «Дабл Эй» и Си-Ай-Эй, а потому, что они записали тот наш случайный разговор. Вы представляете, джентльмены, они уже тогда записывали нас! Мы еще ничего о них не знали, а они уже следили за нами. Возможно, их целью была «Игл Корпорэйшн», а мы просто попали в поле зрения вместе с ней. Но это не меняет существа дела. И если, Гарри, ты продолжаешь настаивать, что все это блеф, то как объяснить, что Франк с такой легкостью извлекает из своей памяти мои собственные слова, о которых сам я давно забыл? Я уже не говорю об «Игл Корпорэйшн». О ней они знают буквально все, включая эту итальянскую аферу, которую сами и подстроили. Так могут действовать только профессионалы высокого класса, а не обычная служба охраны нефтяной компании. Добавьте к этому загадочное

исчезновение Боба Дугласа вместе с машиной. Он должен был после операции прибыть к месту сбора группы, но как в воду канул. В полиции и в местной больнице о нем ничего не знают. А Дуглас — крепкий парень и был вооружен. Вы же знаете, откуда он пришел к нам. Как хотите, джентльмены, а здесь чувствуется тот же почерк — все делается быстро, бесшумно и не остается никаких следов. Поэтому я не стал бы относиться к словам доктора Франка как к пустым угрозам. А что касается международного терроризма, то мы с вами сами утвердили план Кларка. В нем, помимо первого варианта, есть и второй — на случай, если первый не даст желаемых результатов. Поэтому я предложил бы не уделять столько внимания терминологии и моральной стороне дела, а сосредоточиться на фактах. Факты, которые нам известны, не противоречат тому, что наговорил этот Франк. И наконец последний вопрос — об источниках финансирования секретных служб. Все мы помним «Ирангейт» — аферу Си-Ай-Эй во времена Рейгана с продажей оружия Ирану для финансирования тайных операций в Никарагуа. Если так действуют американцы, то почему мы не можем ожидать чего-то подобного от их друзей израильтян. Одни, чтобы пополнить бюджет, продают оружие, другие — нефть. В этом есть своя логика. А недавно в прессе появились сообщения о причастности «Мосада» к поставкам российского оружия Анголе в обмен на алмазы. И занимается этим израильский бизнесмен Дов Доваев.

— Вот, вы слышали, Гарри, — заключил Крэйг, — не все так просто, как вам это представляется. Здесь есть, о чем подумать. И я меньше всего хотел бы влипнуть в какую-нибудь скандальную историю. Эта свора борзописцев из «Дэйли Стар» и другой желтой прессы только и ждет случая вцепиться

в большой бизнес. Я бы не хотел, чтобы о нас написали что-то подобное андерсоновскому проктоскопу.

— Джентльмены, все, что мы услышали от Кларка и что рассказал Ларри, очень интересно, — подвел итог Бриссон. — Однако это скорее напоминает добротный сделанный детектив, что-то в духе беседы Шерлока Холмса с доктором Ватсоном. Во всяком случае, меня это не убеждает. Но я уважаю ваше мнение. И вскоре у нас будет возможность проверить, что в действительности кроется за развязными тирадами доктора Франка — блеф или что-то серьезное. Я имею в виду эту мифическую оперативную группу «Мосада», которой он запугивал Кларка. Давайте подождем дня два-три и посмотрим, появится ли она в Лонгриче. И тогда будем решать, что делать дальше. А пока пусть Кларк держит этих израильтян у себя и ждет развития событий. Я полагаю, он обеспечил полную секретность операции. Хотя исчезновение Дугласа меня и беспокоит, я не вижу причин связывать одно с другим.

23

Изящный двухмоторный «джет командер» летел на восток навстречу лучам восходящего солнца со скоростью восемьсот километров в час. Рой Сингх рассказывал своим людям о цели операции.

— Дело вот в чем, ребята. У нашего босса есть очень близкий друг. Он израильтянин. Они дружат с юности и не раз выручали друг друга. В общем, это настоящая мужская дружба. А у израильтянина есть бизнес в том городке, куда мы сейчас летим. Там работают двое его людей. Они ему как сыновья. И вот английские бандиты похитили их. Они дер-

жат этих людей в своей частной тюрьме, и их жизни угрожает опасность. Мы должны освободить их и проучить англичан. Босс сказал своему другу, что мы лучшие солдаты Индии и что мы сделаем все как надо. И израильтянин ответил, что он этого никогда не забудет и что каждый из нас получит его личную благодарность. А он так же богат, как наш босс. Что скажут сикхи?

— Сикхи сделают это, — дружно ответили ребята. — Сикхи не раз били англичан. Мы побьем их и сейчас.

Это были крепкие парни, прошедшие специальную подготовку и в совершенстве владевшие точными единоборствами. В больших спортивных сумках у каждого находилось все, что могло потребоваться для операции, — холодное и огнестрельное оружие, дымовые шашки, гранаты со слезоточивым газом, защитные маски, наручники и много других нужных вещей.

Габриэль и Гидеон были готовы к приему гостей. В домик Дизенгоф были завезены складные кровати, два больших холодильника, продукты. В компании по прокату автомобилей был арендован вместительный мини-бус «фольксваген каравелла». В подвальном помещении оборудовали угол для Боба Дугласа, где он был почти постоянно прикован к водяному стояку.

Перед тем как отправиться встречать самолет, Гидеон спустился в подвал.

— Послушай, Боб, — сказал он, — у тебя есть последняя возможность вспомнить, не перепутал ли ты что-нибудь или упустил кое-какие детали. Сейчас ты еще можешь все уточнить и исправить. От этого зависит твоя жизнь. Если окажется, что ты сообщил неверные данные, живым ты отсюда не

выйдешь. Если ты сказал правду, мы гарантируем тебе жизнь.

Дуглас напрягся и попросил нарисованный им план дома. Он долго проверял его и наконец сказал, что в дальней комнате, возможно, есть еще одно окно, но полностью в этом не уверен. Он отметил это место на плане и поставил вопросительный знак.

— И это все? — спросил Гидеон.

— Клянусь жизнью, — торжественно заявил Дуглас.

Они подъехали на двух машинах к посадочной полосе за полчаса до прибытия самолета. Это не был аэродром в полном смысле слова. Полоса была приспособлена только для взлета и посадки небольших самолетов авиации общего назначения. Ее оборудование включало лишь указатели направления ветра и осветительные устройства. В обычное время полоса была безлюдна. Так было и сейчас. Стоя около машин и вглядываясь в небо, Габриэль и Гидеон вспомнили рассказ своего инструктора, который в 1973 году участвовал в рейде на базы ООП в Бейруте. Рейд был ответом на убийство израильских спортсменов в Мюнхене. Инструктор входил в группу, которая обеспечивала прием морских командос и доставку их к объектам атаки. Была темная апрельская ночь. Члены группы стояли на безлюдном бейрутском пляже и всматривались в морскую мглу, ожидая светового сигнала. Наконец, они увидели его и ответили миганием автомобильных фар. Через несколько минут из моря вышли боевые пловцы, неся в водонепроницаемых мешках оружие и гражданскую одежду...

Ситуация была в чем-то похожа. Вот они стоят вдвоем где-то в центре огромного австралийского

континента и готовятся принять индийских командос, которые помогут им освободить двух израильтян. В небе на западе появилась точка. Она быстро приближалась, приобретая очертания самолета. «Джет командер» коснулся полосы ровно в одиннадцать. После короткой пробежки он остановился прямо около машин. Открылась дверь, и по короткому трапу на землю сошли рослые смуглые парни, одетые в спортивные костюмы. В руках у каждого была большая сумка. Их можно было принять за команду, прилетевшую на соревнования по крикету, столь популярному в странах Британского содружества. Короткая встреча, слова приветствия, и вот все они уже в машинах мчатся в Лонгрич.

После легкого застолья в домике Дизенгоф Габриэль и Рой отправились к тому месту, где содержались похищенные. Проведя рекогносцировку, они вернулись и приступили к разработке плана операции. После детального обсуждения было принято предложение Роя — в середине ночи забросать двор дымовыми шашками, затем гранатами со слезоточивым газом и, надев противогазовые маски, ворваться внутрь. У Габриэля была единственная просьба:

— Желательно без жертв, Рой. Если можно — ограничиться только нейтрализацией.

— Мы постараемся, Габриэль. Это и в наших интересах. Мы не хотим иметь дело с полицией.

Они обрушились на объект, как называл это место Рой, в два часа ночи. Все происходило как на учениях. Внешняя охрана была застигнута врасплох, нейтрализована и обезоружена. Внутри дома находились еще четверо. Все они спали и проснулись, только услышав шум. Им приказали уткнуться лицом в подушки. Алекса и Андрея обнаружили в той самой дальней комнате, которая вызвала сомнения у Ду-

гласа. Увидев Габриэля и Гидеона с «узи» в руках, они все поняли. «Да, это был правильный ход», — подумал Алекс, снова вспомнив слова Хосе Капабланки.

— Кто эти люди? — спросил он.

— Это люди Раджа, мистер Франк, — ответил Габриэль. — Не хотите ли прихватить кого-нибудь из «Альбион Энерджи» для обстоятельного разговора? Или сказать что-нибудь на прощание?

— Прихватить не хочу. Но с их боссом я бы попрощался. Он назвался Майком Гопкинсом, но это, наверное, не настоящее имя.

— Его зовут Кларк. Рональд Кларк, начальник отдела специальных проектов, — дал справку Габриэль.

— Вот как. Интересно. Спасибо, Габи. Приведи его.

Кларк был в трусах, волосы взъерошены.

— Извините, Кларк, что мы покидаем этот дом без вашего согласия, — обратился к нему Алекс. — Я предупреждал, что мы будем разбираться с «Альбион Энерджи» не так, как с «Игл Корпорэйшн». Надеюсь, вы больше не будете делать глупости. А если это вас ничему не научит, то, выражаясь вашими же словами, такая ситуация тоже предусмотрена. И передайте это Ларри Эвансу. А теперь идите досматривать свои фантастические сны.

С этими словами Алекс, Андрей и участники операции покинули поле боя, забрав трофейное оружие, мобильные телефоны и выведя из строя стоявшие во дворе машины. Весь следующий день «индийские гости», как стали называть их Алекс и Андрей, отдыхали в домике «Дизенгоф». Рой связался с пилотами и удостоверился, что заказанный в Лонгриче заправщик прибыл и баки заполнены топливом. Прощание перед посадкой в самолет было теплым. Габриэль и Гидеон обнялись с каждым чле-

ном группы. Рой, широко улыбаясь и пожимая руку Габриэлю, сказал: «У настоящих командос должен быть свой собственный Энтеббе. Это как пропуск в элитный клуб. Теперь он у нас есть. Маленький, но свой». «Вы заслужили этот пропуск», — с полной серьезностью ответил Габриэль.

Домик Дизенгоф снова опустел. Его временные обитатели вернулись в «Козерог». Дугласу завязали глаза, и Гидеон отвез его на противоположную окраину города. Там снял повязку, наручники и отпустил на все четыре стороны. На прощание посоветовал уехать куда-нибудь подальше, так как Кларк не простит то, что он сделал.

24

Для Алекса опять начались рабочие будни. Бурение скважин приближалось к наиболее ответственному этапу — вскрытию нефтяных пластов. Он и Андрей проводили на буровых целые дни и возвращались в гостиницу поздно вечером. Габриэль и Гидеон неотступно следовали за ними, не расставаясь с «узи». Они пришли к выводу, что сами скважины как источники информации или объекты саботажа не интересуют «Альбион Энерджи» и что главная опасность угрожает их подопечным. Алекс не разделял их тревогу. Он считал, что после урока, преподанного Кларку и его лондонскому начальству, они не решатся на новую провокацию. Однако Габриэль и Гидеон оценивали ситуацию не с психологических, а с профессиональных позиций. Для них не существовало такого понятия, как «урок». В их лексиконе было только слово «безопасность». И они старались предусмотреть любую, даже самую маловероятную угрозу и заранее нейтрализовать ее.

Руководство «Альбион Энерджи» собралось для обсуждения возникшей ситуации в прежнем составе. На этот раз все трое не скрывали своей озабоченности. Гарри Бриссон опять выступил первым. Он снова был категоричен, и в его суждениях не было сомнений и колебаний. Но вектор этой уверенности изменился.

— Джентльмены, я признаю, что был не прав. За «Дабл Эй» действительно стоит «Мосад». И это коренным образом меняет дело. В новой ситуации мы должны действовать еще более решительно и жестко. Нам ничего не остается, как принять вызов. Мы не можем проиграть.

— О чем вы говорите, Гарри! — в ужасе воскликнул Крэйг. — Вы что, предлагаете нам вступить в схватку с профессиональной секретной службой? Стрелять на улицах и взрывать офисы? Превратиться из уважаемой корпорации в семейство дона Карлеоне? Куда вы нас толкаете?

— Не надо преувеличивать, Энтони. Мы ни в ко-го не превратимся. Мы останемся прежней уважаемой «Альбион Энерджи». И то, что я предлагаю, намного меньше по масштабам и последствиям, чем, например, скупка контрольного пакета «Бизон Эксплорэйшн» и ликвидация этой компании, в результате чего шесть тысяч человек оказались на улице. Как вы знаете, мы провернули это три года назад. Или недавняя сделка, когда мы выставили с европейского рынка скандинавскую группу, что привело к ее банкротству. Там, кажется, было несколько самоубийств. Джентльмены, излишне напоминать, что наше место в бизнесе никем не гарантировано. Если мы проявим слабость, то можем просто исчезнуть, как это случилось со многими гигантами до нас. Угроза, которая исходит от «Дабл Эй», превосходит все, с чем мы сталкивались раньше. Имен-

но к этому я и хочу привлечь ваше внимание. Все остальное — лишь дело техники, как любит говорить наш доблестный Рональд Кларк. Вот пусть он и манипулирует этой техникой. Пусть докажет, что умеет не только составлять планы. А мы докажем себе, что можем не только утверждать их.

— Я слушаю Гарри и думаю, что недаром в колледже его звали Гарри Ковбой, — вступил в разговор Эванс. — Ты, Гарри, до сих пор не расстался с привычкой «стрелять с бедра». А ситуация такова, что начать стрельбу легко, но остановить ее будет трудно. Дальше всех обычно идет тот, кто не знает, куда идти. Я согласен, что «Дабл Эй» представляет большую угрозу для нас. И не только для нас. Но я не уверен, что мы можем решить проблему способом, который предлагает Гарри. Особенно теперь, когда нам стало известно, кто стоит за Франком и Шейнманом. Я предлагаю взвесить все «за» и «против» и попытаться сделать обоснованный прогноз — что мы выиграем в случае успеха и что потеряем в случае провала. А провал никогда нельзя полностью исключить. От него никто не гарантирован.

— Разумное предложение, — поддержал осторожный Крэйг. — Кроме того, Гарри, я не могу согласиться с вашими сомнительными параллелями по поводу «Бизона» и скандинавов. Там мы действовали на своем поле и теми методами, которые приняты в бизнесе. А с «Дабл Эй» вы предлагаете нам перейти на чужое поле и играть по их правилам. Мы быстро превратимся из профессионалов в любителей, и результат предсказать нетрудно. Надо найти какой-то другой выход. Побойтесь бога, Гарри.

— Другого выхода нет, — жестко возразил Бриссон. — А относительно обоснованного прогноза, о котором говорил Ларри, могу сказать со всей

определенностью. В случае успеха мы останемся теми, кто мы есть. В случае бездействия — потеряем все. Исчезнем. Будем упоминаться только в исторических справочниках, как это произошло с компаниями, которые не смогли ответить на вызов времени и угнаться за техническим прогрессом. От них остались пять-шесть строчек в нефтяной энциклопедии. И Бог здесь ни при чем, Энтони. Он существует только для мошенников и глупцов. Первые говорят и действуют от его имени, вторые — во имя его. Но и те и другие думают лишь о собственной выгоде.

Бриссон продолжал давить на своих коллег с неослабевающей силой, приводя новые аргументы, исторические примеры, рисуя мрачную перспективу. Как это обычно бывает в таких случаях, когда один из троих настроен решительно и убежден в своей правоте, другой чрезмерно осторожен, а третий колеблется, побеждает тот, кто призывает к действию. И хотя окончательного решения принято не было, но Бриссону удалось склонить чашу весов на свою сторону. Гарри Ковбой не знал, что бросает вызов Шмулику Пистолету. А это не то же самое, что иметь дело с «Бизоном» или скандинавами...

25

По мере того как Андрей знакомился с технологией разведки, она все больше увлекала его. Настоящее волнение он испытал, когда присутствовал при перфорации обсадной колонны. Ему вспомнилась ночной телефонный звонок Алекса из Альберты и предложение дать команду на прострел. Тогда Андрей вообще не знал, как выглядит перфоратор, и имел представление о бурении скважины только

со слов Алекса, который однажды весьма популярно рассказал ему о разведке нефти. И вот теперь он впервые увидел все собственными глазами: бурение, каротаж, спуск колонны, ее цементирование и наконец перфорацию. Он как бы прошелся по всей технологической цепочке, начиная от анализа образцов почвы, затраты на который ничтожно малы, и до проводки скважины, которая стоит миллионы долларов. А в конце этой цепочки находится нефтяное месторождение стоимостью в сотни миллионов. Все это произвело на него большое впечатление. Алекс, видя столь живой интерес Андрея к своей профессии, временами увлекался и, как всякий специалист, углублялся в такие детали, что Андрею приходилось его останавливать. «Ты, кажется, собираешься сделать из меня геолога. Это так же невозможно, как тебе стать физиком. Мне вполне достаточно превратиться из полного невежды в полунежду. Излишние подробности убивают хороший рассказ. Но я понял главное: пористые подземные пласты на огромных территориях насыщены водой, и только на крохотных участках в них вместо воды содержится нефть. И эти участки на фоне безбрежных водных пространств можно уподобить буквально каплям в море. Задача геолога — искать эти капли. Здесь можно вспомнить поговорку о поисках иголки в стоге сена, хотя это, наверное, и некорректное сравнение», — подвел итог Андрей во время одной из таких «лекций», когда они наблюдали спуск в скважину обсадной колонны. «Ну почему же некорректное, — ответил Алекс, — если стог сена прощупывать сверхчувствительным металлоискателем, то это примерно то же самое. В таком случае поиск иголки будет вестись прямым методом. Почти аналогично тому, что мы с тобой делаем».

Через неделю на обеих скважинах предстояла установка «рождественских елок», и после этого у Алекса намечались несколько свободных дней — до начала бурения на двух следующих точках. Как раз в это время Шмуэль должен был прибыть в Перт, и он хотел, чтобы вся группа из Лонгрича прилетела на долгожданную встречу. Габриэль зафрахтовал для этого такой же «джет командер», как тот, который доставил людей Роя Сингха. Он договорился, что авиакомпания перегонит его из Брисбена, главного города штата Квинсленд, на взлетную полосу около Лонгрича. Расстояние между этими городами более тысячи километров. Поэтому в Лонгриче потребуется дозаправка, и с учетом этого самолет должен будет прибыть не в день вылета в Перт, а накануне.

Время «израильско-индийской встречи», как шутливо-торжественно называл ее Шмуэль, приближалось. Самолет из Брисбена прибывал на следующий день, а еще через день все четверо — Алекс, Андрей, Габриэль и Гидеон — должны были лететь в Перт. Алекс заканчивал оформление технической документации по скважинам и, как обычно в последнюю неделю, работал допоздна в своем номере.

Минут десять назад позвонил Габриэль, убедился, что все в порядке, и пожелал спокойной ночи. Это была стандартная проверка, к которой оба они уже привыкли. Гидеон точно так же опекал Андрея.

...Стук в дверь удивил Алекса. Это противоречило строгим правилам, введенным Габриэлем после похищения. Никто не мог прийти к нему без предварительного телефонного звонка. Алекс подошел к двери и посмотрел в глазок. Это была Юдит.

— Кто это? — спросил Алекс от неожиданности.

— Алекс, почему ты спрашиваешь? Ты же видишь, что это я.

— Ты одна?

— Конечно, одна. Странный вопрос. Или, может быть, ты не один?

Алекс открыл дверь. Юдит бросилась ему на шею.

— Алекс, дорогой мой. Я так рада видеть тебя. Извини, что не предупредила. Все получилось так неожиданно. Ты знаешь, я нашла очень хорошую работу в Эмеральде. Это четыреста километров отсюда. Там есть закрытый элитный клуб, и мне предложили преподавать аэробику. Занятия начинаются через неделю. Это случилось буквально на днях. Я еще даже не успела купить машину, а моя «мазда» совсем развалилась. И вдруг, представляешь, оказия. Один член клуба поехал сюда по своим делам. И подвез меня...

Юдит тараторила без умолку. Алекс не мог вставить слово. Наконец, ему удалось задать вопрос:

— А где ты остановилась?

— Здесь же, в «Козероге». Зашла в номер, оставила вещи и сразу к тебе.

— Но почему не позвонила?

— Ты так спрашиваешь, будто не рад. Неужели не понимаешь? Хотела сделать сюрприз. И потом, как ты это себе представляешь — звонить из одной комнаты в другую, когда можно дойти за одну минуту. Мы же с тобой не коллеги по работе. Мы с тобой возлюбленные, — по складам произнесла Юдит и сняла с себя блузку.

Потом она начала расстегивать на нем рубашку. Алекс уловил знакомый волнующий аромат ее тела и почувствовал, что теряет контроль над ситуацией. Где-то в глубине сознания он понимал, что время для такой встречи не совсем подходя-

щее. У него еще много работы. А завтра последний день перед отлетом, и, как всегда, он отложил на него несколько важных дел. Но, с другой стороны, возражал он себе, жизнь состоит не только из работы. Работа — это лишь фон, а жизнь иногда дарит такие яркие всплески на нем, как Юдит. И именно они, эти всплески, остаются в памяти, а все остальное сливается в сплошную рутину. Не об этом ли слова царя Соломона в Экклезиасте: «Не будь слишком праведным и не слишком мудрствуй... Хорошо, если ты придержишься одного, но и от другого не отнимаешь руки»? Впрочем, сказать, что он спорил с собой, возражал и доказывал, было бы неверно. Просто в мозгу лениво ворочались какие-то вязкие мысли — работа, важные дела, успеть сделать... А из некоего другого участка мозга уже поступила команда его рукам, которые торопливо расстегивали ремень на брюках. Вдруг в каком-то третьем участке, видимо, самом главном, вспыхнуло что-то яркое, и Алекс отчетливо услышал свой собственный голос, произносивший как заклинание: Камасутра, Камасутра... Он понял, что эта яркая вспышка и есть то единственное, чему он должен сейчас беспрекословно повиноваться. Юдит как будто подслушала его разговор с самим собой, и до него внезапно дошел смысл ее нетерпеливого вопроса: «Ну, отвечай же. Ты что, не слышишь — цапля, сирсасана или закрученный узел?» Алекс стряхнул оцепенение: «Все равно, Юдит, все равно. Ну, пожалуй, сирсасана, если не возражаешь». Юдит не возражала. И он погрузился в нирвану. Потом была еще позиция цапли, а потом закрученный узел. На этот раз Юдит превзошла саму себя. Алексу вдруг вспомнилась нашумевшая пьеса Ив Энслер «Монологи вагины», которую он смотрел как-то в Вест-

Сайдском театре на Бродвее. «А ведь Ив было бы чему поучиться у Юдит», — подумал он.

— Алекс, мне надоело быть одной. Я хочу, чтобы мы были вместе, — сказала Юдит, когда «мюзикл» закончился. — Я имею в виду, что мы не должны встречаться лишь на короткое время, а затем надолго расставаться. По крайней мере пока ты здесь, а не в своей Канаде, мы можем себе это позволить. Как ты на это смотришь?

— Но ты же сама уехала из Лонгрича. Не понимаю, чем была вызвана такая спешка? Могла бы остаться на несколько дней.

— К сожалению, не могла. Были особые обстоятельства. Но теперь все изменилось, у меня есть постоянная работа. И это недалеко отсюда, всего четыреста километров. А сейчас вся эта неделя у меня вообще свободна, так что мы можем провести ее вместе.

— Ничего не получится, Юдит. Я послезавтра уезжаю. Мы можем вернуться к этому разговору после возвращения.

— Какая досада. Я так мечтала провести целую неделю с тобой. А нельзя ли перенести поездку?

— К сожалению, нельзя.

— А куда ты едешь? Может быть, мы поедем вместе? Если это, конечно, недалеко и займет не больше недели.

— Нет, Юдит. Это нереально. Я еду не один. И это достаточно далеко. Мы летим самолетом.

— Ну что ж, нет так нет. Очень жалко. Самолетом? Это значит вы должны сначала добраться до Рокхемптона, ведь авиарейсы есть только оттуда. А Эмеральд как раз по дороге в Рокхемптон. Вот и прекрасно, ты довезешь меня до Эмеральда. Не возражаешь?

— Нет, Юдит. Мы не едем в Рокхемптон, а летим из Лонгрича.

— Но отсюда нет рейсов. Как же вы полетите?

— У нас свой небольшой самолет. Мы летим прямо отсюда.

— Так все неудачно. Обещай, что позвонишь, как только вернешься. Ну, а завтра у тебя найдется для меня время?

— Когда вернусь, обязательно позвоню. А завтра я, к сожалению, буду занят до позднего вечера.

— Ну, тогда мне нечего здесь делать. Утром уеду автобусом в Эмеральд. Не везет нам с тобой. То у меня особые обстоятельства, то у тебя...

26

«Джет командер» плавно оторвался от взлетной полосы и взял курс на запад. До Перта было ровно четыре часа полета. Они прилетят туда на день раньше Шмуэля. Договорились, что их встретит Рой Сингх и отвезет прямо на яхту. Алекс подумал, что должен прибыть отдохнувшим, в хорошей форме. Поэтому сейчас неплохо было бы стряхнуть усталость, накопившуюся за последний месяц. Он откинул спинку кресла и попробовал заснуть. Но как только закрыл глаза, перед ним возникла Юдит в позиции цапли. «Ну все, — сказал он себе, — началось наваждение. Если уж мысль зацепилась за что-то, то бесполезно стараться не думать об этом». Спать почему-то расхотелось. Он взглянул в окно — они летели над пустыней Симпсон. Унылый пейзаж, смотреть было не на что.

Внезапно возникло ощущение полной беззаботности, как это часто бывало у него в полете, — впервые за долгое время голова была свободна от мыслей о работе, «Альбион Энерджи» и даже о Юдит. Но

это ощущение длилось недолго. В голову ни с того, ни с сего полезли какие-то далекие и не очень далекие встречи, события, случаи из жизни. Неожиданно память заработала, как неуправляемый кинопроектор, который стал раскручивать длинную ленту беспорядочных воспоминаний. Будто чей-то невидимый палец нажал кнопку... Вдруг замелькали кадры той страшной школьной драки во время «дела врачей», когда его беспощадно били всем классом. После этого Алекс твердо решил стать боксером. Боксером не стал, но держать и наносить удары научился хорошо. Это выручало не раз. А крепкий кулак, как говорила мама, ему достался от деда... Потом пошли эпизоды институтской жизни, разведки в разных странах, защита диссертаций — одной, другой. Там были иные удары, но он держал и их. И наносил ответные в виде неожиданных и продуманных аргументов. Оппоненты отступали...

После этого, без всякой связи с предыдущим, вспомнились соседи по коммунальной квартире — сантехник Сергей Дмитриевич, дядя Сережа, одинокий холостяк, занимавший шестиметровую комнатку, и Эсфирь Давыдовна, учительница истории, которой принадлежала самая большая «жилплощадь». С дядей Сережей Алекс любил играть в шахматы. Снимая с доски фигуру Алекса, он обычно приговаривал: «Что, мальчик, попался? Будешь знать, как зевать». В тридцатых годах Сергей жил с родителями в большой отдельной квартире. Отец его был директором крупного завода. В тридцать седьмом, когда ему было одиннадцать лет, родителей арестовали, и больше он их не видел. Через неделю в пять утра пришли за ним. Чекисты вывели Сергея из подъезда, около которого стояла черная «эмка». «Иди в машину», — сказали ему, а сами остановились покурить. Но неожиданно для них и для

себя он бросился бежать через пустынную улицу к немецкому посольству, расположенному напротив по очень подходящему адресу — Мертвый переулок. У посольства дежурили два милиционера. «Держи его!» — закричали им чекисты. Один из постовых сделал Сергею подножку, а другой схватил за руку. В это время мимо проходила старушка — из тех, кому не спится по утрам. «Что, мальчик, попался? Будешь знать, как воровать», — донеслись до него ее назидательные слова, последние слова, которые он услышал на свободе. По непонятной причине они прилепились к Сергею на всю жизнь. Потом были пять лет в детдоме, а за ними четырнадцать лет воркутинских лагерей.

Сергей Дмитриевич и Эсфирь Давыдовна были в постоянной ссоре и между собой не разговаривали. «Книгоноша», как звали учительницу соседи по дому, жила в их квартире почти всю жизнь, за исключением четырех лет эвакуации. Единственное, что она увезла с собой в октябре сорок первого, когда в спешке покинула Москву, было полное собрание сочинений Ленина. С этими красными томами и вернулась обратно. Тогда и получила свое прозвище...

Потом память вдруг выхватила из сумбурной мозаики встречу в Тель-Авиве с Авнером, отставным полицейским, который в детстве прошел Освенцим и уцелел только потому, что был в крематорной команде. Вместе с другими подростками он выгребал пепел из печей и собирал его в большие контейнеры, а зимой в гололед они посыпали им дорожки перед домами эсэсовцев. В мае 1962 года, когда был сожжен труп повешенного Эйхмана, этому бывшему узнику лагеря смерти, а теперь офицеру израильской полиции, было поручено выйти на катере ВМФ за пределы территориальных вод Из-

раиля и высыпать пепел в море. На вопрос, о чем он думал при этом, Авнер ответил: «Первое, о чем подумал: как мало пепла остается от человека...»

Эта история дала толчок другим воспоминаниям, так или иначе связанным с жизнью и смертью. Когда-то судьба свела Алекса с известным грозненским геологом Николаем Ильинским, детство которого прошло в Центральной России, а работать ему пришлось десятки лет на Кавказе. Мечтал Николай на старости лет вернуться в родные края и поселиться в каком-нибудь маленьком, тихом городке, вдали от промышленных центров. И вот за пять лет до пенсии стал он подыскивать подходящее место. Каждый отпуск супруги Ильинские отправлялись в российскую глубинку и объезжали по пять-шесть городков. Интересовали Николая только кладбища. Он методично обходил все могилы, ряд за рядом, и списывал с памятников в толстую тетрадь годы рождения и смерти. Потом сводил эти данные в таблицы, строил графики и рисовал диаграммы. Был он человеком аналитического склада ума и верил в статистику. Целью его было найти городок с наибольшей средней продолжительностью жизни. Обследовав около сорока мест по своему вкусу, он нашел, что искал, где-то в Пензенской области. Выйдя на пенсию, Николай с женой переехал туда. Он собирался жить долго. А через год утонул в реке Суре...

Потом «кинопроектор» перенес Алекса в Швейцарские Альпы, где познакомился он однажды с американской супружеской парой. Фрэнку было восемьдесят два года, а Кэтрин — семьдесят пять. Горные лыжи занимали главное место в их жизни. Почти круглый год они гонялись за снегом по всему миру, переезжая с континента на континент — Америка, Европа, Австралия. В одном месте сезон за-

канчивался, в другом начинался. Алекс любовался их отточенной техникой и каким-то особым изяществом, с которым они закладывали виражи на крутых склонах, то идя след в след, то расходясь в разные стороны, обгоняя друг друга, а затем снова сближаясь. Это напоминало грациозную игру дельфинов. Иногда Алекс намеренно отставал, чтобы наблюдать за ними сверху, когда они были похожи на молодую пару, проводившую в горах свой медовый месяц. И вот во время одного из таких спусков, Фрэнк, шедший на большой скорости впереди жены, упал и умер. Наверное, он сначала умер, а потом упал. Все произошло мгновенно. Алекс едва успел затормозить около них. Кэтрин спокойно сказала: «Фрэнк ушел». Алекс начал было говорить слова соболезнования, но она остановила его: «Все в порядке, Алекс. Он мечтал о таком уходе. Он счастлив». Она не сказала «умер», на ее лице не было скорби. Его особенно поразило слово «счастлив». «Действительно, прекрасный уход, — подумал тогда Алекс. — Альпы, яркое зимнее солнце, ослепительно белый снег. Человек мчится вниз, легко перенося тяжесть послушного тела с одной лыжи на другую и не чувствуя своих восьмидесяти двух лет. Каждая его клетка полна жизни... И вдруг некий внутренний маятник, отмеривающий время, отведенное нам в этом мире, качнулся немного сильнее и безболезненно пересек ту таинственную границу, которая отделяет бытие от небытия и из-за которой уже нет возврата. Что может быть лучше! Я бы не отказался от такого ухода. В общем-то смерти не следует бояться. С ней надо лишь успеть пересечься на большой скорости...»

Снежные Альпы напомнили о другом снеге, который так и остался для Алекса большой загадкой, чем-то на грани мистики и черной магии. Как-то

гостил он у родственников в Бостоне и очень подружился с их сыном, четырехлетним Мирончиком. Однажды мальчик заявил, что не заснет, если Алекс не расскажет ему на ночь сказку. Сказка была рассказана, но Мирончик все не засыпал. И вдруг он спросил:

— А ты можешь быть волшебником?

— Могу, — ответил Алекс, не подумав о последствиях.

— Ну, тогда сделай так, чтобы завтра пошел снег.

Дело было в апреле, последний снег растаял больше месяца назад. «Обманывать детей нехорошо, — подумал Алекс, — но отступать поздно. К тому же завтра все забудется».

— Обещай, что заснешь, если сделаю.

— Обещаю.

Алекс произнес волшебное заклинание, и уже через пять минут Мирончик сладко спал. Рано утром он ворвался в спальню родителей с громким криком:

— Он волшебник! Он настоящий волшебник! Он сделал это!

За окном валил снег...

Не обошел «кинопроектор» и самый яркий эпизод в профессиональной жизни Алекса — «яркий» в прямом и в переносном смысле. Перед его глазами в который раз возник тот памятный пожар на нефтяной скважине. Случилось это на одном из островов в Малаккском проливе. Во время бурения неожиданно началось аварийное фонтанирование. Нефтяной пласт вдруг вышел из-под контроля и «заработал». Нефть под огромным давлением прорвалась в скважину и стала выбрасывать с невероятной силой на поверхность все, что в ней находилось. Алекс впервые видел, как тяжелые стальные трубы

вылетали из скважины и, извиваясь в воздухе, как макароны, бились, будто в клетке, внутри буровой вышки. В какой-то момент удар металла о металл высек искру, и ревушая струя нефти превратилась в гигантский факел, плавивший металл и озарявший все вокруг на десятки километров. Это незабываемое зрелище показало Алексу более наглядно, чем все расчетные формулы, вместе взятые, какую сокрушительную энергию таят в себе нефтяные пласты и какая точная ювелирная работа требуется для того, чтобы держать их под контролем. Малейшая оплошность или просчет — и нефть вырывается наружу, сметая все на своем пути... На эти воспоминания хаотически напоздали другие — женщины, репатриация в Израиль, жизнь в Канаде...

«Э, нет, — сказал себе Алекс, — так дело не пойдет. От этого калейдоскопа можно обалдеть еще больше, чем от всего, что произошло за последний месяц. Если уж вспоминать, то что-то одно и упорядоченно». А не восстановить ли в памяти всю ту почти невыносимую цепь случайных драматических событий, которая привела его и Андрея к тому, чем они сейчас занимаются? Эта мысль увлекла его. Сон все равно прошел, а четырех часов полета вполне достаточно, чтобы прокрутить все это в голове кадр за кадром. «С чего начнем? — спросил он себя и тут же решил: — Начнем, пожалуй, с Канады». Как он оказался в этой стране? После двух лет жизни и работы в Израиле Алекс получил приглашение от крупной канадской нефтяной компании занять должность советника по зарубежной разведке и переехал в Калгари. Первоначальный двухлетний контракт превратился в шестилетний, и за это время ему пришлось поработать почти на всех континентах. Но занимаясь разведкой в разных странах, он продолжал внимательно следить за

поисками нефти в Израиле. Его поражали их бессистемность, хаотичность, непрофессионализм. При встречах с израильскими коллегами он говорил об этом. С ним соглашались, однако ничего не менялось. Тогда он написал письмо министру энергетики, в ведении которого находилась нефтяная разведка. Ответа не последовало. Но когда через год Алекс вернулся в Израиль, перед ним закрылись все двери. В работе ему было отказано. сосед по дому, занимавший важную должность в администрации университета, взялся по собственной инициативе переговорить о нем с деканом геологического факультета, с которым Алекс не был знаком. Он вернулся после разговора обескураженный: «Алекс, что ты такое натворил? Декана передернуло, как только я назвал твое имя». Было ощущение, что какая-то таинственная инстанция, определяющая кошерность граждан, сделала в его личном деле отметку, подобную волчьему билету: «Не подлежит трудоустройству в государстве Израиль». Это ощущение превратилось в уверенность, когда в его руки, по недосмотру чиновника, попало конфиденциальное письмо министра энергетики министру абсорбции, в котором говорилось: «Профессиональные качества геолога Алекса Франка не соответствуют израильским стандартам. Поэтому трудоустроить его даже по специальной стипендии министерства абсорбции не представляется возможным». Вся эта кафкианская ситуация очень смахивала на то далекое школьное избиение во время «дела врачей», когда у маленького Алекса просто не было шансов. И все же тогда ярость одноклассников была хотя и слепой, но справедливой — били за дело, за отравление видных деятелей государства. Сейчас били соплеменники — мстительно, изоциренно, основательно, чтобы уже не смог под-

няться. Целью было лишить возможности работать, а значит, и жить. Так умеют бить только «свои» — за критику, за «несоответствие профессиональному стандарту», за неприятие корпоративной круговой поруки. Вроде бы тоже за дело... Вспомнились слова из документальной эпопеи Юлия Марголина «Путешествие в страну ээка»: «Лагеря представляют собой дикарское неуважение к человеческому таланту и умению. Человек, десятки лет работавший в любимой профессии, убеждается в лагере, что все усилия его жизни пошли насмарку». Какой бы двусмысленной такая аналогия ни была, но запрет на профессию вызывает одинаковую реакцию и в лагере, и на свободе — для человека имеет значение только то, что «все усилия его жизни пошли насмарку», а не то, где это произошло...

Все еще веря в здравый смысл, он написал несколько писем руководителям страны. Никто из них не ответил. Тогда он обратился к Государственному контролеру. Алекс апеллировал к государственным интересам и позволил себе образно описать ситуацию: «Мое положение еще можно было бы понять, если бы я был экспертом по выращиванию кукурузы, в услугах которого страна не очень нуждается. Но в моей профессиональной области Израиль вот уже в течение сорока лет идет от одной неудачи к другой...» Вскоре пришел ответ, подписанный помощником контролера: «По вопросу выращивания кукурузы вам следует обратиться в министерство сельского хозяйства». Круг кафкианского абсурда, этот израильский национальный бублик, замкнулся. Последняя иллюзия исчезла, что лишь подтвердило старую истину: мечты иногда сбываются, иллюзии — никогда. Побуждения чиновника были, видимо, вполне искренние, но Алекс решил не следовать его совету, а вместо этого предложил

свои услуги в качестве консультанта иностранным нефтяным компаниям. То, что было с таким злорадством отвергнуто в Израиле, оказалось с благодарностью востребовано в других странах. Проблемы несоответствия «профессиональных качеств геолога Алекса Франка местным стандартам» не возникло. Впрочем, там, где разведка нефти идет успешно, профессиональные стандарты отличаются от израильских. В его карьере наступил новый этап. Он консультировал разведочные работы во многих странах, в том числе и в России. По его проектам и рекомендациям бурились скважины и открывались новые нефтяные месторождения в разных районах мира. Он снова держал удар.

...Однажды на тель-авивском пляже Алекс столкнулся лицом к лицу с Андрюхой Шейнманом. Встреча была столь же радостной, сколь и неожиданной. Когда-то, несколько лет подряд, они сидели за одной партией, и в школе их даже называли «эти однопартийцы». В десятом классе Андрей прославился переводами Шекспира, которые стали весьма популярны среди однокашников-акселератов. Бывало, на школьных вечеринках Алекс объявлял: «А сейчас известный поэт-переводчик Шейнспир озвучит собственное видение Шекспира. Вниманию публики предлагается гигиеническая трагедия „О, Тело!“». Андрей входил с кувшином в руке, с лицом, вымазанным черной ваксой, и читал монолог: «Ты перед сном подмылась, Дездемона? Скорей подмойся. Я не помешаю. Я рядом подожду. Избави бог убить тебя, не подготовив тело». Акселераты громко ржали... После школы пути «однопартийцев» разошлись. Андрей стал физиком, а Алекс — геологом. В первые институтские годы они еще изредка встречались, но затем потеряли друг друга из виду. Алекс колесил по всей стране, а Андрей зарылся

в какой-то «ящик» и, по слухам, делал головокружительную научную карьеру. Только однажды за много лет Алекс разыскал его и пригласил на защиту докторской. Потом на банкете, когда гости, как обычно, состязались в непомерном восхвалении «тостуемого», Андрей поднял бокал и сказал: «Вот тут пили за лучшего геолога Татарии, Башкирии, Советского Союза и стран СЭВ. Такими словами можно погубить человека. Я хочу привести новоиспеченного доктора к его истинному масштабу и тем уберечь от гордыни. Предлагаю тост за лучшего геолога с нашей парты, в чем нет ни капли преувеличения и что не так уж мало».

И вот теперь «лучший геолог» и «лучший физик» с одной парты стояли на пляже друг против друга и беспорядочно восклицали: «...Леха... Андрюха... ты здесь... какими судьбами?... а ты что тут делаешь?... я и не знал, что ты приехал... и я не знал про тебя... ты давно в Израиле?... а ты?...» Они стали встречаться, обсуждать свои дела. Андрей рассказал, что сконструировал электронный прибор, который позволяет различать образцы одного и того же вещества, находившиеся длительное время в разной среде. Стандартный анализ разницу между ними не улавливает. Она проявляется лишь после специальной термической обработки образцов. Только после этого на экране компьютера, соединенного с прибором, появляются резкие пики, по высоте которых можно с уверенностью отличать одни образцы от других. Андрей не знал, какова природа этого явления, которое было как-то связано с изменениями на уровне энергетики кристаллической решетки, но полагал, что метод найдет широкое применение в различных областях. Однако все его попытки заинтересовать открытием израильские университеты, исследо-

вательские центры и фирмы оказались безрезультатными.

У Алекса сразу же возникла мысль попробовать метод на образцах почвы над нефтяным месторождением и за его пределами. Он, конечно, хорошо знал историю так называемых методов прямого обнаружения нефти и не питал иллюзий на этот счет. Но что мешает попробовать? Через несколько дней Алекс вместе с двумя рабочими отправился на единственное в Израиле нефтяное месторождение недалеко от Ашкелона. Он отобрал несколько десятков образцов — над залежью нефти и на участках, где нефти нет. Андрей сделал анализы и передал ему результаты по телефону. По мере того как Алекс наносил цифры на карту, он стал испытывать состояние интеллектуального оргазма. Образцы отчетливо «высветили» нефтяной участок. Это был поворотный пункт, момент истины, фантастический прорыв в той области, в которой до этого были сплошные неудачи... Но с точки зрения статистики, данных по одному месторождению было недостаточно для уверенных выводов. Алекс поехал в Россию и, используя свои прежние связи, отобрал образцы на четырех нефтяных месторождениях в разных районах. После этого с помощью старого институтского товарища ему удалось получить почву с трех месторождений в Америке. Весь этот представительный статистический материал свидетельствовал об одном и том же — метод указывает присутствие нефти с абсолютной точностью.

Алекс и Андрей понимали, что метод сам по себе еще не дает им возможности вести разведку. Нужны огромные деньги — для участия в тендерах на разведочные участки, бурения скважин и накладных расходов. «Без наличности нет личности», — любил говорить Алекс. Эту проблему мож-

но было решить двумя способами — или привлечь какую-либо крупную нефтяную компанию, или найти очень богатого частного партнера. Они начали с первого варианта. Написали письма в более чем сто международных компаний, предлагая каждой из них прислать им для анализа пятьдесят образцов почвы, отобранных над месторождениями и за их пределами. Они гарантировали, что проведут так называемый «слепой тест» и точно укажут, какому участку принадлежат те или иные образцы. И в зависимости от этого готовы вести дальнейшие переговоры. Реакция на письма обескуражила. Подавляющее большинство адресатов, в том числе «Игл Корпорэйшн» и «Альбион Энерджи», вообще не ответили. А немногие ответы сводились к тому, что «наша компания уже пыталась использовать различные модификации методов прямого обнаружения, убедилась в их безрезультатности и больше не намерена участвовать в подобных экспериментах». Американская компания «Тоноко», входящая в первую десятку в мировом нефтяном бизнесе, пошла немного дальше, подсчитав, что «отбор пятидесяти образцов на наших месторождениях в разных странах обойдется в двадцать тысяч долларов», и сделала вывод, что «такие затраты не могут быть оправданы». Ежегодный разведочный бюджет этой компании составляет сотни миллионов долларов! Самым удивительным в письме было то, что подписал его начальник отдела... «новых разведочных технологий». Им предлагались миллиарды, но их воображение не поднималось выше двадцати тысяч. Дело, видимо, в том, что общий мировой запас здравого смысла в области оценки новых открытий и технологий — величина постоянная, а «оценщиков» становится все больше. К тому же, как говорили древние римляне, *hominis est errare, insipientis*

*perseverare**. Эта мудрость справедлива во все времена и для всех цивилизаций. Что касается «Игл Корпорэйшн» и «Альбион Энерджи», то из-за отсутствия внутренней координации в них не смогли уловить связь между группой «Дабл Эй» и странными письмами, которые были получены когда-то от двух изобретателей из Израиля и, видимо, выброшены в корзину. Письма попали в отдел так называемых новых технологий, а оперативной разведкой занимались совсем другие люди. И постоянного контакта между ними не было. Во всяком случае, первые никогда не сообщали вторым о большинстве предложений, которые к ним поступали.

Отказы и полное отсутствие интереса разочаровали Алекса и Андрея. Но разочарование могло быть еще большим, если бы не сходная судьба многих других открытий, о которых им было известно и которые сегодня прочно вошли в повседневную жизнь и технологию. Пожалуй, одна из самых впечатляющих историй связана с копировальной машиной «ксерокс». Драматическую сагу об этом изобретении рассказал Джон Дессауэр, вице-президент «Ксерокс Корпорэйшн», в книге, которая красноречиво называется «Миллиарды, которых никто не хотел». Более захватывающей и поучительной документальной истории им не приходилось читать. Изобретатель ксерокса Честер Карлсон предлагал свое открытие более чем двадцати крупнейшим американским компаниям. Ни одна из них не проявила к предложению ни малейшего интереса. Оно было безоговорочно и единодушно отвергнуто всеми адресатами, среди которых были такие гиганты, как Ай-Би-Эм, «Дженерал Электрик», «Кодак». Они

* Людям свойственно ошибаться, глупцам — упорствовать (*лат.*).

просто не допускали, что копировальный процесс, основанный на электрофотографии (первоначальное название ксерографии), возможен. А люди, отвечавшие в этих компаниях за «новую технологию», были начисто лишены любопытства и воображения. Глава исследовательского отдела фирмы «Кодак» ответил Карлсону: «„Кодак“ интенсивно экспериментировал в области создания копировальной техники и приобрел в этом значительный опыт. Мы полагаем, что процесс, основанный на электрофотографии, не имеет технологической и коммерческой перспективы, и не намерены вкладывать средства в его разработку». Речь шла о двадцати пяти тысячах долларов... В таком же духе отреагировали и другие компании. «Бог почему-то больше любит президентов компаний, чем изобретателей», — с горечью сказал Карлсон жене после очередного отказа. Через несколько лет фирма «Кодак», поняв свою ошибку, сделала попытку «вскочить в поезд», но было уже поздно.

В США нашлась только одна небольшая малоизвестная фирма «Галоид», производитель фотобумаги, со штатом в несколько десятков человек, которая сумела оценить изобретение Карлсона, увидела в нем огромный потенциал и вложила в его дальнейшую разработку все свои скромные ресурсы. Одним из побудительных мотивов ее руководителей была борьба за выживание в условиях жесткой рыночной конкуренции, что делало их особенно восприимчивыми к новым идеям. «Жирные коты» из больших корпораций лишены такого качества. За десять лет, благодаря этому изобретению, фирма «Галоид» превратилась в гигантскую «Ксерокс Корпорэйшн», в которой были заняты более шестидесяти тысяч человек. Джон Дессауэр пишет в своей книге: «Если бы счастливый случай не свел Карл-

сона с „Галоид“, ксерография никогда не стала бы реальностью, а фирма не превратилась бы в одну из крупнейших и наиболее динамичных американских корпораций». Воистину, случай слеп, но щедр. И приходит он к тем, кто его ищет.

Алекс и Андрей продолжали упорно искать свой «случай». Оставался второй вариант — привлечение богатого партнера. В Израиле много миллионеров. Но все, к кому они обращались, либо открыто подозревали их в мошенничестве, либо посылали предложение израильским «экспертам по нефтяной разведке». Через короткое время им сообщали, что заключение «экспертов» отрицательное, и это означало окончание переговоров. Возможно, не все руководители международных нефтяных компаний и израильские «эксперты» были знакомы с историей изобретения парохода, но все они без исключения вели себя подобно французским адмиралам. Они не хотели даже попробовать. И вот когда «однопартийцы» уже стали отчаиваться и терять надежду на успешный исход своего дела, они обратились к Шмуэлю, который сыграл в их судьбе такую же роль, какую английские адмиралы сыграли в судьбе Фултона, а «Галоид» — в судьбе Карлсона...

«Да, есть что вспомнить, — подумал Алекс. — Когда-нибудь я напишу обо всем этом. Воспоминаний хватит на большую книгу. Но будут ли ее читать?» Он раскрыл томик «Письма Плиния Младшего», который захватил в дорогу, и нашел знакомое место: «Всякий раз, думая о том, что наводит на читателя скуку и что доставляет ему удовольствие, я прихожу к выводу: главным достоинством книги является ее краткость». Это Плиний писал Луперку, другу и постоянному рецензенту своих сочинений. А царь Соломон сказал совсем просто: «Много

читать — утомительно для плоти». «Ну что ж, учтем мнение древних. Не дадим читателю скучать и не станем утомлять его плоть. В книге будут лишь факты, никаких отвлекающих пассажей и размышлений. И только правда. Ну, и еще то, что могло бы ею быть. Плюс немножко игры. Без нее нельзя». Вспомнился Максимилиан Волошин: «Я верю в жизнь, и в сон, и в правду, и в игру». «А как она будет называться — „Прямое обнаружение“, „Прорыв“? Или, может быть, „Серая зона“? Да, „Серая зона“ — это, пожалуй, неплохо». В голове сразу же возникло объяснение такого, казалось бы, «бесцветного», но в то же время адекватного и точного названия. Чтобы не забыть, Алекс вынул из дорожной сумки ноутбук и начал печатать. «А имя героя? Придумаю потом, — решил он, — пока условно можно использовать свое». Он напечатал три фразы. Перечитал. Понравилось. По странной ассоциации в памяти всплыл забавный каламбур с очевидным подтекстом: «Серые начинают и выигрывают». Появился мимолетный соблазн обыграть его. Но это была бы явная натяжка — к будущей книге он не имел никакого отношения. Как обычно, поставил под текстом дату и точное время — 8 августа 199... года, 11 часов 40 минут. Потом закрыл ноутбук и положил его обратно в сумку.

...Почти вся жизнь промелькнула перед ним будто в причудливом калейдоскопе. События — как ничем не примечательные, заурядные, так и кажущиеся нереальными, фантастическими — тесно переплелись в его судьбе, превратив ее в плотно сбитую, хотя и не слишком гармоничную мозаику, где каждый фрагмент был на своем месте и где ничего нельзя переставить. Удалась ли жизнь? Счастлив ли он? По большому счету, наверное, да. Уже одного метода прямого обнаружения достаточно

для утвердительного ответа на этот хрестоматийный вопрос. Алекс усмехнулся. «Осторожно, — подумал он. — Боги не любят счастливых людей. Они знают, что не нужны им. Кто это сказал? Кажется, Геродот...» Все эти сумбурные, волнующие и не всегда приятные мысли и воспоминания утомили его. Алекс почувствовал, что действительно устал и должен вздремнуть. Трое его спутников уже давно похрапывали. Он откинул спинку кресла, закрыл глаза и уснул почти мгновенно.

Шмуэль прилетел на следующий день. Его встречал Радж. Они обнялись. Шмуэль заглянул через его плечо и оглянулся вокруг.

— А где мои ребята? Еще не прилетели?

Радж молча протянул ему газету «Перт Морнинг Геральд», раскрытую на странице «Происшествия». В небольшой заметке «Авиационная катастрофа» говорилось: «Вчера в двенадцать часов дня в районе городка Форрест, штат Западная Австралия, произошла катастрофа самолета „джет командер“. Очевидцы рассказывают, что он взорвался в воздухе. Все пассажиры и экипаж погибли. Среди остатков багажа, разбросанных в радиусе двух километров, обнаружена обгоревшая дорожная сумка одного из пассажиров. Она была заполнена мягкими вещами, в которых находился уцелевший ноутбук. За двадцать минут до взрыва на нем был напечатан следующий текст: „В серой зоне миллиардных прибылей правила игры одинаковы и для белых воротничков из роскошных офисов на верхних этажах небоскребов, и для наркобаронов из колумбийских джунглей. Алекс понимал, что работая методом прямого обнаружения, они рано или поздно вползут в эту зону с ее смертельными схватками в буквальном смысле слова. Большой бизнес ни-

когда не отступает...“ Следователи полиции полагают, что этот текст не имеет отношения к катастрофе и не может пролить свет на ее причины. Скорее всего, это отрывок из какого-то литературного произведения».

27

— На линии Давид Бен-Эзра. Вас соединить? — спросила секретарь.

— Да, конечно, — ответил Шмуэль.

— Шалом, Шмуэль. Если ты не очень занят сегодня, я бы предложил пообедать в старом Яффо «У Бени-рыбака». Как ты на это смотришь?

— Хорошо. Встретимся в двенадцать.

Они заняли столик в тихом дальнем углу. Сделали заказ. Помолчали.

— Через неделю ровно год, как погибли ребята, зихронам левраха*, — прервал молчание Давид.

— Были убиты, — поправил Шмуэль.

— Да, были убиты.

— Какие новости у Мориса? — спросил Шмуэль.

Вместо ответа Бен-Эзра вынул из кейса свежий номер «Интернэшнл Геральд Трибюн» и раскрыл его на странице «Происшествия». В короткой заметке «Катастрофа в Северном море» сухо сообщалось: «Вчера в двадцати милях от Абердина, Шотландия, упал в море вертолет компании „Альбион Энерджи“, летевший на новую нефтяную платформу. Все восемь человек, находившихся на борту, включая президента компании Энтони Крэйга и двух вице-президентов Ларри Эванса и Гарри Бриссо-

* Да будет благословенна память о них (иврит).

на, погибли». Шмуэль прочитал заметку, помолчал немного и жестким голосом Шмулика Пистолета произнес слова из книги «Шемот»*:

— И сказал Бог Моше: «Если кто злонамеренно умертвит человека, то даже от алтаря Моего бери его на смерть».

— Амен, — сказал Давид, в ушах которого вдруг зазвучал голос командира группы «Шимшон».

— Когда возвращается группа Мориса? — спросил Шмуэль.

— Самолет прибывает через три часа.

Шмуэль снял с пояса мобильный телефон и набрал номер секретаря.

— Офра, заседание Совета директоров переносится на завтра. Сегодня я занят.

Официант принес бутылку вина. Шмуэль поднял бокал.

— Лехаим, алуф**.

— Лехаим, мефакед***.

Был первый день августа 199... года — последний день операции «Альбион».

* «Шемот» («Имена») — вторая книга Торы.

** Полковник (иврит).

*** Командир (иврит).

